61:01-7/211-9

Воронежский государственный университет

На правах рукописи

Кудрявцева Елена Юрьевна

ДРЕВНЕРУССКО-ПОЛОВЕЦКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

(вторая половина XII – первая треть XIII вв.)

Специальность 07.00.06 – «Археология»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор Винников А.З.

Воронеж - 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3
Глава I. Историография и источники 14
I.1. Историография.....14
I.2. Источники.....42
Глава II. Археологические памятники в зоне древнерусско-половецкого пограничья и их социально-историческая интерпретация.....56
II.1. Укрепленные поселения.....60
II.2. Неукрепленные поселения.....109
II.3. Половецкие памятники.....119
Глава III. Древнерусско-половецкие взаимоотношения в лесостепном Подонье во второй половине XII – первой трети XIII вв.....128
Заключение.....156
Список литературы.....165
Список сокращений.....181
Приложение.....182

ВВЕДЕНИЕ

Особое место в изучении отечественной истории занимают проблемы социально-экономического, политического и культурного развития Древней Руси в период феодальной раздробленности. Осмысление проблематики этого периода истории Руси неразрывно связано с углубленным изучением социально-экономических и политических процессов в рамках отдельных княжеств, земель, в связи с чем специальное внимание исследователей привлекает разработка и уточнение отдельных сюжетов истории Древней Руси на региональных материалах.

Уяснение процессов феодального дробления невозможно без учета факторов, связанных с соседством древнерусских земель к средневековому кочевому миру южнорусских степей. Особую значимость в этом отношении приобретает изучение окраинных районов Руси. Исторически важную пограничную зону между Древнерусскими княжествами и Половецкой землей в домоногольский период составляет регион, расположенный в лесостепной части Подонья.

Накопленный археологический материал позволил исследователям дать схему колонизации Подонья восточнославянским населением в начальный период создания государственности. Возрастание славянского переселенческого потока в данном регионе отчетливо фиксируется с IX - X вв. и хронологически совпадает с появлением на Дону поселений, получивших в литературе название борщевские или роменско-борщевские.

В связи с освоением Лесостепного Подонья разноплеменными славянскими группами, определены два района наиболее интенсивной колонизации. Территория Среднего Дона была освоена вятическим населением, а на Верхнем Дону оседали предположительно поляне и выходцы из Северской земли. Исследователи отмечают, что уровень развития хозяйственной деятельности славянского населения Дона соответствовал достижениям восточнославянского мира в центральных районах государства (Винников, 1995, с. 42, 122 - 123).

Необходимо отметить, что этническая картина региона в IX - X вв. была сложной и неустойчивой. Расселение восточных славян происходит в тот пери-

од, когда северные и северо-западные рубежи Хазарского каганата были обозначены. Территория расселения алано-болгар входила в состав каганата и находилась в непосредственной близости к поселениям донских славян. На материалах славянских поселений в бассейне Дона прослеживается взаимовлияние двух культур, охватившее разные стороны хозяйственной и общественной жизни, оно нашло проявление в торговых отношениях, культурных связях, отмечено также совместное проживание на одних поселениях (Винников, 1990, с. 136).

Особое внимание привлекает вопрос о соотношении рассматриваемого окраинного региона с государственной территорией Древней Руси в конце I тыс. По мнению исследователей, территория, освоенная донскими славянами, с одной стороны, была удалена на значительное расстояние от ближайшей роменской группы памятников, а с другой – испытывала значительное влияние сопредельных алано-болгарских земель. Учитывая также то обстоятельство, что донские славяне являлись данниками Хазарского каганата, вряд ли возможно ставить вопрос об одновременном подчинении Киеву. Вхождение населения Донского региона в состав Древней Руси следует относить к 60-ым годам X в., времени известных походов Святослава (Винников, 1995, с. 125). Распространение государственного влияния на обозначенной территории было прервано печенежским вторжением.

В рассматриваемом регионе в конце I тыс. проходила этническая граница восточнославянского мира. Государственная граница Руси в этом направлении формировалась на левобережье Днепра длительный период. Первоначально юго-восточную пограничную зону составляло междуречье Днепра и Трубежа, после оборонительных мероприятий Владимира в 980 – 1008 гг. граница была отодвинута далее на юго-восток к Посулью (Моргунов, 1999, с. 71 - 73). В конце X – начале XI вв. значительно изменилась социально-политическая и этническая ситуация в лесостепном Подонье. Прекращено функционирование многих поселений и могильников, несколько дольше, до первой половины XI в. продолжает существование укрепленное поселение Животинное на р. Воронеж. Этническая граница начала XI в. обозначена в соответствии с расположением археологических памятников в междуречье Сейма и Северского Донца (Сухо-

боков, 1993, с. 14).

После перерыва, составляющего несколько десятков лет, на юго-восточной периферии фиксируется новый приток древнерусского населения – с конца XI – начала XII в. К этому времени на Левобережье, рядом с Киевом были образованы экономически развитые и политически влиятельные центры – Переяславское и Черниговское княжества, далее на северо-востоке во второй четверти XII в. намечается оформление самостоятельного Рязанского княжества (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 29). Дальнейшее расширение этнической и государственной территории в юго-восточном направлении происходит в середине XII. С этими процессами связано возникновение укрепленных поселений, определявших пограничье в Лесостепном Подонье. Новая волна переселенческого движения охватила территорию юго-восточной окраины – от низовий р. Воронеж на севере до границы лесостепи и степи на юге, от бассейна Северского Донца на западе до Прихоперья на востоке. Заселение обозначенной территории проходило из бассейна Оки, а также восточных районов Черниговской земли (Цыбин, 1987, с. 4, 16 - 17). Продвижение древнерусской культуры в степное пространство в домонгольский период засвидетельствовано расположением неукрепленных поселений по р. Дон, Тихая Сосна, Битюг.

Вторая половина XII – первая треть XIII вв. характеризуется углублением процессов феодальной раздробленности. Русские князья вели междоусобную борьбу на всех уровнях: «за старшинство на Руси, за обладание лучшим княжеством, за получение доли в "Русской земле", за столы внутри княжеств» (Толочко, 1987). Таким образом, к середине XII в. на месте Киевской Руси появилось около полутора десятков княжеств, а в начале XIII в., накануне татарского нашествия, их насчитывается около пятидесяти. При политико-административном и экономическом обособлении и увеличении областных различий, Древняя Русь сохраняла культурное, языковое, религиозное единство и всемерно способствовала укреплению регулярных торговых связей. Почти все исследователи древнерусской истории едины во мнении о том, что обособление отдельных княжеств, земель в домонгольский период было «прогрессивным явлением, сказавшимся на бурном расцвете экономики, культуры и обще-

ственной мысли всех Русских земель» (Рыбаков, 1993, с. 469, 578; Толочко, 1974, с. 52 - 62).

Освоенные районы юго-восточной окраины, прилегающие к землям Переяславского, Черниговского и Рязанского княжеств очевидно в разные периоды межкняжеских столкновений второй половины XII - XIII вв. попадают под власть того или иного княжества. При этом следует иметь ввиду, что характер княжеской власти в отдельных юго-восточных районах Руси был достаточно условный (Сухобоков, 1993, с. 15).

Рассматриваемая территория с востока и юго-востока граничила со степями и соприкасалась с землями, являвшимися с середины XI в. владениями половцев (берега среднего и нижнего Северского Донца). Необходимо отметить, что в период с середины XI – начала XII вв. территория кочевания половцев оставалась неопределенной. С переходом половцев ко второй стадии кочевания, характеризующейся появлением постоянных зимовищ и устойчивых границ, в середине XII в. происходят существенные изменения в географии Половецкой земли. Археологические материалы в сочетании с данными письменных источников позволяют установить четкие границы половецких владений с середины XII в. Во второй половине XII в. происходит завершение объединения крупных половецких союзов, сильнейший из них, донской, сформировался в степном Подонье (Плетнева, 1975, с. 271, 275, 276, карта).

Дальнейшее социально-политическое и культурное развитие окраинных районов Лесостепного Подонья во второй половине XII – первой трети XIII вв. проходило в тесном взаимодействии с половцами. Таким образом, географическое положение Лесостепного Подонья и исторические условия, в которых находилась рассматриваемая территория в середине XII века, способствовали формированию пограничного региона со своеобразным складом русско-половецких отношений.

Интенсивное и целенаправленное изучение истории лесостепного Подонья в древнерусское время началось около двух десятилетий назад. В ходе масштабных археологических работ на рассматриваемой территории был исследован ряд древнерусских памятников, что дало возможность осветить ряд

важнейших проблем истории юго-восточного Порубежья в период феодальной раздробленности. Им посвящены исследования А.Г. Дьяченко (Дьяченко, 1983), М.В. Цыбина (Цыбин, 1987), А.Д. Пряхина (Пряхин, 1988), А.З. Винникова (Винников, 1991), которые позволили в основных чертах определить собственно границу Древней Руси на юго-востоке во второй половине XII – первой половине XIII вв., а также оценить историческую ситуацию в данном регионе.

К настоящему времени можно отметить, что проблематика, возникшая на основе изучения накопленного материала о юго-восточном Порубежье разделилась на взаимосвязанные, но в то же время играющие самостоятельную роль вопросы. Среди них – этническая и культурная преемственность древнерусского населения Верхнего и Среднего Дона XII – начала XIII вв. и населения, предшествующего периода – роменско-борщевской культуры; определение социально-исторического статуса укрепленных поселений лесостепного Подонья в домонгольский период; уточнение пограничной линии в регионе и выяснение ее характера на основе комплексного исследования половецких и древнерусских памятников; изучение так называемой «контактной зоны», расположенной между юго-восточной границей Древней Руси и половецкими землями; выяснение исторических судеб древнерусского населения в последующий период второй половины XIII – XIV вв.

В настоящее время нет специальной работы, в которой были бы обобщены и последовательно рассмотрены все исследованные памятники, составляющие пограничье, а также расположенные в сфере влияния пограничной зоны, нет общей характеристики взаимосвязи между памятниками как внутри исследуемого региона, так и с сопредельными территориями. Проблему освоения древнерусским населением лесостепной части Подонья и характера взаимоотношений на русско-половецком Пограничье в домонгольский период можно отнести к числу наиболее актуальных проблем регионального исследования истории юго-восточной Руси. Новейшие исследования по древнерусской истории региона посвящены одному из аспектов проблемы, а именно – особенностям взаимоотношений на Рязанско-половецком пограничье (Цыбин, 1999, с. 130-137). Вопросы участия половцев в исторических судьбах окраинного погранич-

ного населения нуждаются в глубоком анализе, от их решения во многом зависит общее представление об этнополитической ситуации на юго-востоке Руси. Необходимо отметить, что научная разработка обозначенной проблемы дает многое для понимания характера освоения этого региона не только в период феодальной раздробленности, но и в дальнейшем.

Территория, рассматриваемая в работе, с запада охватывает пространство правых притоков р. Северский Донец – р. Уды, р. Мжа, с востока крайними пределами являются верхние левые притоки р. Дон – р. Хопер, р. Ворона, р. Савала, р. Битюг. С севера район ограничен землями той части Верхнего Дона, которые являлись окраинными для Чернигово-Северской земли и Рязанского княжества (низовья р. Воронеж), с юга – условной границей будет являться переход от лесостепной зоны к степи и северные районы степи, где известны неукрепленные поселения древнерусского времени. Значительный интерес представляет рассмотрение так называемого «Курско-Харьсковкого участка лесостепи», схематически напоминавшего собой «клин, врезавшийся в степи с севера» (Зайцев, 1975) или, используя терминологию Б.А. Рыбакова, «юго-восточного угла Руси» в XII в. (Рыбаков, 1952, с. 23). Этот район составляет примерно третью часть всей протяженности юго-восточных окраинных земель и расположен в бассейне р. Северский Донец.

Хронологически тема диссертации охватывает в основном первую фазу феодальной раздробленности с середины XII до первой трети XIII вв.

Настоящая работа ставит своей основной целью рассмотреть особенности социально-экономического и этнического развития пограничной полосы в лесостепной зоне Подонья и выяснить характер русско-половецких взаимоотношений в домонгольский период. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) Осуществить социально-историческую интерпретацию памятников, определяющих пограничье в Донском регионе.

2) Обозначить направления и особенности миграционного процесса на юго-восточную периферию.

3) Установить характер освоения и хозяйственного использования рас-

сматриваемой территории.

4) Проследить взаимоотношения окраинного русского населения с половцами и определить степень влияния «половецкого фактора» на внутреннее развитие юго-восточного Порубежья.

Объектом исследования являются процессы освоения и социально-экономического, этнического развития юго-восточных периферийных земель Древней Руси в условиях феодальной раздробленности. Основное внимание направлено на рассмотрение исторической ситуации на русско-половецком пограничье в Подонье накануне монголо-татарского нашествия, что составляет предмет предпринимаемого исследования.

Методы исследования в данной работе определены в соответствии с поставленными задачами и современным состоянием источниковедческой базы. Прежде всего, предпринимаемая попытка исследования проблемы должна быть основана на методах комплексного анализа археологического материала и данных письменных источников. Это является одним из главных условий рассмотрения древнерусской тематики. Сложность в изучении темы в значительной мере определяется тем, что летописные свидетельства весьма ограничены, большая их часть имеет лишь косвенное отношение к интересующей нас территории. Поэтому разработку вопросов юго-восточного пограничья, от решения которых во многом зависит представление об освоении окраин Руси, необходимо осуществлять на основе рассмотрения материала во всей совокупности, четкой его систематизации.

Основополагающим принципом настоящего исследования является сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению определенных закономерностей исторического процесса. Сравнительно-исторический подход к изучению вопросов русско-половецкого пограничья в регионе позволяет осуществить сопоставление как одновременных явлений, происходивших в разных районах Древней Руси, но находившихся на разных уровнях развития, так и разновременных, но переживших сходные черты исторического развития (Кизилов, 1979, с. 102). Подобному анализу могут быть подвергнуты в частности принципы организации обороны на юго-восточном Порубежье и процессы ос-

воения окраинной территории во второй половине XII – начале XIII вв. со сходными параллельными процессами на юге Руси и во многом повторяющимися элементами колонизации рассматриваемой территории и устройства сторожевой и станичной службы в конце XVI – XVII вв. Для исследования конкретных категорий археологических материалов применяется типологический метод, способствующий изучению материальной культуры как отражения исторических событий и процессов в отдельных ее частях (Клейн, 1978, с. 76).

Основную источниковую базу данной работы составили археологические материалы, происходящие с памятников древнерусского времени в пределах рассматриваемой историко-географической области. Первостепенное значение имеют археологические коллекции исследованных укрепленных поселений, определяющих юго-восточное пограничье. В рамках исследуемой тематики немаловажны материалы неукрепленных поселений в зоне пограничья, позволяющих оценить характер освоения и хозяйственного использования земель. Особую категорию археологических источников для рассматриваемой темы составляют половецкие памятники, анализ и картографирование которых вносит существенные коррективы в процесс исследования проблемы. Таким образом, реальную, значительную по объему, разностороннюю по характеру базу данных для глубокой интерпретации исторической ситуации на русско-половецком пограничье, создают археологические исследования в регионе.

В работе также с новым источниковедческим подходом использованы письменные источники. Основной характер письменных свидетельств способствовал обращению в процессе работы над диссертацией к значительному количеству источников, рассосредоточенных по разным собраниям. Комплекс письменных свидетельств составляют данные летописей, произведения древнерусской литературы, записки средневековых путешественников, сочинения византийских писателей, а также памятник русской историко-географической мысли начала XVII в. – «Книга Большому Чертежу». Последний источник интересен в том отношении, что позволяет в общих чертах воссоздать состояние ландшафтов в период феодальной раздробленности и осуществить локализацию древнерусских городищ.

Несмотря на то, что многие из источников уже использовались исследователями проблем юго-восточной окраины, изучение соответствующего археологического материала и извлечений из письменных источников о данном регионе, нельзя считать законченным. Дополнительные данные по теме исследования связаны с достижениями в этнографии, исторической географии, топонимике, лингвистике.

Структура диссертационной работы определена в соответствии с логикой изложения материала, необходимого для решения поставленных задач, она состоит из введения, трех глав, заключения.

Во введении обоснована актуальность разрабатываемой темы, указан объект и предмет изучения, определена цель, задачи, методы исследования, выделены территориальные и хронологические рамки.

В данной работе мы считаем необходимым начать исследование с обзора литературы и источников по интересующей нас теме. Содержание первого параграфа главы составляет историографический обзор литературы, который позволил показать достигнутые результаты и современное состояние решения различных сторон проблемы. Избранный хронологический принцип изложения материала и выделение отдельных этапов истории изучения русско-половецкого пограничья в Подонье, позволяют проследить изменение взглядов с течением времени, подвести итоги на каждом из них. Всесторонняя оценка существующих работ как специально посвященных обозначенной тематике, так и причастных к конкретному решению отдельных вопросов, способствует определению главных неисследованных сторон проблемы и обоснованию возможности постановки вопроса, составляющего тему диссертационного исследования. Обзор источников дан во втором параграфе главы. Первостепенное значение имеют археологические материалы. Здесь содержится описание исследованных городищ и неукрепленных поселений, история их изучения, дается оценка их информативных возможностей. В связи с исследуемой проблематикой немаловажно выделение комплекса кочевнических памятников, их характеристика и формы использования в работе. Значительный интерес представляет также фонд письменных источников, позволяющий решать отдельные

вопросы, связанные с русско-половецким пограничьем. Для рассматриваемого региона особую важность имеют Ипатьевская, Лаврентьевская и Никоновская летописи. Среди иностранных источников следует выделить географический труд Идриси, отчеты миссионеров Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука, содержащие информацию о территории Подонья. Дополнительные сведения к характеристике половецкого населения степей содержатся в «Алексиаде» Анны Комниной.

Вторая глава посвящена характеристике археологических памятников в зоне древнерусско-половецкого пограничья и определению их роли в исторической судьбе рассматриваемых территорий в домонгольский период. В первом параграфе главы рассматриваются памятники, месторасположение которых связано с обозначением юго-восточного Порубежья – это укрепленные поселения (памятники I типа). На основе анализа конкретного материала дается всесторонняя оценка хозяйственной, военно-оборонительной, культурной и иной деятельности проживавшего здесь населения. Особое место в исследовании отводится городищу Холки, в материалах которого наиболее явственно проявились черты пограничного быта. Для выяснения особенностей пограничной зоны проведен сравнительный анализ и дана социально-историческая оценка городищ в лесостепной зоне Подонья.

Во втором параграфе рассматривается внешняя, по отношению к городищам, зона, получившая название «контактная» и представленная немногочисленными памятниками открытого типа (тип II). Археологические материалы селищ позволяют дать их суммарную характеристику и обозначить связи этих поселений и с древнерусской и с половецкой территориями.

При рассмотрении проблемы пограничья древнерусских земель немаловажным обстоятельством является установление северо-западных пределов половецкой земли. В третьем параграфе осуществляется картографирование половецких каменных изваяний и погребений, что позволяет локализовать пограничный участок в районе течения р. Северский Донец. В целом, представленные материалы археологических памятников отражают историческую ситуацию, сложившуюся в лесостепном Подонье в XII – начале XIII вв.

Вопросы древнерусско-половецких отношений нашли отражение в третьей главе. На примере памятников лесостепного Подонья, связанных с древнерусским окраинным населением и половцами, появляется возможность проследить конкретные проявления русско-половецких взаимоотношений в культуре двух народов. Комплексное изучение источников позволяет прояснить некоторые черты жизни пограничного населения, определить виды связей между древнерусскими поселенцами и половцами, а также выявить особенности взаимоотношений на разных участках пограничья, установить степень влияния «половецкого фактора» на внутреннее развитие окраинных территорий. Разделение контактов на военно-политические, торговые и культурные способствует углубленному изучению каждого из аспектов взаимоотношений. Привлечение источников и материалов, относящихся к XVI – XVII вв. способствует выявлению некоторых схожих черт в характере оборонительных мероприятий региона в домонгольский период и в конце XVI в., во время активного освоения лесостепных территорий Подонья, а также установлению факта зависимости географического расположения укрепленных поселений от направления дорог, известных в «Книге Большому Чертежу».

В заключительной части работы подводятся итоговые результаты исследования в соответствии с обозначенной целью и основными задачами. Здесь дается целостная оценка проведенного исследования и намечены новые направления общей проблематики истории юго-востока Руси.

Самостоятельную часть работы составляет библиографический список использованной литературы. В приложение вынесены иллюстрации к основному содержанию диссертационного исследования.

ГЛАВА I
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

I.1. Историография

Для отечественной историографии обращение к вопросам взаимоотношений Древней Руси с кочевниками является традиционным. Разное по характеру освещение проблем русско-половецкого пограничья нашло отражение в трудах историографов как специально занимающихся изучением истории научной мысли, так и исследующих отдельные вопросы истории древнерусского государства и кочевников (Советская историография Киевской Руси, 1978; Исследования по истории и историографии феодализма, 1982; Кизилов, 1979; Мавродин, Мавродина, Фроянов, 1970).

Одной из самых значительных работ по историографии взаимоотношений Киевской Руси и кочевников стал очерк Р.М. Мавродиной (Мавродина, 1983). Это наиболее обстоятельный обзор литературы, где достаточно широкий круг вопросов стал предметом специального изучения. В соответствии с обозначенной темой автором проанализированы труды известных русских историков, начиная от В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и заканчивая монографическими исследованиями отечественных историков 60-х гг. XX в., посвященными истории Древнерусского государства и кочевнических обществ. В работе Р.М. Мавродиной нашли отражение исторические исследования, источниковой базой которых послужили главным образом письменные источники. Лишь в разделе по историографии 50-60 гг. уделено особое внимание работам С.А. Плетневой, Б.А. Рыбакова, Г.А. Федорова-Давыдова.

Благодаря практическим результатам, достигнутым в последние десятилетия историками, археологами, этнографами, антропологами, лингвистами, в разработке проблемы взаимоотношения оседлого населения Древнерусского государства с кочевническим миром, многие темы получили самостоятельную значимость. Исходными принципами в выделении отдельных направлений являются не только тематический и хронологический, но и региональный принцип. Особое значение имеют такие аспекты проблемы, как исторические корни

взаимоотношений славянского населения с кочевым населением степной полосы; локальное своеобразие различных групп кочевого населения; атрибуция и классификация предметов материальной культуры кочевников и соотношение их с определенным этносом; направления внешней политики и создание системы обороны на юге Киевской Руси.

Некоторые работы были посвящены анализу литературы по отдельным направлениям проблематики древнерусско-половецкого пограничья. В этом отношении особого внимания заслуживают труды С.А. Плетневой по кочевнической проблематике, где дается обстоятельный историографический анализ изучаемых вопросов (Плетнева, 1958; Плетнева, 1974). Одному из интереснейших сюжетов русско-половецких отношений, нашедшего отражение в «Слово о полку Игореве», походу князя Игоря в 1185 г. к половецким вежам посвящена обширная, специальная литература, рассмотренная Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1971).

Безусловно, историография вопроса о ситуации на русском Порубежье в лесостепной зоне Подонья представляет самостоятельный интерес. Существующие исследования по проблемам взаимоотношения Киевской Руси и кочевников дают возможность наметить ряд вопросов историографического обзора, связанных с обозначенной тематикой исследования, географически ограничивая район русско-половецкого Пограничья Лесостепным Подоньем, устанавливая временные рамки – серединой XII – началом XIII вв. Представляется важным последовательно рассмотреть имеющиеся в литературе точки зрения на следующие проблемы: 1) характеристика материальной культуры, представляющей русское и половецкое население юго-восточной пограничной территории в Среднем и Верхнем Подонье; 2) особенности социально-политических взаимоотношений оседлого населения и кочевников; 3) принципы организации обороны на юго-восточной окраине Древнерусского государства и роль так называемой «Донецкой оборонительной линии» в системе обороны русского Порубежья; 4) характеристика материальной культуры и историческая роль одновременно проживающего на обозначенной территории населения – бродников; 5) обозначение юго-восточной границы Древнерусского государства и ее ха-

рактер в среднем и верхнем течении Дона.

Хронологические рамки историографического обзора определены в соответствии с существующими на эту тематику работами, посвященными в той или иной степени названным проблемам, и охватывают XVIII – XX вв. Предлагаемая ниже схема истории изучения вопроса имеет большей частью рабочий характер и возможно при более глубоком анализе каждого этапа или изменения приоритетов исследования будет уточнена.

Первый этап, XVIII – нач. XX вв., характеризуется исследованием вопросов Пограничья на юго-восточной окраине в рамках общей проблематики древнерусско-половецких отношений, рассматривавшихся, как правило, на базе письменных источников. Вывод, сделанный в трудах В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского об отрицательной роли кочевников в русской истории оставался господствующим долгое время. Половцы рассматривались как самые опасные для Киевской Руси враги и «... мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием» (Карамзин, 1989, с. 158). Под этим углом зрения подводились итоги многих исследований XVIII – нач. XX вв. Анализ концепций, изложенных в трудах ученых этого периода, позволяет охарактеризовать эти работы, как работы описательного характера, основанные на привлечении письменных источников, в первую очередь русских летописей. В научный оборот были введены многие исторические факты, имевшие место в русской истории домонгольского периода. «История...» В.Н. Татищева, имевшая в основе своей обширную источниковую базу в виде русских летописей, многие из которых безвозвратно утрачены, традиционно рассматривается как комплекс материалов по истории Древней Руси (Рыбаков, 1971, с. 94; Кузьмин, 1973, с. 51).

Особенность археологических изысканий к. XIX – нач. XX вв. заключалась в том, что они носили, как правило, «вещеведческий», накопительный характер (Куза, 1985, с. 7-10). Научное осмысление многие из собранных в тот период коллекций по интересующей нас тематике, получили лишь спустя многие десятилетия.

К теме «Русь – кочевники» относятся первые археологические изыскания

В.В. Пассека. Значительный вклад В.В. Пассека в изучение этой проблемы и удивительная для того времени интуиция отмечены в статье М.В. Цыбина (Цыбин, 1998). Мы, лишь касаясь вопросов русско-половецкого пограничья на юго-восточной окраине Киевской Руси, отметим, что В.В. Пассек считал необходимым более подробно остановиться на изучении известного Донецкого городища, связанного с исследованием проблем русского Порубежья. Именно в работе В.В. Пассека впервые прозвучала мысль о существовании цепи «дозорных укрепленных городков» (Пассек, 1840, с. 197), получившая такое же гипотетическое продолжение в исследованиях П.В. Голубовского (Голубовский, 1884, с. 96) и В.Г. Ляскоронского (Ляскоронский, 1907, с. 93). Существенно важным моментом для понимания русско-половецких взаимоотношений В.В. Пассек считал изучение кочевнических древностей, правильно отождествляя каменные изваяния с половецким этносом. М.В. Цыбин отметил, что Пассеком «в принципе верно были определены контуры границы Руси XII- нач. XIII вв. в Левобережном Поднепровье и бассейне Северского Донца» (Цыбин, 1998, с. 104).

С точки зрения изучения принципов организации обороны на русско-половецком пограничье интересна работа Д.Я. Самоквасова «Древние города России» (Самоквасов, 1873), значение которой для того времени было чрезвычайно велико. Д.Я. Самоквасов значительное место отводит изучению особенностей оборонительных сооружений, осуществляет первые шаги по систематизации древнерусских городищ, определяя их значение в оборонительной политике Киевской Руси. Новые археологические материалы для изучения юго-восточных территорий представлены в «Гочевских древностях» (Самоквасов, 1915).

Рассмотрение вопросов русско-половецкого пограничья в работах конца XIX в. связано, как правило, с южными рубежами Киевской Руси, в частности в поле зрения исследователей попадала как правило Переяславская земля, подвергшаяся самому сильному нападению. Пограничные земли Черниговского и Рязанского княжеств изучены в этих работах в меньшей степени, что связано прежде всего с малой информативностью письменных источников по данному

региону.

В 70-80-е гг. XIX в. появляются специальные исследования по истории Древнерусского государства, в которых значительное место отведено проблеме русско-половецких взаимоотношений. Оригинальный взгляд на роль половецких вторжений в складывании государства Российского изложен в работе М.Д. Затыркевича (Затыркевич, 1874), представленной в качестве диссертации для получения степени магистра государственного права. По его мнению, основным содержанием средневековой истории является процесс борьбы оседлого населения с кочевыми народами. Исследователь делает вывод о том, что постепенно кочевники превратились в господствующее население Русского государства, и Киевская Русь «из государства Варягорусского обратилась в государство варварское». В работе М.Д. Затыркевича затронуты также вопросы об особой степной политике русских князей и создании оборонительных линий на юге Киевской Руси. Наряду с южнорусскими территориями автор рассматривает характер заселения самой окраинной, юго-восточной земли в лесостепной зоне Подонья: «... заселение со стороны Рязанского княжества достигло почти до средних течений Дона. В пору появления Монголов верховья реки Дона покрыты были многими цветущими и красивыми городами, а поселения на реке Воронеж были пограничными поселениями, отделявшими степь от оседлого населения». Одним из первых исследователь обращает внимание на проблему бродников, он рассматривает их как «особенный разряд людей Русского языка и Русской народности». Сравнивая их с позднейшими казаками, М.Д. Затыркевич обращает внимание на то, что «оставаясь в независимом состоянии, они находились в тесной связи как с русским населением, так и с кочевыми народами» (Затыркевич, 1874, с. 149, 150, 155).

Отдельные сюжеты о русско-половецком пограничье в лесостепном Подонье содержатся в монографиях, посвященных истории княжеств в «удельный период». «История Рязанского княжества» Д.И. Иловайского опирается на данные не только русских летописей, но и договорных, жалованных грамот, что значительным образом, расширило диапазон научных изысканий автора. Особое внимание Д.И. Иловайский уделял определению границ и характеру засе-

ления Рязанского княжества. В отношении очерчивания границ он отмечал, что «на востоке и юге Рязанские пределы еще менее могли иметь определенный характер, нежели на севере и западе». На основании данных, извлеченных из записок о путешествии митрополита Пимена в Царьград в 1389 году, Д.И. Иловайский предполагает существование русских городов на берегах Дона и поселений на р. Воронеж в домонгольский период. Оценивая половецкие вторжения на территорию Рязанской земли как тормоз для внутреннего развития княжества, автор отмечал также, что «такое соседство... положило своего рода печать на формы быта» (Иловайский, 1884, с. 71, 72, 74).

В указанных работах общие вопросы русско-половецкого пограничья рассматривались как часть исторической картины Древнерусского государства в домонгольский период. По существу первым трудом, посвященным специальному изучению проблемы взаимоотношения кочевников и Киевской Руси, явилось монографическое исследование П.В. Голубовского. Фундаментальная разработка темы осуществлена на основании привлечения не только русских летописей, но и византийских хроник, а также описаний восточных авторов.

В вопросах, связанных с русско-половецким пограничьем, особое внимание уделено изучению характера взаимоотношений. Существенно важным моментом его концепции было признание разностороннего характера отношений с кочевниками и складывания особой «степной» политики русских князей в пограничных землях. В качестве примера автор приводит сообщение летописей о политике северского князя Олега, которая заключалась не только в защите рубежей с помощью осуществления дальних походов, но и мирные переговоры, а также брачные союзы смешанного характера. Впервые в русской историографии появляется мнение о том, что русско-половецкие взаимоотношения проявились не только в военных столкновениях, но и в социально-экономической сфере: культуре, быте, идеологии, традициях. Для усиления аргументации этой части исследования П.В. Голубовский предпринимает попытку привлечения существующих археологических материалов.

Объясняя географическим расположением Переяславского княжества наибольшую активность половцев в этом направлении, Голубовский отмечал

также особое значение половецких набегов в политической жизни Рязанского и Северского княжеств. Что касается вопросов исторической географии, то автор включает в границы Рязанского княжества территории по рекам Хопер и Ворона (Голубовский, 1884, с. 86, 111).

Исследованием проблем, поднятых П.В. Голубовским, занимался В.Г. Ляскоронский. Многие аспекты русско-половецких взаимоотношений он рассматривал исходя из регионального принципа. Особое внимание исследователь уделил Переяславской земле, которая, «находясь на границе с грозной степью... была поставлена в необходимость быть постоянно настороже, в готовности отражать нападения врагов» (Ляскоронский, 1903, с. 291). В качестве отдельно значимой темы В.Г. Ляскоронский рассматривает походы русских князей против половцев, указывая, что «крайними пределами русских предприятий в степи были область реки Дона, или, лучше сказать, его притока – Северского Донца, да и то, судя по всему, в его верхних или же средних частях» (Ляскоронский, 1907, с. 73). Достаточно подробно В.Г. Ляскоронский рассматривает вопросы исторической географии, связанные с походом князя Игоря в 1185 году, который привлекает его в том, «... что дает возможность констатировать существование крупного половецкого центра, расположенного в области среднего течения р. С. Донца» (Ляскоронский, 1913, с. 281). Территорию между р. Днепр и р. Северский Донец он представляет как «полосу половецких становищ», а крайней границей Киевской Руси с юго-востока по его мнению «была река Ворскла, защищенная чащей лесов в своей верхней и средней частях и рядом городищ в южной» (Ляскоронский, 1907, с. 93).

В этой работе был сделан еще один из интереснейших, на наш взгляд, выводов о существовании непрерывности древнерусских поселений в пределах юго-востока Руси, имевших иногда полукочевой характер. Это мнение он подтверждает следующими факторами: быстрой передачей сведений о происходящем на русско-половецком пограничье, а также спецификой походов русских князей, состоящей в том, что войско двигалось в сопровождении часто сменяющегося обоза. Обращаясь к вопросу о бродниках, высказывает мнение о происхождении названия и исторической роли этого народа. Главным видом

деятельности для бродников, считает В.Г. Ляскоронский, была охрана переправ и бродов, именно с этим связано название «бродники» (Ляскоронский, 1907, с. 81, 93, 94). Тема особых отношений северских князей и половцев получила развитие в работе В.Г. Ляскоронского, посвященной Чернигово-Северским землям. Благодаря географическому положению и историческим условиям, по его мнению, между чернигово-северскими князьями и половцами завязываются не только мирные, но и вполне дружественные отношения, основанные на взаимной заинтересованности в обеспечении безопасности торговых путей (Ляскоронский, 1913, с. 281).

Рассмотренные работы, безусловно, значительно расширили существовавшие представления о русско – половецком пограничье как в целом на территории Древнерусского государства, так и в его отдельных землях. Несмотря на эпизодическое включение археологического материала в работы исследователей к. XIX – нач. XX вв. по проблемам взаимоотношений Киевской Руси и кочевников, становится очевидным, что дальнейшему плодотворному изучению препятствует ограниченность источниковой базы археологических данных, как по истории половцев, так и по истории населения окраинных древнерусских земель.

Одной из интереснейших задач древнерусской археологии является определение географического расположения городов, поселений, известных по письменным источникам. Многие ученые занимались локализацией на картах летописных населенных пунктов. Первые попытки определения окраинных городов юго-восточного рубежа Руси были предприняты Н.П. Барсовым (Барсов, 1885), М.С. Грушевским (Грушевский, 1905), М. Любавским (Любавский, 1909), В.А. Городцовым (Городцов, 1908), В.Е. Данилевичем (Данилевич, 1904).

На территории Лесостепного Подонья достаточно хорошо был известен из русских летописей древнерусский город Донец, занимавший важное место на русско-половецком пограничье. С вопросами локализации древнерусского города Донец были тесно связаны проблемы определения проживающего здесь этноса. Одни из исследователей считали, что это город с русским населением и

находится на окраине Северской земли (Труды XII Археологического съезда, 1905, с. 329), другие связывали этот памятник вслед за мнением Д.Я. Самоквасова с половецким этносом. Так, В.Е. Данилевич в работе, посвященной Донецкому городищу делает выводы о том, что «... мы имеем здесь дело с инородческим или во всяком случае не чисто славянским городом» (Данилевич, 1904, с. 11). Более подробно дискуссия об этнической принадлежности населения г. Донец, возникшая в нач. XX в. рассмотрена в работе М.В. Цыбина (Цыбин, 1999).

Наряду с попутной разработкой вопросов истории русских окраинных земель в исторической литературе, на территории Лесостепного Подонья продолжается археологическое изучение кочевнических древностей, среди подобных работ особое место занимают исследования В.А. Городцова, посвященные кочевническим погребениям на среднем Донце в Изюмском уезде, Харьковской губернии (Городцов, 1901). Главным итогом работ явилось то, что были четко определены особенности половецкого погребального обряда: сложенные с применением камня курганные насыпи, могилы с накатом над ними, восточная ориентировка погребенных. Следует также упомянуть изыскания краеведов относительно обозначенной темы, пополнивших сведения о половецких изваяниях на территории Подонья. К подобным работам принадлежат исследования А.И. Пискарева (Пискарев, 1851) и А.Н. Кобылина (Кобылин, 1915).

Таким образом, трудами ученых XVIII – нач.XX вв. была создана общая концепция русско-половецких взаимоотношений накануне монголо-татарского нашествия, накоплен богатейший фактологический материал, основой для которого послужили письменные источники: русские летописи, сведения восточных и византийских авторов. Археологические исследования по проблеме русско-половецкого пограничья позволили создать в общих чертах представление о материальной культуре кочевников и окраинного русского населения. И несмотря на то, что вопросы, касающиеся юго-восточного Порубежья в Лесостепном Подонье изучались в меньшей степени, разработка общих проблем древнерусско-половецких отношений позволила для данной территории направления дополнительных исследований. Стало очевидным, что при ограни-

ченности достоверных письменных источников для изучения юго-восточного Порубежья, археологические материалы становятся определяющими. В.А. Городцов указывал на досадное невнимание исследователей к археологическим памятникам славяно-русского времени: «Все археологи одинаково приписывают этим памятникам выдающееся научное значение, но никто не посвящает своего труда для их раскопок» (Городцов, 1910, с. 461).

Второй этап в изучении русско-половецких отношений, который может быть охарактеризован как период создания обобщающих трудов по истории Древней Руси, значительное место в которых занимает постановка вопросов проблемы «Русь – половцы», начинается с начала 20-х годов, когда происходят изменения в теоретическом осмыслении многих проблем истории Древнерусского государства и продолжается до середины XX в., времени начала активных поисков решения важнейших вопросов, связанных с юго-восточным Порубежьем.

Для первых десятилетий XX в. является характерным по-прежнему параллельное изучение интересующей нас тематики в рамках общерусских направлений историками и археологами. Если проблемами материальной культуры окраинного населения Руси и половцев занимались археологи, то вопросы политической истории продолжали оставаться, как и ранее предметом исследования, главным образом, историков.

В общеисторических аспектах исследованием данной проблемы занимался М.Н. Покровский, предпринявший попытку переосмысления главной идеи о взаимоотношениях Древнерусского государства и кочевников. Ограничиваясь рассмотрением социально-политических вопросов данной проблематики М.Н. Покровский склонен был считать, что в истории Руси вообще не было борьбы «леса» со «степью» (Покровский, 1933, с. 188). Соответственно в первую очередь были подвергнуты критике исследования С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, в которых в наиболее конкретных формах была сформулирована концепция «борьбы леса со степью». Наряду с этим М.Н. Покровский в значительной степени выделял сильное культурное влияние кочевников на Древнерусское государство (Покровский, 1925, с. 38).

Историографы отмечали, что критика традиционных в русской исторической литературе взглядов и своеобразная оценка взаимоотношений населения древнерусских территорий и кочевников вполне соответствовала духу времени и отражала определенный этап в развитии советской исторической науки (Мавродина, 1983, с. 51). Оценка М.Н. Покровским ситуации на русско-половецком пограничье не давала ясного понимания проблемы и была подвергнута критике со стороны Б.Д. Грекова (Греков, 1939, с. 112).

Последующие работы по истории Руси, как правило, содержали разделы, посвященные важнейшим вопросам темы древнерусско-половецких отношений. В довоенный и послевоенный период наиболее актуальными проблемами в изучении истории Руси являлись следующие: внешняя политика Древнерусского государства; история отдельных народов и изучение их культуры, быта, традиций; военные походы и оборонительные мероприятия. Многие работы, появившиеся в этот период, не имеют прямого отношения к изучению русско-половецкого Пограничья в Лесостепном Подонье, но в них приведен ряд интересных соображений, связанных с конкретными направлениями в изучении темы.

В 1937 году вышло 1-е издание книги Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского «Золотая Орда» (Греков, Якубовский, 1937), в которой содержались глава, написанная А.Ю. Якубовским «Дешт-и-Кыпчак в XI-XIII вв.». Материалы летописей получили здесь новую трактовку, рассматриваются оригинальные сюжеты русско-половецких отношений. В 3-ем издании А.Ю. Якубовский особое внимание уделил вопросам исторической географии половецкой земли, определяя, что между Северским Донцом и Тором, где находились города Шарукань, Сугров и Балин, размещались половцы донецкие. В бассейне, по его мнению, Дона кочевали половцы донские (Якубовский, 1950, с. 20). Связующим элементом в русско-половецких отношениях автор считает торговлю, не последнее место в которой занимали потомки алан. Критикуя исследователей проблемы за излишнюю идеализацию отношений, А.Ю. Якубовский высказывает мнение о разностороннем характере отношений на русско – половецком пограничье (Якубовский, 1950, с. 21-22).

Ряд важных вопросов, связанных с изучением общественного строя и культуры половцев, затрагивает В.В. Мавродин в своей работе «Очерки истории Левобережной Украины». Автор впервые совершенно определенно говорит о половецких городах, упоминаемых в летописях, связывая их с ясо-русско-тюрским населением (Мавродин, 1940, с. 212-215). Позднее локализацией городов Шарукань, Балин, Чешуев, Сугров занимались многие ученые.

Одним из первых предпринимает попытки определения местонахождения указанных городов К.В. Кудряшов, автор исследования по исторической географии Половецкой земли. На основании археологических материалов он обозначает по правому берегу Северского Донца Сидоровское городище, как Сугров, Теплинское городище (ус. Богородичного), как город Шарукань, а Балин предположительно отождествляет с поселением у с. Маяки или Новоселовским городищем (Кудряшов, 1948, с. 120-121). Изучая особенности географического расположения Половецкой земли, К.В. Кудряшов попытался определить юго-восточное пограничье Руси. По его мнению, «юго-восточный рубеж Чернигово-Северской земли в XII в. включал вместе с городом Курском и все верхнее Посемье (достигшие, быть может, на востоке водораздела между верховьями Северского Донца и Оскола)... Юго-восточная граница Рязанской земли в сер. XII в. шла через верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Мокшей». Выделяя группы половцев в соответствии с их географическим расположением, указывает донецких половцев – в районе Северского Донца, донских – в бассейне Дона (Кудряшов, 1948, с. 129, 134). Рассматривая театр военных действий домонгольского периода К.В. Кудряшов вслед за многими исследователями намечает основные направления походов русских князей. В целом, предпринятая попытка автора дать обобщенную географию половецкой степи «... привела лишь к определению отдельных пунктов, где русские войска встречались с половцами» (Рыбаков, 1952, с. 43). Не решен вопрос ни о сезонных перекочевках, ни в целом о политической географии половецкой земли.

В рассматриваемом направлении проводились археологические исследования 20-30-х гг. Неисследованность территории не позволяла с достаточно большой тщательностью изучить памятники обозначенного периода в Лесо-

степном Подонье. В 1948 г. вышла в свет монография П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, посвященная в основном раскопкам городищ у с. Боршево на р. Дон, Кузнецовском и Михайловском кордонах на р. Воронеж в Воронежской области. Относительно древнерусского населения в этом регионе были сделаны выводы о том, что «к югу от границ Рязанской области, в районе Воронежа как по нижнему течению р. Воронеж, так и по Дону – почти совершенно отсутствуют русские памятники XI-XIII вв. Здесь нет ни обычных русских городищ этого времени, ни следов сельских поселений, ни курганных могильников» (Ефименко, Третьяков, 1948, с. 6).

Б.А. Рыбаков, тщательно проанализировавший известия арабского географа XII в. ал-Идриси внес определенные дополнения в политическую географию южнорусской степи. Если раньше локализация Половецкой земли и расселение основных кочевнических группировок в трудах историков, написанных на основе летописного материала, в основном совпадали, то с введением в научный оборот нового источника, появились веские аргументы пересмотреть некоторые историко-географические аспекты. Согласно сообщениям Идриси Б.А. Рыбаков выделяет Черную и Белую Кумании, отождествляя их соответственно с двумя крупными половецкимми объединениями: Приднепровским, во главе с династией Бонякидов и Донским, во главе с Шаруканидами (Рыбаков, 1952, с. 42-44). Впервые автором высказана мысль о происхождении кочевнического объединения, известного из русских летописей под названием «дикие половцы». Он связывает «диких половцев» с остатками «половецких орд, разбитых под Шаруканем на Донце в 1111-1120 гг.». Идриси называет этот район «Кумания Внешняя» (Рыбаков, 1952, с. 24, 44). С опубликованием материалов карты и текстов арабского географа значительно расширилась источниковая база по истории Лесостепного Подонья в домонгольский период.

Анализ известных исследований, посвященных истории Древнерусского государства показывает, что в этот период в разработке общих проблем русско-половецкого пограничья значительное место было отведено социально-политическим аспектам (Мавродина, 1983, с. 46 – 58). Относительно специального изучения региона Лесостепного Подонья в то время, можно сказать, что

любая постановка вопроса касательно этой территории (исключая предварительное определение границ) выглядела бы преждевременной из-за ограниченности источниковой базы: отрывочных сведений в летописях и незначительных археологических исследований.

В достаточно большой мере представления о данной территории были изменены на последующем третьем этапе изучения лесостепной зоны Верхнего и Среднего Дона (конец 50-х гг. – начало 80-х гг.), он характеризуется активными археологическими изысканиями на территории русско-половецкого Пограничья. В научный оборот были введены новые археологические памятники. Именно археологические исследования значительно обогатили источниковую базу исследования по теме древнерусско-половецкого пограничья и способствовали обозначению отдельного региона, нуждающегося в тщательном изучении на основе комплексного использования всех видов источников – Лесостепного Подонья.

Среди археологических исследований по кочевнической проблематике видное место занимают работы С.А. Плетневой, которые частично рассмотрены в отечественной историографии (Мавродина, 1983, с. 60-65). Поиски путей интерпретации уже накопленных археологических материалов по истории кочевников осуществляет С.А. Плетнева в диссертационном исследовании «Кочевники южнорусских степей IX – XIII вв.», которое позднее оформлено в работу «Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях» (Плетнева, 1958). Разработка темы с новым источниковедческим подходом к письменным источникам и привлечением обширного археологического материала позволила по-новому оценить ситуацию, сложившуюся на юго-восточной границе Руси накануне монголо-татарского нашествия.

Прежде всего была осуществлена периодизация политической истории половцев, касающаяся данного региона. Решающим фактором в социально-политической жизни половцев С.А. Плетнева считает взаимоотношения с Древнерусским государством, которое сильно воздействовало «на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики» (Плетнева, 1958, с. 226). Впервые с помощью археологического

материала удалось выявить «русские» элементы в материальной культуре половцев, связанные с характером взаимоотношений на русско-половецком пограничье: свидетельства занятий земледелием, развития торговых связей.

Важным этапом в изучении Лесостепного Подонья домонгольского периода истории было открытие древнерусских археологических памятников в результате проведения разведок Северо-Донецкого отряда экспедиции ИА АН СССР под руководством С.А. Плетневой. Открытые городища Холки на р. Оскол и Крапивное на р. Корень С.А. Плетнева охарактеризовала как бродницкие с наличием явного древнерусского материала и устройством мощных укреплений (Плетнева, 1964). Работа о юго-восточной окраине четко обозначила проблему русско – половецкого Пограничья в рассматриваемом регионе на примере конкретных археологических памятников домонгольского периода. Исследователь обращает внимание на то, что юго-восточная граница русских земель проходила в правобережье Дона значительно южнее пограничной линии, обозначенной на многих исторических картах XII – начала XIII вв. В связи с определением Пограничья С.А. Плетнева указывает также крайний восточный район, где известны поселения с древнерусскими материалами – верховья Дона (Плетнева, 1964, с. 29, 30). В бассейне верхнего течения р. Дон и р. Северский Донец в конце 50-х – нач. 60-х гг. были предприняты специальные полевые исследования, результатами которых явилось выявление древнерусских памятников, имеющих первостепенное значение для изучения русско-половецкого Порубежья. Некоторые итоги предварительного характера опубликованы в работах А.В. Успенской, М.В. Фехнера (Успенская, Фехнер, 1956), И.И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1961).

Бассейну Северского Донца посвящено исследование Б.А. Шрамко «Древности Северского Донца» (Шрамко, 1962). В разделе, посвященном древнерусскому периоду истории дана подробная археологическая характеристика г. Донец, ранее известного главным образом по письменным источникам. Впервые была представлена материальная культура пограничного города в этом регионе и сделан важный вывод о том, что Донец – русский город. Но некоторые опубликованные вещи С.А. Плетнева связывает с половцами, указывая на тес-

ные связи окраинного русского населения с половцами и предполагая их совместное проживание в данном населенном пункте в периоды перемирий (Либеров, Плетнева, 1964, с. 344).

Наряду с исследованиями в Донецком бассейне необходимо отметить археологическое изучение и последующее опубликование материалов порубежных памятников в южных районах древнерусских земель, ранее известных только по сообщениям летописей. Стационарные раскопки порубежных крепостей в данном районе дали обширный материал для проведения сравнительно-исторического анализа по отношению к менее известным по летописям и недостаточно изученным археологически - древнерусским памятникам на юго-восточной окраине. Это прежде всего работы В.И. Довженок (Довженок, 1968), П.А. Раппопорта (Раппопорт, 1956; Он же, 1966), Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1966).

Ряд интересных положений содержит статья П.А. Раппопорта «Из истории Южной Руси XI – XII вв.» Рассматривая историю отдельного региона – полосу лесостепи между Днепром и Днестром, автор считает, что наряду с Переяславским княжеством, подвергшимся сильному натиску половцев, «в не меньшей опасности находились и более западные районы и, в первую очередь, южная часть Волыни» (Раппопорт, 1966, с. 114). Констатируя, что так называемые Змиевы валы не связаны с обороной Древнерусского государства, считает, что среди способов борьбы с половцами главными были расселение на территории степного пограничья Черных Клобуков, а также строительство укрепленных пунктов. Гарнизоны южнорусских крепостей П.А. Раппопорт связывает с бродниками, считая их предшественниками казаков (Раппопорт, 1966, с. 116).

На основе археологического материала В.И. Довженок реконструирует ситуацию, которая имела место в домонгольский период на р. Днепр, р. Сула, р. Рось. Автор считает, что «все города входившие в систему обороны на юге Киевской Руси, играли роль военных крепостей. Но они возникли в разное время и отличались друг от друга по социальному значению и исторической роли...» (Довженок, 1968, с. 41). В связи с этим, исследователь обращает внимание на особенности археологических материалов Хлеровского городища, входившего

в состав Поросской оборонительной линии. Обязанности проживающего здесь населения ограничивались наблюдением и передачей сигналов вглубь территории. Яркая характеристика быта пограничного городка, его историческое место показано в работе о крепости Воинь, входящей в состав Посульской оборонительной линии (Довженок, Гончаров, Юра, 1966).

В.И. Довженок, характеризуя большинство укрепленных пунктов, входящих в оборонительную систему на юге Киевской Руси, считал, что они представляли собой «Хозяйственные, административные военные центры отдельных феодальных владений» (Довженок, 1968, с. 43). На этот счет П.А. Раппопорт высказывает иную точку зрения. Он считает, что на основании известного археологического материала не представляется возможным делать выводы об особом положении отдельных групп населения исследованных крепостей и соответственно отождествлять их с феодальными замками (Раппопорт, 1966, с. 116).

Среди работ этого периода, посвященных кочевнической проблематике, особое место занимает исследование Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966), в котором рассматривается история расселения средневековых кочевников, особенности их материальной культуры. Важнейшей стороной его исследования является научная обработка и отнесение группы каменных статуй к половецкому этносу. Ареал распространения половецких изваяний позволяет, по мнению автора, определить границы кочевий. Относительно территории Донской лесостепи отмечено практически полное отсутствие каменных половецких изваяний (Федоров – Давыдов, 1966, с. 188). Своей работой Г.А. Федоров-Давыдов внес ряд новых положений в общую концепцию о русско-половецких взаимоотношениях. Доказывая взаимное влияние оседлой культуры и кочевничества, автор выделяет особенности материальной культуры, связанные с пограничным населением окраинных территорий. По поводу этнического состава населения так называемых «половецких городов» по Донцу и Дону, исследователь высказывает мысль о смешанном алано-русском составе населения (Федоров – Давыдов, 1966, с. 203).

Исторические судьбы древнерусского населения в Лесостепном Подонье

невозможно рассматривать социально-политических процессов, проходивших в Киевской Руси. Заметный вклад в изучение вопросов внешней политики Древнерусского государства в домонгольский период внесли работы В.П. Каргалова и В.Т. Пашуто.

Изучая влияние внешнеполитических факторов на развитие Древней Руси, В.П. Каргалов затронул ряд интересных вопросов, связанных с русско-половецким Пограничьем. Главный вывод монографии, сделанный автором заключается в том, что Киевская Русь имела особенный по сравнению с европейскими странами путь развития, связанный прежде всего с близостью кочевничевского мира (Каргалов, 1967, с. 22, 216). В.П. Каргалов отмечает, что борьба с кочевниками и проведение гибкой политики в отношении половцев оказали существенное влияние на различные стороны жизни Древней Руси: характер расселения, ситуацию в торговых связях, особенности внутриполитического развития. Для окраинных земель исследователь особо выделяет политику черниговских князей, которые имели традиционные связи с юго-востоком, Тмутараканью, Кавказом и успешно налаживали дружественные отношения с половцами, широко пользовались поддержкой «поганых» в междоусобных войнах. Одним из решающих факторов, содействующих государственному освоению этнической территории Руси, В.П. Каргалов считал общегосударственные мероприятия по обороне южных границ. «Сюда, на южные укрепленные линии, переселялось население из различных областей страны, в процессе совместной борьбы с кочевниками проходило постепенное сглаживание племенных различий» (Каргалов, 1967, с. 58-60).

В работе В.Т. Пашуто (Пашуто, 1968), представляющей собой хронологическое изложение истории отношений Руси с печенегами, торками, берендеями, бродниками, половцами, содержится ряд интересных тезисов о населении пограничных территорий и о взаимоотношениях русских поселенцев с половцами. Причем, указывая на взаимное влияние в русско-половецких отношениях, автор подчеркивал возрастающее значение Руси в жизни половцев (Пашуто, 1968, с. 123-124). Особенное место В.Т. Пашуто отводит населению степей - бродникам, высказывая при этом противоречивые мнения: с одной стороны он полага-

ет, что бродники – это кочевой народ, связанный с половцами и обитающий в восточной части Половецкой земли, а с другой стороны не оспаривает их славянскую принадлежность и христианскую веру. Автор выступил решительным противником суждения о том, что бродники – это население Подунавья, известное под именем «берладники» (Пашуто, 1968, с. 325, 333).

Необходимо отметить, что в этот период в исторической литературе вопрос о бродниках поднимался неоднократно. Прежде всего это связано с исследованием новых памятников. Г.А. Федоров – Давыдов, обращаясь к вопросам выделения археологических признаков культуры бродников констатировал, что они «неуловимы в массе кочевнических погребений» (Федоров – Давыдов, 1966, с. 203).М.Ф. Котляр связывает вопрос о бродниках с предысторией казачества, отрицая любую возможность говорить о бродниках как о «кочевом народе». Следуя мнениям ученых XIX в., считает, что бродники охраняли места у бродов, речных переправ, являлись проводниками купеческих караванов. В качестве области расселения бродников М.Ф. Котляр указывает Подунавье (Котляр, 1969, с. 25). Свою точку зрения о происхождении этого народа высказывает Гумилев Л.Н. Исследуя историю Хазарского каганата, он связывает бродников XII- нач. XIII вв. с потомками древних хазар (Гумилев, 1966, с. 177-178). Интересны также высказывания Г.Г. Литаврина относительно интересующей нас темы. Он считает, что «возможно, среди этнически неоднородного населения нижнего Подунавья так называемые бродники и берладники были по преимуществу русскими» (Литаврин, 1972, с. 44). На основании исследованных памятников А.Т. Смиленко указывает Степное Поднепровье как территорию расселения бродников (Смиленко, 1975, с. 190).

Значительный вклад в дальнейшей разработке кочевнической проблематики данного региона в рассматриваемый период развития исторической науки принадлежит работам С.А. Плетневой, вышедшим в 70-е годы. Осмысление археологического материала, накопленного в результате исследований конца XIX в., вносит ясность в решении многих вопросов политической истории, позволяет охарактеризовать культуру не только половцев, но и народов, синхронных половцам – торков и печенегов, игравших важную роль в русском Порубежье.

С точки зрения изучения юго-восточной окраины представляется интересной история Черноклобуцкого союза и его взаимоотношения с киевскими князьями, т.к. Черные Клобуки становятся не только пограничным служилым населением, но и реальной внутриполитической силой на южных рубежах Древнерусского государства. С.А. Плетнева находит много общего между «дикими половцами», располагавшимися по предположениям Б.Н. Рыбакова в верховьях Дона – на южной границе Рязанского княжества и Черноклобуцким союзом. Она подтверждает мысль о том, что одна из орд «диких половцев» кочевала на территории Подонья: «Действительно, большая часть походов «диких половцев» на Русь была направлена на северо-восточные русские города и княжества, а сами они были связаны с черниговскими-новгород-северскими Ольговичами и с владимиро-суздальскими князьями» (Плетнева, 1973, с. 27).

В работе «Половецкие каменные изваяния» С.А. Плетнева широко и основательно представила ценнейший историко-географический материал, позволяющий установить с достаточно большой степенью достоверности местоположение донецких кочевий накануне монголо-татарского нашествия. Предположение Б.А. Рыбакова о существовании двух «Куманий» подтверждается результатами картографирования половецких баб. С.А. Плетнева особо выделяет Приднепровское и Донецкое объединения, включавшие в себя многочисленные орды. Районы донецких кочевий определены следующим образом: 1) правый приток Донца – Тор; 2) устье р. Оскол и выше по Дону; 3) левые притоки Донца – р. Красная и р. Жеребец; 4) низовья Айдара. Наряду с этим автор выделяет на данной территории и менее заселенные участки степи, «бывшие своеобразными нейтральными пограничными полосами между отдельными объединениями, а иногда и ордами половцев» (Плетнева, 1974, с. 22-23). Т.е. речь идет о выделении буферной зоны.

Интересные данные, касающиеся ситуации на русско-половецком пограничье в южных и юго-восточных районах, содержатся в обзоре ряда русских земель и их соседей в X-XIII вв. (Сб. Древнерусские княжества X – XIII вв., 1975). С.А. Плетнева в очерке «Половецкая земля» рассматривает изменение границ половецких кочевий. На основании ареала распространения половецких

статуй Плетнева считает, что в XI в. «устойчиво половецкими землями были в основном берега среднего и нижнего Северского Донца», а Донское Левобережье и большая часть Правобережья оставались в тылу и являлись местом постоянных кочевий. По берегам в среднем течении Северского Донца и Оскола кочевали Отперлюеве и Токсобичи (Плетнева, 1975, с. 269-271, 277).

П.П. Толочко в очерке, посвященном географии Киевской земли рассматривает городища, входившие в систему оборонительного кольца вокруг столицы Руси как важнейшие узлы обороны южнорусских границ государства (Толочко, 1975, с. 32). Юго-восточные рубежи Черниговского княжества в домонгольский период очерчивает А.К. Зайцев, учитывая вновь открытые памятники на территории Лесостепного Подонья. Известные городища исследователь относит к землям Курского княжества «с учетом того, что при постоянной половецкой угрозе заселенность этих лесостепных окраин была невелика...», а «... характер освоения этих земель был схож с сезонным промысловым использованием лесных угодий того же района в виде «бортных ухожаев» жителями Путивля XVI – XVII вв.». Окончательно Курское Посемье вошло в Черниговскую землю в середине XII в. (Зайцев, 1975а, с. 79, 96).

Окраинные территории Переяславского княжества определены в очерке М.П. Кучера, как район среднего течения Псла и Ворсклы, а в низовьях Уды вклинивались в направлении Северского Донца. Население окраинного пограничного городка Донец, по его мнению, находилось в слабом подчинении княжеской власти и участвовало в обеспечении охраны торговых караванов и в походах (Кучера, 1975, с. 124-125).

В рассматриваемый период исследователи кочевнических древностей продолжили направление детализированного изучения культуры половцев. В этом отношении интересны работы М.А. Швецова (Швецов, 1979; 1980), связанные с исследованием культовых сооружений на курганах вокруг изваяний, а также с одним из важнейших элементов кочевнического инвентаря - половецкими котлами. Появились также работы по истории половцев, азиатского периода их существования, который является важным для объяснения многих сторон более поздней европейской судьбы этого народа (Кумеков, 1972).

Новый, четвертый этап в осмыслении проблем русско-половецкого пограничья в лесостепном Подонье, который можно обозначить с начала 80-х гг. до сегодняшнего времени, связан прежде всего с расширением источниковой базы.

Рассматриваемый период характеризуется сочетанием широкомасштабных, археологических исследований на известных к этому времени памятниках юго-восточной окраины Древней Руси с проведением сплошных археологических разведок, позволяющих выявить новые памятники домонгольского времени. На основе археологических материалов в последние два десятилетия была осуществлена разработка важнейших проблем истории окраинных русских земель в данном регионе, выделены особо значимые, приоритетные направления. Среди них проблема русско – половецких взаимоотношений занимает особое место.

Итоги многолетних полевых исследований на территории Верхнего и Среднего Дона нашли отражение в монографиях, многотомном издании Археологии СССР, статьях. Основная часть работ, вышедших в последние два десятилетия, носит характер публикаций в связи с раскопками того или иного памятника. Это исследования А.З. Винникова, А.Г. Дьяченко, А.Д. Пряхина, Н.А. Тропина, М.В. Цыбина и др. Значительное место вопросам русско-половецкого пограничья отведено в докторской диссертации А.З. Винникова (Винников, 1991), кандидатских диссертациях А.Г. Дьяченко (Дьяченко, 1983), М.В. Цыбина (Цыбин, 1987), Н.А. Тропина (Тропин, 1996).

Интерес к проблемам русско-половецкого пограничья в лесостепной зоне Подонья связан с появлением древнерусских материалов с многослойного Шиловского поселения, изученного большой площадью экспедицией ВГУ. Материалы раскопок Шиловского поселения, свидетельствуют о том, что нижнее течение р. Воронеж было освоено древнерусским населением (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 33). Особенный быт русского окраинного населения представлен жилыми и хозяйственными постройками, а также интересной коллекцией вещей. О памятниках домонгольского периода в верховьях р. Воронеж сообщения сделаны В.И. Матвеевой. В общих чертах дана характеристика двух неук-

репленных поселений на притоке р. Воронеж – р. Матыре: близ с. Казинка и с. Каменное (Матвеева, 1972, с. 107-108).

Существенный вклад в изучение исторических судеб древнерусского населения бассейна р. Северский Донец внесли многоплановые исследования пограничного города Донец, результаты которого обобщены в научных публикациях и диссертационном исследовании А.Г. Дьяченко (Дьяченко, 1979; 1983; 1985; Дьяченко, Лапчинская, Щапова, 1996). По мнению автора, характер освоения бассейна Северского Донца в XII в. был достаточно прочным и стабильным. Известные древнерусские городища: Холки, Крапивное. Мохнач, Гайдары, Хорошево, Донец он относит к Курскому уделу Черниговского княжества. В работах А.Г. Дьяченко нашли отражение и вопросы обороны на юго-восточной окраине Киевской Руси. Используя данные карты ал-Идриси и археологические материалы предварительного характера, исследователь следует мнениям ученых XIX в. и по аналогии с южными рубежами обозначает так называемую Донецкую оборонительную линию, включая в нее вышеперечисленные городища. Подобная интерпретация, основанная лишь на географическом расположении памятников и их внешних признаках, явилась, по нашему мнению преждевременной. Касаясь этнического состава населения города Донец, автор отмечает его однородный состав, «в подавляющей массе состоящий из русских переселенцев» (Дьяченко, 1983, с. 13-15, 22).

Поселение сельского облика в данном районе охарактеризовано в статье Б.А. Шрамко. Хорошевское городище ближе всех расположено к древнерусскому городу Донец, что, по мнению исследователя, объясняется его оборонительными задачами на данном участке (Шрамко, 1991, с. 50-58).

Дальнейшее изучение истории лесостепного Подонья в древнерусский период шло в направлении углубленной разработки отдельных, самостоятельных по внутреннему содержанию тем. К ним относится проблема освоения русским населением юго-восточной окраины Руси. Новые представления о заселении и хозяйственном освоении данной территории дали интенсивные и разносторонние исследования Семилукского городища на р. Дон, результаты которых опубликованы в ряде работ авторов раскопок А.Д. Пряхина, М.В. Цыбина

(Пряхин, Цыбин, 1986а; 1986б; 1987а; 1987б; 1991; 1996) и явились источниковой основой диссертации М.В. Цыбина (Цыбин, 1987).

По мнению исследователей, поселение основано в конце XII в. на южных рубежах Рязанской земли выходцами из «земли вятичей», и возможно, восточной части Черниговской земли. Городище Семилуки представлено как сторожевая крепость на южных рубежах Рязанской земли и одновременно административный центр складывающейся сельской округи. Материалы из раскопок городища использованы для характеристики культуры окраинного населения: дворовой застройки, специализированного керамического производства и др. (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 42 – 43).

Обстоятельная глава диссертации М.В. Цыбина «Юго-восточная окраина Руси в XII – первой половине XIII вв.» помимо общеисторической характеристики содержит ряд важных положений о русско-половецком пограничье. Результаты исследований Семилукского городища на р. Дон позволяют продолжить автору юго-восточную границу Руси от памятников в бассейне Северского Донца – городища Донецкое, Хорошево, Гайдары, Мохнач, Крапивное, Холки к району устья р. Воронеж. Неукрепленные поселения с древнерусскими материалами, расположенные во внешней по отношению к древнерусской границе зоне, по р. Тихая Сосна, Дон, Битюг, обозначены как бродницкие. Относительно проблем русско-половецких взаимоотношений М.В. Цыбин ставит задачу географического определения северной границы Половецкой земли в домонгольский период. На основе картографирования половецких изваяний сделан вывод о том, что она проходила от р. Оскол к р. Дон несколько южнее Тихой сосны. На левобережье Среднего Дона половцы освоили междуречье Битюга и Савалы, степные участки Прихоперья (Цыбин, 1987, с. 16-17).

В одной из работ М.В. Цыбин исследует взаимоотношения половцев и Рязанской земли. Наблюдения о военных действиях половцев против Рязани и походах русских князей в степи, основанные на данных летописей, вместе с известными археологическими материалами позволил исследователю сделать вывод о существовании особой политики рязанских князей, значительным образом снизившей отрицательное воздействие фактора военного противостоя-

ния в этом районе пограничья (Цыбин, 1999, с. 133).

При рассмотрении вопросов о русско-половецком пограничье важное значение имеет исследование памятников XII - XIV в. в бассейне Верхнего Дона: в районе Куликова поля, липецком течении р. Воронеж, бассейне нижнего течения р. Быстрая Сосна (Гоняный, 1996; Тропин, 1999).

Большой вклад в изучение русско-половецкого Пограничья в лесостепной зоне Подонья вносит А.З. Винников, (Винников 1990; 1991; Винников, Кудрявцева, 1997; 1998). Интересные данные, характеризующие общую картину внутренней жизни пограничного поселения, характер границы в юго-восточном регионе были получены в результате многолетних исследований под рук. А.З. Винникова и автора настоящей работы городища Холки на р. Оскол. Исключительный интерес представляет период существования многослойного поселения в XII – нач. XIII вв. По мнению авторов имеющиеся материалы позволяют утверждать, что для жителей городища был характерен особый уклад жизни, связанный с расположением на русско-половецком Порубежье. Особенности хозяйственной деятельности были связаны главным образом с теми отраслями, которые не требовали длительного пребывания за пределами крепости. Совершенно очевидно, что мощные укрепления и устройство кладбища внутри крепостных стен свидетельствуют об особом статусе городища, используемого на данном участке в качестве опорного пункта в борьбе с половцами (Винников, Кудрявцева, 1998а, с. 67). Следует упомянуть, что С.А. Плетнева в одной из научно-популярных публикаций обозначила городище Холки как место встречи князя Игоря и его брата Всеволода в 1185 г на пути продвижения в половецкую степь (Плетнева, 1986, с. 45).

Древнерусский поселок домонгольского периода изучен А.З. Винниковым на многослойном памятнике на р. Воронеж близ с. Староживотинное (Винников, Кудрявцева, 1998б). Городище являлось сторожевым постом, расположенным на юго-западных рубежах Рязанского княжества. Относительно основной территорий лесостепного Дона и, прежде всего Донского Левобережья в XII – XIII, автор делает вывод, что она «представляла собой район половецких кочевий, откуда половцы совершали вторжение в южные и юго-западные регионы

Рязанской земли». На основании интерпретации Животинного, Холковского и Семилукского городищ автор приходит к мнению, что они «возникли независимо друг от друга и вне связи друг с другом. Это не была преднамеренно созданная цепь древнерусских укреплений на русско-половецком пограничье» (Винников, Кудрявцева, 1997, с. 294). Соответственно ставится под сомнение правомерность употребления в научном словарном обиходе обозначения «Донецкая оборонительная линия».

В последние два десятилетия вопросы, связанные с русско-половецким пограничьем в Подонье рассматривались в контексте обширного общерусского материала.

Работа этого периода С.А. Плетневой «Половцы» (Плетнева, 1990) несмотря на научно-популярное изложение содержит ряд интересных материалов, отражающих последние научные достижения в вопросах политической истории половцев и их взаимоотношений с русскими княжествами. Автор подробно рассматривает один из важнейших аспектов – заключение двусторонних военных союзов, отмечает тесную связь бродников с половцами и Черниговским княжеством. В степной же зоне Подонья, между Осколом и Доном обозначает места постоянных кочевий одной из группировок «диких половцев», а в устьях правых притоков Дона – небольшие поселки бродников (Плетнева, 1990, с. 93).

В.Л. Егоров в одной из публикаций обобщает основные направления внешней политики Киевской Руси по отношению к половцам, которые заключались в проведении «договорно-оборонительных акций, носивших как пассивный, так и активный характер». К пассивной оборонительной политике исследователь относит возведение укрепленных рубежей, привлечение на службу кочевников, заключение мирных договоров и династических браков. К активной – превентивные военные походы вглубь степей (Егоров, 1994, с. 201).

Авторы исследования о древней столице Рязанской земли В.П. Даркевич и Г.В. Борисевич, останавливаясь на вопросах южных границ Рязанской земли, указывают на непостоянность границ в этом районе XII – XIII вв. Освоение территории здесь проходило, по мнению исследователей, «отдельными языками» вдоль рек, а распространение княжеской власти доходило не только до

верхнего течения р. Воронеж, но и нижнего, включая семилукское течение Дона и Прихоперье (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 438-439).

Углубленному пониманию многих занимающих нас вопросов способствуют и другие работы обозреваемого периода, содержащие интересные материалы в целом о русско – половецком пограничье. Это работы Ю.Ю. Моргунова (Моргунов, 1982; 1999), А.П. Моця и А.Х. Халикова (Моця, Халиков, 1997), А.О. Добролюбского (Добролюбский, 1986), О.В. Сухобокова (Сухобоков, 1992), М.П. Мургулия и В.П. Шушарина (Мургулия, Шушарин, 1998), И.О. Князького (Князький, 2000).

Итак, в последние два десятилетия представления о данном районе пограничья были существенно дополнены и изменены. Благодаря археологическим исследованиям к настоящему времени создана реальная база для глубокого осмысления ситуации, сложившейся в XII – XIII вв. на пограничье в лесостепной зоне Подонья.

Предпринятый историографический обзор работ позволяет выделить наиболее важные достижения в исследовании проблемы на протяжении более ста лет в рамках отдельных этапов, связанных с коренными изменениями в изучении юго-восточного пограничья русских земель.

1. В результате исследования письменных источников, главным образом летописей, учеными конца XIX – начала XX вв. во многом гипотетически была определена юго-восточная граница, осуществлены первые попытки рассмотреть различные группы окраинного населения – бродников, особо выделена значимость археологических изысканий по проблеме и проведены первые исследования важнейшего памятника региона – Донецкого городища.

2. Изучение рассматриваемой проблемы в период с 20-х гг. до середины XX в. шло в направлении рассмотрения социально-политических аспектов на основе расширения источниковой базы, введения в научный оборот новых факторов по истории порубежных районов. Попытки переосмысления главной идеи о взаимоотношениях Руси с кочевниками привели к обязательному включению в обобщающие труды по древнерусской истории разделов, посвященных проблемам взаимоотношений. В историко-географическом отношении, иссле-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

дователей занимали вопросы локализации половецких городков, известных из летописей.

3. В 60-е начале 80-х гг. были значительно расширены сведения по проблемам юго-восточной окраины, главным образом археологическими материалами. По конкретным памятникам удалось обозначить границу в рассматриваемом регионе и в общих чертах охарактеризовать историческую ситуацию. На основе картографирования половецких каменных изваяний в данном регионе намечена граница Половецкой земли. Исследователями рассмотрены оборонительные системы на юге Руси и определено влияние «половецкого фактора» на внутреннее развитие русских земель в целом.

4. Достижения в решении проблемы в последние два десятилетия связаны с изучением памятников на интересующей нас территории, рассмотрен процесс заселения и хозяйственного освоения района, дана общая характеристика этнической ситуации на окраине, выделена «контактная зона», конкретизированы отдельные участки пограничья, изучены некоторые сюжеты русско – половецких взаимоотношений на пограничье.

В целом, подводя итоги изучения наиболее важных вопросов проблемы можно констатировать, что в настоящее время существуют исследования, которые отчасти продвинули ее решение. Региональная дифференциация проблемы древнерусско-половецкого пограничья является закономерной и связана с тщательным изучением локальных особенностей русско – половецких взаимоотношений в лесостепном Подонье.

Обобщение результатов исследований и появление новых археологических материалов позволяют в определенной степени по-новому составить представление о русско-половецком пограничье в Донском регионе, акцентируя внимание на такие стороны проблемы как социально-историческая оценка известных укрепленных поселений, уточнение границ Половецкой земли в течении р. Северский Донец, характеристика русско-половецких взаимоотношений, а также в более полном объеме рассмотреть вопросы освоения и хозяйственного использования окраинной территории.

I.2. Источники

Материалы для изучения ситуации на русско-половецком пограничье в лесостепной зоне Подонья в XII – XIII вв. являются составной частью комплекса источников, относящихся к периоду древнерусского государства. Значительная часть источников по общим проблемам истории Киевской Руси анализировалась в источниковедческом плане (Советское источниковедение Киевской Руси, 1979). Они изучались также многими исследователями русско-половецких взаимоотношение в связи с разработкой отдельных тем и подвергнуты конкретно-историческому анализу в специальных разделах и отдельных трудах. Необходимо отметить, что совокупность источников для разработки проблем «Русь – кочевники» является специфичной и менялась на разных этапах развития исторической науки.

Историки XIX – нач. XX вв., занимавшиеся проблемами русско-половецких отношений в пограничных землях, использовали главным образом данные русских летописей и некоторых иностранных источников. Объем информации, содержащийся в летописях, соответствующим образом отразился в характере исторических исследований. В поле зрения ученых, как правило, попадали Переяславское, Киевское и часть Черниговского княжества, тогда как многими событиями была наполнена история окраинных земель Рязанского и Черниговских княжеств.

Существенным образом была изменена ситуация в источниковой базе проблематики в связи с археологическими исследованиями. По сравнению с письменными источниками, которые являются достаточно стабильными и увеличиваются крайне медленно, археологические материалы стремительно меняют картину исторического прошлого и в комплексе с письменными источниками способны создать объективное видение многих проблем, как локального так общерусского характера.

Как было сказано выше, выделение отдельных тем в исследовании юго-восточной окраины Киевской Руси в домонгольский период связано прежде всего с археологическими исследованиями.

В ходе широкомасштабных археологических исследований последних десятилетий стали известны материалы, представляющие русско-половецкое пограничье как с окраинных территорий юго-восточной Руси, так и со стороны половецкой степи. Особую значимость имеют также памятники, выявленные за пределами очерченной границы, в так называемой «половецкой глубинке».

Археологический комплекс по данной проблематике можно обозначить следующим образом: к первой категории памятников археологии, составляющих основу для настоящего исследования и имеющих первостепенное значение в связи с широким спектром информативных возможностей, относятся известные древнерусские городища, по которым выявлена юго-восточная граница Руси XII – нач. XIII вв., ко второй – неукрепленные поселения с немногочисленными древнерусскими материалами по р. Дон, Тихая Сосна, Оскол, Битюг. К третьей категории причисляются немногочисленные половецкие погребения и каменные изваяния, картографирование которых является важной составной частью в изучении вопросов Порубежья.

Древние укрепленные поселения домонгольского периода на рассматриваемом участке Пограничья представлены древнерусскими городищами в бассейне Северского Донца: Донецким, Хорошево, Крапивное, Холки, а также Семилукским городищем на р. Дон и Животинным – на р. Воронеж.

Донецкое городище расположено на одном из мысов правого берега р. Уды (правый приток р. Северский Донец), близ с. Карачевка (ныне юго-западная окраина г. Харьков). Занимает оконечность мыса, образованного долиной реки и балкой (рис. **2**). С северо-западной напольной стороны городище укреплено валом и рвом. В настоящее время длина городища составляет около 70 м, а ширина – 40 м (укрепленная площадь около 0,3 га). Археологический комплекс летописного Донца домонгольского времени включает детинец, посад и могильник. Первые исследования памятника осуществил В.В. Пассек в 1838 – 1839 гг. Последующее изучение Донецкого городища, проведенное в конце XIX – начале XX вв. Ю.И. Морозовым, В.А. Городцовым, Д.Я. Самоквасовым, Н.Е. Макаренко, носило разведывательный характер. Стационарные раскопки провели А.С. Федоровский в 1929 – 1930 гг. и Б.А. Шрамко в 1955 – 1957 и 1959 –

1962 гг. Была вскрыта полностью укрепленная часть – 742 м^2 и большая часть на селище – 1700 м^2. В 1978 г. Были проведены охранные раскопки на селище под рук. А.Г. Дьяченко. Из культурного слоя городища происходит разнообразный вещевой материал, отражающий быт пограничного русского населения. Донецкое городище относится к числу наиболее исследованных в регионе памятников, получивших широкое освещение в исторической литературе (Городцов, 1905; Самоквасов, 1902; Федоровский, 1930; Шрамко, 1962; Дьяченко, 1979; 1983; 1985 и др.). В решении вопросов, касающихся данной территории, предполагается обращение к известным материалам окраинного русского городка, которые являются «эталонными для древнерусских культур бассейна Донца» (Дьяченко, 1983, с. 4).

В 1962 г. в результате разведок Северо-Донецкого отряда археологической экспедиции ИА АН СССР под рук. С.А. Плетневой были открыты городище Холки на р. Оскол и Крапивное на р. Корень (Плетнева, 1964, с. 24-33). В настоящее время эти памятники являются ключевыми в рамках обозначенной проблематики, т.к. с введением в научный оборот новых археологических данных возможно осуществить разработку многих важнейших сторон ситуации, сложившейся в лесостепном Подонье в домонгольский период.

Городище Холки расположено на высоком (около 40 м) мысу правого берега р. Оскол близ с. Холки (Чернянский р-н, Белгородская обл.). Занимает площадку треугольной формы (1,5 га) (рис. 7). С напольной стороны имеет укрепления в виде вала и рва, далее через 125 м по направлению к стрелке мыса расположена еще одна линия укреплений. По склонам мыса прослежены следы искусственной подрезки. На восточном склоне мыса выявлен древнерусский грунтовый могильник. Первые стационарные раскопки были проведены на укреплениях в 1983 году Г.Е. Афанасьевым. Городище исследовалось в 1985, 1987, 1998 – 2000 гг. экспедицией Воронежского госуниверситета под рук. А.З. Винникова при участии Старооскольского краеведческого музея. Общая исследованная площадь составляет 997 м^2. Из культурного слоя, мощностью 0,2 – 0,7 м происходит значительная коллекция керамики и разнообразных предметов относящихся к домонгольскому периоду, дающих возможность осущест-

вить глубокую интерпретацию поселения. Культурный слой содержит также отложения других исторических эпох: раннего железного века и конца XIII – XIV вв. К последнему периоду относится второй этап в сооружении внешней линии укреплений, постройки № 6, 12, а также отдельные находки и серия керамики.

Городище Крапивное занимает обширный Г-образной формы меловой мыс правого берега р. Корень (правый приток в верховьях р. Северский Донец) у с. Крапивное Шебекенского района Белгородской области. Состоит из нескольких взаимосвязанных частей: детинца, укрепленного посада, четырех прилегающих селищ и грунтового могильника. В 1995 году в охранных целях были проведены раскопки городища под рук. А.Г. Дьяченко, исследована площадь 180 м^2. Напластования, мощностью около 1 м, содержат материалы разлчных исторических эпох. К древнерусскому времени относятся три изученные постройки и 23 хозяйственные ямы. Из культурного слоя городища происходит, наряду с керамикой, обширный вещественный материал, который в значительной степени дополняет представление о характере освоения этого района (Дьяченко, 1998, с. 19-22).

Городище Хорошево расположено в пределах одноименного села Харьковского района Харьковской области на мысу сложной конфигурации высокого правого берега р. Уды (рис. **4**). С напольной стороны имеет укрепления в виде вала и рва. В северо-восточной части находится мыс-останец под названием «Гуляй – Городок», отрезанный от остальной территории поселения рвом и оврагом. Городище Хорошево представляет собой многослойный памятник. Наибольшая концентрация материалов роменской культуры VIII – X вв. и древнерусской, датируемой X – XIII вв., отмечена в культурном слое на останце. Первые описания о городище относятся к середине – концу XIX в. и связаны с именами таких исследователей как В.В. Пассек, В.Е. Данилевич, В.А. Городцов. Основательные археологические обследования были осуществлены И.И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1961, с. 138-141). Б.А. Рыбаков в ходе работ Северо-Донецкой экспедиции ИИМК осмотрел памятник и снял его план. Небольшие по площади раскопки произведены в 1951 – 1952 гг. Северо-Донецкой экспеди-

цией Харьковского университета под рук. Б.А. Шрамко. В 1983 и 1987 гг. проведены охранные раскопки Хорошевского городища и осуществлена последующая публикация материалов за все годы его раскопок (Шрамко, 1991, с. 50-59). Следует отметить, что сложность использования материалов этого памятника определяется тем, что не все находки четко разделяются по культурной принадлежности и хронологии.

Городище Семилуки расположено в черте г. Семилуки Воронежской области. Занимает высокий (около 45 м) мыс вытянутой формы правого берега р. Дон (рис.22). Склоны мыса частично разрушены оврагами, в настоящее время площадка имеет длину около 200 м и ширину около 70 м. Укрепленная площадь составляет 1 га. С напольной, северо-западной стороны имеет укрепления в виде вала высотой до 1,2 м и рва глубиной до 3 м. К городищу примыкает поселение площадью около 3 га, занимающее соседние мысы, составляет вместе с укрепленной частью единый комплекс.

Городище открыто в 1927 году в результате разведочных работ, произведенных сотрудниками Воронежского краеведческого музея. Первые археологические исследования были связаны с изучением древнерусского гончарного горна в 1981 году отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством В.И. Беседина (Беседин, Беседина, 1983). Систематические, многолетние исследования городища начались в 1984 г. и продолжались с перерывами до 1993 года. Авторы раскопок – А.Д. Пряхин и М.В. Цыбин опубликовали обширные материалы, происходящие с изученной площади городища – 3338 м^2. В культурном слое, мощностью до 0,8 м содержатся материалы разных исторических эпох, в том числе и древнерусского времени второй половины XII – первой половины XIII вв. На площади городища изучено 16 жилых построек и 17 хозяйственных ям.

В 1989 г. Изучалась линия укреплений городища – изучен ров, вал и примыкающее к нему помещение. Общая изученная площадь составила 168 м^2. В 1993 г. исследовалась территория за линией укреплений, было заложено 12 шурфов.

В целом, материалы Семилукского городища представляют большой ин-

терес для изучения процессов заселения региона и характера русско-половецкого пограничья (Пряхин, Цыбин, 1986; 1987; 1991; 1996).

Городище Животинное расположено на высоком мысу правого берега р. Воронеж, в 3,5 км от с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области. Размеры площади, занятой городищем, 30-120 м шириной, 520 – 540 м длиной. Склоны мыса крутые, с западной стороны мыса имеется искусственная подрезка. Имеет три линии укреплений. Культурный слой содержит материалы разных исторических периодов, материалы древнерусского времени XII – начала XIII вв. концентрируются примерно в центральной части площади мыса, ограниченной первой линией укреплений. Памятник исследовался славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета в 1974, 1977, 1982 – 1986 гг. под рук. А.З. Винникова. Общая площадь, раскопанная на городище составляет около 2,5 тыс. м^2. На территории городища раскопаны четыре постройки древнерусского времени, из культурного слоя происходит разнообразный вещевой материал. Большой интерес представляет коллекция керамики, орудия труда и украшения, относящиеся к домонгольскому периоду (Винников, 1995; Винников, Кудрявцева, 1998).

Неукрепленные памятники рассматриваемого региона известны как на территории пограничья, так и в некотором отдалении от нее вглубь половецкой степи. Подавляющее большинство селищ известно только на основании подъемного материала по результатам разведок В.П. Левенка (Левенок, 1959, 1962, 1966), А.Д. Пряхина (Пряхин, 1963), С.А. Плетневой (Плетнева, 1964, с. 25) и др. исследователей. Раскопки проводились лишь на двух памятниках Среднего Дона – Шиловском, расположенном в низовьях р. Воронеж и «Терешковский вал» на правобережье Подонья.

Шиловское многослойное поселение изучалось в 1966 – 1971, 1973 гг. экспедицией Воронежского госуниверситета под рук. А.Д. Пряхина, в 1987 г. опубликованы древнерусские материалы (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 5-36). Общая исследованная площадь составила 4584 м^2. Материалы древнерусского времени представлены рядом жилых и хозяйственных построек, а также значительной коллекцией предметов.

Свидетельства, относящиеся к домонгольскому периоду обнаружены на дюне под названием «Терешковский вал», расположенной при впадении р. Богучарким в р. Дон в 1989 г. экспедицией Воронежского пединститута под рук. А.Т. Синюка (Синюк, 1993, с. 83-86). Интересующие нас материалы представлены жилой постройкой, очагом открытого типа, двумя глинобитными площадками, развалом сосуда древнерусского облика.

Неукрепленные поселения выявлены в верховьях р. Воронеж близ сел Хутор Полозов, Грязное, Вербилово, Крутогорье, Ленино (Левенок, 1966; Кудрявцева, 1988). Стационарные исследования проведены в 1972 г. на двух селищах в зоне затопления Липецкого моря Верхнедонской экспедицией под руководством В.И. Матвеевой. Поселения расположены на правом берегу р. Матыра (левый приток р. Воронеж). Поселение у с. Казинка находится в 15 км от г. Липецк, занимает длинную около 600 м площадку вдоль берега реки. В разных частях поселения заложены раскопы общей площадью около 1000 м^2. Из культурного слоя мощностью 0,60 – 0,80 м происходит значительная коллекция керамики и предметов, связанных с хозяйственной деятельностью, украшения. В целом, датируется XII – XIV вв. Изучен также грунтовый могильник.

Поселение у с. Каменное находится в 5 км от г. Грязи. Общая исследованная площадь составила 220 м^2. Длина всего поселения вдоль реки составляет около 400 м. Из культурного слоя мощностью 0,40 – 0,60 м происходит серия предметов, позволяющих датировать поселение концом XII – XIV вв. К сожалению, публикация материалов, носит предварительный характер (Матвеева, 1973).

Среди кочевнических материалов региона наибольшей информативностью обладают половецкие каменные изваяния. Исследователи половецких изваяний неоднократно обращали внимание на то, что их ставили в местах постоянных кочевий, поэтому ареал распространения половецких изваяний соответствовал картине расселения этого народа. Особенность источника заключается в том, что он дает данные об этнографических признаках отдельных половецких образований. Поэтому для выяснения обозначенных вопросов немаловажное значение имеет более детальное картографирование половецких статуй и

их соотношение к выделенным С.А. Плетневой типам.

Известные к настоящему времени на рассматриваемой территории половецкие изваяния введены в научный оборот А.Ф. Шоковым (Шоков, 1964; 1967), С.А. Плетневой (Плетнева, 1974), учтены в работах М.В. Цыбина (Цыбин, 1987, с. 17; 1999, с. 135-139). Дополнительные материалы выявлены краеведом А.Г. Николаенко в с. Покровка Волоконовского района. На месте нами были осмотрены две половецкие статуи: одна из них удовлетворительной сохранности находится в здании школы, другая использована в фундаменте жилого дома. Обнаружение половецких «баб» практически в одном месте дает основание предполагать, что первоначальное их местонахождение связано с данным районом.

Еще одна половецкая каменная статуя практически полной сохранности была обнаружена в 1998 г. близ села Плетневка Волчанского района Харьковской области. В настоящее время перевезена в Белгородскую область и установлена у Шебекинского краеведческого музея.

Для конкретизации границы половецких кочевий в бассейне р. Северский Донец необходимо осуществить детальное картографирование известных на данной территории половецких изваяний. Данные о местонахождении содержатся в своде археологических памятников Харьковской области (Справочник по археологии Украины, 1977), каталоге половецких каменных изваяний (Плетнева, 1974, с. 77-112), с известными оговорками можно учесть в работе сведения одного из краеведов – А.Н. Кобылина (Кобылин, 1915, с. 27-36). Необходимо учитывать также и известные в пограничной зоне погребения половцев, но их немногочисленность не позволяет отводить им сколько-нибудь существенную роль в изучении проблематики.

Таким образом, к настоящему времени на территории лесостепного Подонья известно около 70 неукрепленных поселений, где обнаружены материалы XII – XIII вв. (Цыбин, 1987, с. 10). Известны также городища, обозначающие пограничную линию в рассматриваемом регионе: в бассейне Северского Донца – городище Донецкое, Гайдары, Хорошево, Мохнач, Коробов Хутор, Вороново, Крапивное, Холки, на р. Дон – городище Семилуки, на р. Воронеж – городище

Животинное. Не все они изучены одинаково. Значительные археологические исследования проведены на Донецком городище, Хорошево, Крапивное, Холки, Семилуки, Животинное. Коллекции данных памятников содержат обширные керамические серии, различные изделия из металла, кости, глины, камня. На площади городищ изучено значительное количество жилых и хозяйственных помещений. Большой интерес для обозначенной темы представляют материалы из раскопок укреплений.

Представляется важным в изучении русско-половецкого пограничья использовать не только данные археологии, но и заново осмыслить и оценить тот фонд письменных источников, который накоплен до настоящего времени.

Для освещения вопросов, касающихся рассматриваемой проблематики необходимо осуществить отбор письменных свидетельств, учитывая, что помимо прямых сведений (зачастую отрывочных и фрагментарных) большого внимания заслуживают данные иногда иллюстративного характера, а также источники, относящиеся к более позднему периоду средневековья, необходимые для сравнительно-исторического анализа.

Из фонда письменных источников наибольшей информативностью обладают русские летописи. Необходимо отметить, что отечественное источниковедение на современном этапе располагает новыми значительными возможностями в вопросах реконструкций летописей и их лингвостилистического, хронологического и текстологического анализа. Подобные методы позволили ввести в научный оборот многие неизвестные ранее летописные тексты и осуществить специальный отбор летописных сообщений (Кузьмин, 1965; «И были полки Ольговы...», 1994).

Проблемы пограничья на окраинных землях наиболее полно отражены в Ипатьевской (ПСРЛ, 1962, т. II), Лаврентьевской (ПСРЛ, 1962, т. I) и Никоновской летописях (ПСРЛ, 1965, т. IX).

Отправным источником для исследования поставленной проблемы среди летописного свода южной редакции является Ипатьевская летопись, содержащая сведения о наиболее важных событиях на окраинных землях. Внимательного рассмотрения требуют многие сюжеты, связанные с русско-половецкими

взаимоотношениями. Ипатьевская летопись ярко характеризует последствия половецких набегов для южных и юго-восточных русских земель, позволяет выяснить маршруты походов русских князей в степь, наметить места половецкий кочевий, а также дает возможность проследить политическую историю половцев и изменение политики русских князей в отношении кочевников с сер. XI до нач. XIII вв. Многие данные летописи послужили основой для локализации известных населенных пунктов на пограничных землях: русского города Донец и половецких – Шарукань, Сугров и Балин. Наиболее полную информацию содержит один из компонентов Ипатьевской летописи – Киевская летопись (от 1119 г. до 1198 г.). Именно здесь содержатся письменные свидетельства, связанные с лесостепным Подоньем.

В решении конкретных вопросов, связанных с юго-восточным Пограничьем целесообразно использовать издание Ипатьевской летописи по древнейшему Ипатьевскому списку (ПСРЛ, т. II, с. 3-4). Это связано прежде всего с тем, что среди научных изданий древнерусских летописей наибольшей достоверностью обладают критические издания, в которых содержатся редакции «по реально дошедшим до нас ближайшим текстам» (Лихачев, 1956, с. 415).

Основным источником по истории окраинных земель на юго-востоке наряду с Ипатьевской летописью является одна из древнейших сохранившихся летописей – Лаврентьевская (ПСРЛ, т. I). Как известно, она начинается Повестью временных лет, завершающейся статьей 1110 г. после чего следует приписка игумена Киевского Выдубицкого монастыря св. Михаила Сильвестра сделанная в 1116 г. А далее летопись содержит южно-русский материал, правда значительно меньшего объема, чем Ипатьевская летопись. Информация о происходящих событиях начиная с последней четверти XII в. связана в основном с северо-восточными, владимирскими землями.

Большой интерес в исследовании обозначенных проблем пограничья представляет более поздняя Никоновская летопись (XVI в.) (ПСРЛ, 1965, т. IX). Именно этому источнику исследователи тематики «Русь – кочевники» чаще всего отдавали предпочтение. Так, большой фактический материал монографии П.В. Голубовского (Голубовский, 1884) основан на данных Никоновской

летописи. Он отмечал, что несмотря на то, что Никоновская летопись «мало знакома с Южной топонимикой, но факты по истории Рязани ее более известны, чем летописи Ипатьевской» (Голубовский, 1884, с. 117). М.Г. Кузьмин, проанализировав многие летописные сообщения о Рязани сделал вывод о том, что не все сведения Никоновской летописи можно считать надежными. «Большая часть достоверных известий Никоновской летописи о Рязани приходится на 30 – 50-е годы XII века», – считает М.Г. Кузьмин (Кузьмин, 1965, с. 106).

Вопрос о степени достоверности Никоновской летописи в настоящее время до конца не решен. Являясь обширной компиляцией ряда источников, происхождение и состав которых не всегда удается выяснить (Клосс, 1980, с. 7-9), Никоновский летописный свод содержит тем не менее много интересных фактов о русско-половецком пограничье, которые невозможно игнорировать.

«История Российская» В.Н. Татищева (Татищев, 1962, т. I) во многих исследованиях по истории Древнерусского государства используется не только как первая попытка обобщения русской истории, но и «как сумма выписок из уникальных утраченных источников» (Рыбаков, 1971а, с. 96). Поэтому безусловно, необходимо рассмотрение текста «Истории...» с точки зрения дополнительной информации о русско-половецких взаимоотношениях, в частности об особой политике черниговских князей.

Среди историко-литературных памятников для исследуемой тематики наибольший интерес представляет древнейший из русских патериков – Киево-Печерский (Памятники литературы Древней Руси, 1980, с. 412-623). С конца XIX в. его принято использовать в исследованиях по истории Древней Руси (Ключевский, 1871). Данные, содержащиеся в тексте патерика, лишь в общих чертах рисуют картину взаимоотношений на Пограничье. Наибольшее распространение в письменности Древней Руси получила вторая Кассиановская редакция Патерика, именно она содержит яркую характеристику исторической действительности XI – XII веков.

Значительным дополнением к летописным известиям являются произведения древнерусской литературы и среди них «Слово о полку Игореве» («Сло-

во о полку Игореве») занимает особое место. Историческая география «Слова» напрямую связана с пограничными землями на территории Лесостепного Подонья и позволяет внести ясность во многие аспекты русско-половецких отношений. В свете изучаемой темы большой интерес представляет историческая основа сюжета произведения, а также идейное содержание, связанное с особенностями внешнеполитических акций русских князей. Лингвистические особенности «Слова» свидетельствуют о степени взаимного влияния культур в пограничной зоне. Не углубляясь в проблемы источниковедческого анализа «Слова» отметим только, что именно это произведение отражает многие стороны русско-половецких взаимоотношений.

Еще один литературный источник – «Сказание о пленном половчине» (Памятники старинной русской литературы, 1860) раскрывает особенности отношений русского населения к соседним кочевникам. Повесть содержит информацию о возможности и способах обмена, выкупа пленных, рисует интересные черты половецкого быта.

Значимость подобных фольклорных источников определяется тем, что легенды, предания, сказания способны отразить важные события, по причинам «цензурного» характера, не попавшие на страницы летописей (Котляр, 1986, с. 9).

Отдельную группу, во многом дополняющую летописный фонд, составляют иностранные источники. Особое место занимают сообщения сицилианского географа Абу-Абд-Аллаха Мохаммеда Идриси (Рыбаков, 1952). Труд Идриси написан на основании обширных сведений, поступивших от купцов и путешественников XII в. Исследователь этого источника Б.А. Рыбаков отмечал, что текст книги Идриси «Содержит значительно больше интересных точных данных, чем карта» (Рыбаков, 1952, с. 41). По атласу географа можно судить о территории окраинного юго-востока Руси, половецких землях – Куманиях.

Особенно интересно упоминание «Кумании Внешней», которая по мнению Б.А. Рыбакова отождествляется с «дикими половцами» и страны Ниварии (Сиварии), главной рекой в которой является река Русия (Северский Донец). Интерпретация источника осуществлена многими исследователями (Дьяченко,

1983, с. 13-14, Сухобоков, 1992, с. 145), но по-прежнему остаются невыясненными вопросы соотношения выявленных городищ с конкретными населенными пунктами по карте Идриси.

Несомненный интерес для рассматриваемых проблем представляют сообщения византийских авторов, которые традиционно использовались в трудах по истории Древнерусского государства. В кратком обзоре И. Шриттера, посвященном соседним кочевым народом, указано, что «о приключениях команов пишут Иоанн Скилиций, Анна Комнина, Георгий Акрополит, Никита Хонский, Георгий Пахимер, Никифор Григор, Иоанн Кантакузин и Кодин» (Шриттер, 1775, с. VIII). Сведения перечисленных авторов касаются в основном истории, связанной с событиями близкими Византии и могут представлять интерес для дополнения политической истории половцев, особенностей их военных предприятий. "Алексиада" Анны Комниной (Комнина, 1996) заслуживает внимания в вопросах, связанных с границами расселения половцев и принципов их взаимоотношений с соседними государствами.

Материалы, значительным образом дополняющие картину на русско-половецком пограничье, содержатся в «Истории Монголов» Плано Карпини и «Путешествии в восточные страны» Вильгельма де Рубрука (Карпини; Рубрук, 1911). В отчеты миссионеров включены обширные свидетельства о последствиях «нашествия монголов» для русского населения и половцев, а также интересные этнографические данные.

При ограниченности письменных свидетельств о территории лесостепного Подонья в древнерусское время, немаловажное значение имеет анализ более поздних источников. В историко-географическом аспекте, исследовательские поиски по обозначенной теме удовлетворяют сведения из Книги Большому Чертежу (КБЧ, 1950), составленной в Разрядном приказе в 1627 году. Здесь содержится подробное описание территории «по полю» (между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона). Составителей «росписей» и чертежей интересовало все, что связано с обороной юга и организацией сторожевой и станичной службы, поэтому на страницы Книги наряду с городками, острожками, засеками, лесными массивами, дорогами, известными в конце XVI – XVII

вв. (КБЧ, с. 3-5) попали также древнерусские городища в бассейне р. Северский Донец.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются письменные источники, отчасти информирующие об исторической ситуации, сложившейся на русско-половецком пограничье в Подонье накануне монголо-татарского нашествия. Некоторые данные могут быть привлечены при решении следующих вопросов, связанных с предметом исследования: 1) определения характера расселения в пограничной зоне; 2) выяснения основных направлений походов русских князей в Донские степи и половецких вторжений на окраинные земли; 3) рассмотрения различных сторон русско-половецких взаимоотношений; 4) выявления особенностей внешней политики в окраинных землях Руси; 5) обобщения фактического материала по социально-политическим аспектам проблемы.

Приведенный нами обзор источников позволяет сделать вывод о том, что тема русско-половецкого пограничья в лесостепном Подонье в домонгольский период имеет достаточную источниковую базу, обеспеченную разнообразным и представительным материалом, но неодинаковым по своим информативным возможностям. Указанные археологические материалы в комплексе с данными письменных источников способны осветить широкую панораму исторической действительности в регионе, создать довольно подробную и видимую картину русско-половецких взаимоотношений на обозначенном участке Порубежья.

ГЛАВА II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ЗОНЕ ДРЕВНЕРУССКО-ПОЛОВЕЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Повторное освоение территории Лесостепного Подонья древнерусским населением происходит в середине XII – нач. XIII вв. Это связано с общим переселенческим движением на юго-восточной окраине, начавшимся в XI веке и ставшим особенно активным со второй половиной XII века (Винников, 1991, с. 32; Пряхин, Цыбин, 1990, с. 13; Даркевич, Борисевич, 1995, с. 27-29), когда обстановка в донских степях стабилизировалась (Плетнева, 1985, с. 262-265). Территория Верхнего и Среднего Дона являлась одним из направлений колонизационного процесса, чему в значительной степени способствовали физико-географические условия района, которые относятся к числу постоянных факторов, влиявших на неравномерность исторического развития в землях Древней Руси. Вторая половина XII века – время интенсивного освоения пограничных районов Подонья, сопровождавшегося появлением значительно большего количества поселений, чем в предшествующий период. Памятники XI – нач. XII вв. хорошо известны также на окраине Черниговской земли в долине р. Рать (Посемье) – Бесединский и Титовский комплексы (Узянов, Кашкин, 1990, с. 159-162).

На территории лесостепного Подонья в зоне древнерусско-половецого пограничья прослеживается некоторая неравномерность расселения, что можно объяснить особенностями природных условий с одной стороны, и степенью изученности районов – с другой. Большая плотность памятников рассматриваемого периода наблюдается в междуречье р. Дон и Воронеж, верхнем течении бассейна Северского Донца, единичные поселения известны на участке ле-

состепи между Северским Донцом и Доном. Примечательно, что населенные пункты этого времени не особенно охотно устраивали на берегах крупных рек. Почти все укрепленные поселения находятся на берегах притоков Дона и Донца. На выбор места каждого отдельного поселения оказывала, видимо влияние необходимость использования определенного рельефа в хозяйственных и оборонительных целях, учитывались также особенности почвы и расположение источников воды. Немаловажным фактором была степень близости к основному массиву древнерусского населения.

Территория Среднего Дона в домонгольский период представляла собой пространство с благоприятными условиями для жизнедеятельности населения. Весьма показательна в этом отношении характеристика древнего ландшафта и лесной растительности рассматриваемого района, не совпадающая с современной в силу активной вырубки лесов в массовых масштабах начавшейся в лесостепной полосе в конце XVI-XVII вв. сначала для «надолобного дела» (Тонков, 1913, с. 320), затем в XVIII веке для постройки морской флотилии Петра I (Веневитинов, 1887, с. 30, с. 71-72).

В настоящее время сплошные, непроходимые лесные массивы на территории Лесостепного Подонья отсутствуют, о них сообщают лишь отрывочные письменные свидетельства и данные топонимики. Нанесение на карту известных лесных массивов позволяет выявить некоторые закономерности в устройстве поселений (рис. **1**).

Еще в XVI – XVII вв. в верховьях Сейма, Оскола и Оскольца обширную площадь занимал Пузацкий лес (КБЧ, 1950, с. 61, 66, 72, 103). Подобные названия сохранены в географических обозначениях данной местности: с. Пузачи и р. Сейм Пузатый. Сплошной полосой лес продолжается через Старый Оскол к притокам р. Оскол – Убле и Котлу и притоку р. Дон – Потудани. Эта площадь носила название – Погорелый лес (КБЧ, 1950, с. 67) и в настоящее время сохранилась частично в виде значительных лесных массивов. Название этого леса долгое время сохранялось в имени села Роговато-Погорелого (в настоящее время с. Роговатое Старооскольского района). От Потудани к р. Тихая Сосна рас-

полагалась обширная лесная площадь, называвшаяся Куколавом лесом (КБЧ, 1950, с. 67). Созвучны названия населенных пунктов Старое и Новое Уколово.

Возвышенности правого берега реки Оскол близ Нового Оскола – Жестовы горы (КБЧ, 1950, с. 73) были покрыты сплошным лесом, уцелевшим отчасти и до настоящего времени в виде значительных лесных островов. Эта полоса тянулась к Валуйкам, к северо-востоку от которых в настоящее время сохранился большой лесной массив.

В верховьях Донца была также обширная лесная площадь, распадавшаяся на три участка: Болховые бояраки (КБЧ, 1950, с. 62, 69) в верховьях Донца (близ современного села Волохов Белгородского района), Долгий боярак (КБЧ, 1950, с. 62, 69) и Разумный лес (КБЧ, 1950, с. 69) – на притоке Северского Донца – р. Разумной.

До настоящего времени в виде значительных лесных пространств сохранился лес под названием Юшковы бояраки (КБЧ, 1950, с. 66, 70, 73, 103), располагавшийся на р. Корень и Короча. На р. Корень сохранились созвучные названия населенных пунктов: с. Ушаково, с. Ушаковка, с. Колшаково. Не исключено, что Юшковы бояраки простирались в XVII веке по реке Короча значительно севернее за г. Короча, до самого водораздела истоков р. Короча с истоками р. Сейма, в этом месте в настоящее время расположено с. Юшково Губкинского района. Здесь Юшковы бояраки соединялись с Пузацким лесом.

Предположительно весь водораздел верховьев Псла и Ворсклы был также покрыт дубовым лесом – западным продолжением Болховых бояраков. В настоящее время здесь простирается степь с небольшими лесными островами. К востоку от Дона сохранились отдельными участками большая «корабельная роща» (служившая при Петре I для кораблестроительных нужд и им же обращенная в заповедную), Хреновская (близ с. Хреновое, Бобровского района), Шипова дубрава (близ с. Воронцовка, Бутурлиновского района) и Теллермановская роща под Борисоглебском представляют остатки древних лесов.

Известно, что уничтоженные леса сохраняют оподзоленность черноземов сотни лет (Жекулин, 1972, с. 165). Таким образом, распространение оподзолен-

ных черноземов в общих чертах показывает пределы древних лесных участков на территории лесостепи, а их сочетание с древнерусскими укрепленными поселениями позволят создать представление о характере древнерусско-половецкого пограничья в Лесостепном Подонье, выявить особенности заселения рассматриваемого региона.

Перенесение данных о древних лесах на карту лесостепного Подонья (рис. **1**) показывает, что ключевые укрепленные поселения и, соответственно, пограничная зона располагались исключительно в лесных массивах. Защитные свойства лесов были в полной мере использованы на данном участке древнерусско-половецкого Пограничья. С учетом расположения крупных лесных массивов следует локализовать пограничный регион.

Юго-восточная граница Древнерусского государства, соответствующая этому региону определена на основании археологических исследований укрепленных поселений. Ранее пограничные территории окраинных княжеств Черниговского и Рязанского обозначались весьма схематично, иногда произвольно. От города Курска к верховьям Сейма и затем к городу Елец на р. Быстрая Сосна очерчивались юго-восточные рубежи Чернигово-Северского княжества в XII веке. А границу Рязанской земли проводили через верховья Дона и Воронежа, предполагая существование рязанских городов по р. Воронеж, далее пограничная линия шла к месту слияния Цны с Мокшей до известного из летописных сообщений древнерусского города Кадом включительно (Кудряшов, 1948, с. 129).

Осуществленные археологические исследования позволили обозначить юго-восточные границы Руси по конкретным памятникам. Один из участков порубежья очерчен по памятникам бассейна Северского Донца, составлявших так называемую «Донецкую оборонительную линию» (Дьяченко, 1983, с. 13-15). В нее входили шесть укрепленных поселений, наиболее значительным из них являлся город Донец, от которого далее граница продолжается через городища Хорошево, Гайдары, Мохнач, Крапивное, Холки. Затем контур юго-восточной границы Руси обозначен по линии, связывающей Семилукское го-

родище на р. Дон и Животинное на р. Воронеж (Цыбин, 1993, с. 121, Винников, 1991, с. 33).

Среди археологических памятников древнерусского времени на территории Среднего Дона известны также неукрепленные поселения, изучение которых связано с проблемой характера заселения и особенностей древнерусско-половецкого пограничья.

Таким образом, древнерусские памятники– домоногольского времени на юго-восточной периферии представлены двумя типами поселений: укрепленные - городища и неукрепленные – селища. Укрепленные поселения устраивались, как правило, в пограничной зоне между древнерусскими землями и кочевническим миром. Неукрепленные поселения располагались как в пограничье, так и в так называемой половецкой «глубинке».

II.1. Укрепление поселения

Укрепленные поселения лесостепного Подонья имеют большое значение в изучении ряда вопросов, связанных с социально-экономическим развитием населения, рассмотрения аспектов, связанных с дальнейшим освоением древнерусской юго-восточной окраины. Многие из указанных городищ получили достаточно полное освещение в исторической литературе по различным направлениям исследований. Но, безусловно, первостепенное значение они имеют для выявления границ древнерусских земель и выяснения характера отношений между русским пограничным населением и половцами.

К числу наиболее изученных памятников, имеющих обширный материал, позволяющий дать конкретную характеристику, относятся городища Донецкое, Хорошево, Крапивное, Холки, Семилукское, Животинное. Они обозначают различные участки пограничья.

Информация о городищах лесостепной части Северского Донца, описание их географического расположения содержится в Книге Большому Чертежу в той части, которая относится к «полю». Именно этот регион рассматривался в

XVII веке как наиболее важный пограничный участок, соседствующий с «татарскими пределами».

Согласно «Росписи реке Донцу» (КБЧ, 1950, с. 71) «...вверх по Удам, с левые стороны, Хорошево городище, от устья верст с 20... А по левой стороне вверх по Удам, выше Хорошего городища, Донецкое городище, от Хорошего верст с 5... А ниже Кабакова городища, с Крымской стороны, вниз по Донцу Мухначово городище, от Кабакова верст с 5».

Таким образом, древнерусские городища лесостепной части Северского Донца известны в литературе, но не все они изучены одинаково. Наиболее содержательны результаты исследований Донецкого городища упоминаемого в летописи как город Донец (ПСРЛ, т. II, стб. 651).

Донецкое городище (рис. **2**) расположено на крутом берегу правого притока Северского Донца – р. Уды. Оно занимает узкий мыс треугольной формы, направленный заниженным концом мысовой стрелки по течению реки.

Археологический комплекс летописного Донца составляют детинец, посад и могильник. Детинец находится на оконечности мыса. Посад занимает большую часть, его длина около 1,5 км и ширина до 300 м. Северо-западнее посада располагался могильник.

Помимо традиционных укреплений с напольной стороны в виде «большого» вала и рва глубиной около 11 м и шириной более 5 м, детинец имеет дополнительные оборонительные сооружения в заниженной части – три вала и два неглубоких рва. Оборонительная стена, сооруженная по периметру городища, состояла из деревянных срубов шириной около 4 м, забутованных глиной и щебнем (Ляпушкин, 1961, с. 258-260; Шрамко, 1962, с. 298-315).

На площади городища исследовано пятнадцать жилых построек, относящихся к древнерусскому времени: 3 наземных и 12 углубленных в материк. К ним примыкают хозяйственные сооружения в виде надворных кухонных печей, погребов, сараев, а также ям-хранилищ (Дьяченко, 1983, с. 15).

В исторической литературе Донец представлен не только как мощная крепость на древнерусско-половецком пограничье, но и как крупный торгово-

ремесленный центр на юго-восточной окраине Древнерусского государства. В результате многолетних исследований были получены весьма важные данные, характеризующие местное металлургическое и металлообрабатывающее производство. Металлографический анализ изделий выявил несколько технологических приемов изготовления кузнечной продукции, которые «соответствовали важнейшим достижениям древнерусского кузнечного дела XII-XIII вв.» (Дьяченко, 1983, с. 16). К общерусским типам относятся все виды ювелирной продукции. Коллекция ювелирных изделий представлена такими украшениями как височные кольца, привески, венчик-диадема, браслеты, перстни, поясные пряжки и др. (рис. **3**). Большинство изделий изготовлено ювелирами Донца способом отливки в каменных формах, но им также были знакомы ковка, чеканка, тиснение, гравировка, а также волочение проволоки (Дьяченко, 1983, с. 17). Многочисленны свидетельства, связанные косторезным ремеслом, которое носило в городе Донец специализированный характер. На территории посада исследовано три косторезных мастерских, производивших разнообразную продукцию, которая применялась в рыболовстве и военном деле (Шрамко, 1962, с. 331-360). В целом исполнение изделий из кости соответствовало общерусским традициям, но некоторые из них (рис. **3**) – петли от колчана со звериной мордой на конце, рукоять плети, костяная пряжка, носят ярко выраженный кочевнический характер (Либеров, Плетнева, 1964, с. 344).

Общерусскому уровню развития соответствовало гончарное ремесло, представленное многочисленными фрагментами и целыми формами готовой продукции, разнообразными в ассортименте, а также гончарными горнами, один из которых относится к высокоэкономичному «донецкому» типу. Анализ керамической коллекции с учетом орнаментации позволил выявить аналогии в Старой Рязани и Северо-Восточной Руси (Дьяченко, 1985, с. 112).

Значительный вещественный материал, происходящий из культурного слоя городища, позволил всесторонне охарактеризовать хозяйственную деятельность населения городища. Благоприятные природные условия были использованы для занятий рыболовством. Об этом свидетельствует значительная

коллекция рыболовного инвентаря представленная крючками, острогами, костяными кочедыками, глиняными грузилами (Шрамко, Цепкин, 1963, с. 77, рис. **2**; с. 79, рис. **3**). По палеоихтиологическим данным известно более 15 видов рыб, подвергшихся улову в данном месте (Дьяченко, 1983, с. 20; Шрамко, Цепкин, с. 82-83). Все эти данные свидетельствуют о том, что рыболовство относилось к важнейшему подсобному промыслу, которым занималось население.

О занятиях земледелием свидетельствуют сельскохозяйственные орудия: серпы, жернова, оковки лопат, косы-горбуши. В состав возделываемых жителями культур входят: мягкая и твердая пшеница, рожь, ячмень, просо, гречиха, овес. Важное место в жизни населения городища занимали скотоводство и охота. Соотношение исследованных костей домашних и диких животных показывает преобладающую роль скотоводства в хозяйственной деятельности по сравнению с охотой (Дьяченко, 1983, с. 20), что соответствует картине широкого распространения скотоводства на древнерусских поселениях домонгольского времени (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 225).

В качестве отдельной категории вещей, характеризующей торговые связи, рассмотрены традиционные городские украшения – стеклянные браслеты. Проведенный анализ выявил, что большинство из них происходят из древнерусских мастерских: Киева, Любеча, Смоленска. Лишь небольшое количество браслетов можно отнести к импортным, привезенным из Византии (Дьяченко, Лапчинская, Щапова, 1996, с. 63-70).

Значительная коллекция предметов вооружения, найденных на площади городища и прилегающей округи представляет большой интерес в связи с обозначением Донца как пограничной крепости. На близлежащей к городу территории найдены два меча и четыре боевых топора. Среди предметов, относящихся к различным видам воинского вооружения и снаряжения, а также конновождения особый интерес представляют наконечник копья, наконечники стрел, детали луков и колчанов, фрагменты кольчатого и пластинчатого доспехов, шпоры, удила, стремена и др. (Дьяченко, 1983, с. 21).

Среди вещей, характеризующих другие стороны жизни города Донец важ-

ны находки, связанные с грамотностью населения, а также с распространением христианства и сохранением пережитков язычества. На основании комплекса изученных материалов пограничный г. Донец датируется нач. XII - XIII вв. (до нашествия татаро-монголов) – и находится на важнейшем участке древнерусско-половецкого пограничья, выполняя оборонительные функции (Дьяченко, 1983, с. 13, 21).

Хорошевское городище расположено в непосредственной близости к Донецкому городищу к югу от него в 8 км, на том же высоком правом берегу р. Уды. С напольной стороны это городище было защищено массивом лесов, которые создавали условия, препятствовавшие свободному передвижению кочевников в этом районе (рис. **1**).

Хорошевское городище (рис. **4**) относится к категории многослойных памятников. Расположено на мысу сложной конфигурации, разделяющейся на несколько участков, в среднем до 50 м высотой над уровнем течения реки. Материалы древнерусского времени встречены главным образом на северо-западном выступе мыса, площадью 5,28 га, в настоящее время застроенным, а также на северном краю мыса и в северо-восточной части памятника, на мысу-останце под названием «Гуляй-городок». Площадь детинца в этом месте около 0,5 га (Ляпушкин, 1961, с. 138-141; Шрамко, 1991, с. 53).

Обширная по площади, центральная часть памятника была активно заселена в скифское время. Здесь, с напольной южной стороны городище имеет дугообразную линию укреплений, протяженностью 520 м, состоящую из вала и рва. Проведенные Б.А. Шрамко исследования показали, что они относятся к раннему железному веку и являлись частью оборонительных сооружений, которые дополнялись деревянной стеной, зафиксированной в разрезах (Шрамко, 1991, с. 51-53). Материалы древнерусского времени здесь не обнаружены. Северо-западный мыс также имел укрепления. Изучение культурных напластований в этом месте показало, что наряду с керамикой скифской эпохи, керамикой роменской культуры здесь встречена древнерусская керамика домонгольского времени (Шрамко, 1991, с. 53). Хотя без специальных исследований устанавли-

вать временную принадлежность остатков укреплений не представляется возможным.

Коллекция находок представлена древнерусской керамикой, иногда с клеймами на днищах, а также предметами быта: железными ножами, пробойником, шилом, костяными проколками, кочедыком, обломком ручки от котла и фрагментами бронзового котла. Встречены предметы, связанные с военным делом: наконечники стрел, фрагменты пластинчатого доспеха (Шрамко, 1991, с. 57, рис. **6**).

Исследование материалов городища Хорошево показало, что черты, характеризующие городской уклад жизни на памятнике малозаметны, в частности немногочисленны свидетельства занятий ремеслом и торговлей, отсутствуют характерные украшения горожанок – стеклянные браслеты. Учитывая данные показатели, автор исследований относит Хорошевское городище к поселениям сельского типа (Шрамко, 1991, с. 59).

На притоке реки Северский Донец р. Корень расположено Крапивенское городище (рис. **5**). Памятник относится к категории многослойных и представлен материалами раннего железного века, относящимися к лесостепной культуре скифского времени, известны данные о роменской культуре, а также интересующего нас древнерусского предмонгольского периода и свидетельства истории XVI – XVII вв.

Укрепленное поселение занимает значительный по площади мыс правого берега р. Корень, возвышающийся над поймой до 65 м и ограничен логом под названием Аркадов. Памятник представляет собой единый комплекс, состоящий из детинца, посада, четырех обширных селищ и грунтового могильника. Рекогносцировочные данные свидетельствуют о том, что в древнерусское время вся территория поселения была освоена.

Детинец, площадью 0,4 га находится в северо-восточной части мыса и имеет форму близкую к треугольной. Высота мыса в данном месте – 40-48 м над уровнем поймы. С юго-западной, напольной стороны имеет линию укреплений длиной 62 м, которая представлена плохо сохранившимся валом высотой

до 1,5 м и шириной 7-11 м. Зафиксированный въезд на территорию детинца находится в средней части и имеет ширину 5 м. Одной из особенностей оборонительных сооружений является отсутствие рва. Защитные функции в данном месте выполняет естественное образование – лощина с достаточно крутыми склонами. На сниженном окончании площадки находится яма неясного происхождения, диаметром около 20 м и глубиной 5 м.

В юго-западном направлении от детинца расположен посад, который занимает значительно большую площадь – 8 га и имеет укрепления. Вал и ров были обнаружены с напольной, северо-западной стороны (Плетнева, 1964, с. 24-30). Предположительно оборонительные сооружения существовали также с южной стороны, но к настоящему времени разрушены меловыми карьерами. К подножию мыса с северо-восточной стороны примыкает Селище 1. На северном и южном склонах Аркадова лога открыты Селища 2 и Селище 3 соответственно. Селище 4 находится на северо-западной окраине с. Крапивное, на площади, занятой под огороды. Грунтовый могильник выявлен у подножия детинца (Дьяченко, 1998, с. 20).

Наиболее исследованным к настоящему времени является посад (180 м^2). В северо-восточной части его выявлено 3 постройки и 23 хозяйственные ямы древнерусского времени. Все строительные сооружения концентрируются в западной и восточной частях, между которыми прослежена незастроенная полоса шириной 11 м. Предположительно, это связано с усадебной застройкой. В одной из построек, площадью около 16 м^2, выявлена печь из камней и глины, прослежены столбовые ямки внутри котлована с остатками бревен. На полу найдены фрагменты древнерусских сосудов, в одном из них находилась чешуя рыбы, обнаружен также шлак и фрагмент ножа. Стратиграфический материал свидетельствует о том, что это наиболее ранняя постройка и относится к XII веку (Дьяченко, 1998, с. 20, 21).

Культурный слой, мощностью до 1 метра содержит многочисленные свидетельства древнерусского периода (рис. **6**). Среди них большой интерес представляют предметы, связанные с ремеслами – деревообрабатывающим и куз-

нечным: стамески, фрагмент наструга, зубила, а также шилья, рабочие ножи. К категории украшений относятся литой перстень из бронзы и фрагмент пряжки, фрагмент стеклянных браслетов и бусы, а также лазуритовая подвеска, выполненная в кочевнических традициях. Интересна находка писала, свидетельствующая о распространении грамотности среди жителей поселения. Керамическая серия представлена наряду с традиционными горшками яйцевидных форм также сосудами приземистых, округлых форм, близких к кочевническим (Дьяченко, 1998, с. 21). Немногочисленна керамика с оформлением венчика в виде «манжета», характерным для посуды X – XI веков, найденная вместе с типичными фрагментами керамики XII – XIII веков и характеризующаяся признаками керамики домонгольского времени.

Представленный памятник датируется XII – первой половиной XIII века и ассоциируется у исследователя комплекса А.Г. Дьяченко с «значительным центром провинциальной городской культуры» на русско-половецком пограничье (Дьяченко, 1998, с. 22).

Первые упоминания о Холкинском городище относятся к XVII веку и связаны с возведением различных укреплений в местах, избранных «Правительством, при содействии детей боярских и других ратных людей», для охраны рубежей. Ратные люди, решая «в которых местах лутче и крепче быть жилым и стоялым острогом, и с которых мест надолбы учинить от крепости до крепости ж, чтоб тех крепостей вручь Татаровья не обошли» (Тонков, 1913, с. 320), в первую очередь обращали внимание не древние «места» – городища и подвергали их тщательному осмотру (Разрядная книга, с. 357). Вполне вероятно, что древнее городище Холки как место «крепкое и угодное» использовалось в XVII веке как стоялый острог, службу в котором несли немногочисленные, часто сменяющиеся группы сторожей из ближайшей крепости Оскол «во все лето и до больших снегов» (Беляев, 1846, с. 77-78). В Росписи Оскольским сторожам, относящейся к 1627 г. обозначена «7-я сторожа верх Холка и Халани от города 30 верст, а стережет она Изюмскую и Муравскую сакму; а промеж Казачей и Холковской сторожи их проезду 30 верст…» (Беляев, 1846, с. 59). Название па-

мятника фигурирует в сведениях о подземном монастыре, расположенном в соседнем холме: «В Ублинском стану был Монастырь Николы Чудотворца на Холкове городище, основанный в 1620 г.» (Миклашевский, 1894,с. 205).

Благоприятные естественные условия с давних времен привлекали к этим местам население. Древнейший из поселков, устроенный на этом холме датируется ранним железным веком.

Древнерусское городище Холки (рис. 7) занимает высокий (около 40 м) мыс правого берега р. Оскол. Старое русло реки Оскол находится в непосредственной близости к востоку от памятника и в свое время служило естественной преградой. Площадка мыса имеет вытянутую треугольную форму «острием» ориентирована к востоку. Северный и южный склоны отличаются наибольшей крутизной . С напольной западной стороны поселение было прикрыто массивом лесов и имело искусственные оборонительные сооружения, которые были устроены также с максимальным учетом природных условий. Так, первая линия укреплений со стороны плато расположена на естественном перешейке и соответственно имеет минимальную по отношению к ширине площадки городища длину. Она представляет собой вал, высотой 1,5 м и ров – глубиной 1,8 – 2,5 м, ширина рва – более 10 м. Здесь же со стороны «поля» был устроен въезд. В центральной части оборонительных сооружений визуально прослеживаются следы подсыпки во рву и заметна седловина в насыпи вала.

На расстоянии 125 м к востоку от первой линии укреплений в центральной части площадки городища расположена вторая линия вала и рва. От первой линии укреплений до второй по северному и южному склонам прослеживается искусственная подрезка – эскарпы, в результате которых склоны стали практически отвесные и примерно на середине снижения образуют горизонтальные площадки. Края площадки городища в местах подрезки ровные, имеют лишь незначительные оплывы.

Памятник открыт и обследован С.А. Плетневой в 1962 г. (Плетнева, 1964, с. 25-30).В 1983 г. Оскольской экспедицией Института археологии АН СССР на городище был разрезан вал первой линии укреплений. В раскопе вала Г.Е.

Афанасьев выявил три этапа в его сооружении: раннего железного века с деревянными срубами, пеньковой культуры, древнерусского периода. В 1987 г. экспедицией ВГУ под руководством А.З. Винникова продолжено исследование внешних укреплений.

Для уточнения некоторых вопросов деревянной конструкции вала была проведена расчистка траншеи и зачистка разреза раскопа Г.Е. Афанасьева. По всей высоте разреза встречены наряду с керамикой раннего железного века обломки сосудов древнерусского времени, включая пространство между остатками деревянной конструкции – сруба. Керамика пеньковой культуры здесь, как и в культурном слое поселения, не встречена. Таким образом, внешние укрепления Холкинского городища полностью относятся к древнерусскому периоду, но имеют два периода в его сооружении (рис. **8**).

В первый (ранний) период на культурном слое раннего железного века были поставлены деревянные срубы, ширина которых около 2,5 м, длина вдоль вала неизвестна. Срубы были заполнены черноземом, глиной ярко-красного цвета, но не искусственно обоженной. Остатки дерева прослежены во всех слоях заполнения и в меловой щебенке, и в черноземном слое, и в глине. Высота вала этого периода до уровня погребенной почвы 1,3 м. Вероятно, в период функционирования этих укреплений они были значительно выше. Впереди срубной конструкции, как указывает в своем отчете Г.Е. Афанасьев, стоял частокол в канаве глубиной 0,4 м. На расстоянии около 6 м с внешней стороны был выкопан ров, размеры которого применительно к этой линии укреплений определить не представляется возможным.

Во второй период древнерусские укрепления были сделаны более мощными. На площади между деревянными конструкциями первого периода и рвом была сооружена дополнительная земляная подсыпка, состоящая, как указывает Г. Е. Афанасьев, из чередующихся прослоек чернозема с меловой щебенкой, перекрытых гумусированным слоем (остатки камышовых прослоек, применявшихся для скрепления насыпи). Высота этой подсыпки – 2,4 м. На самом верху были поставлены деревянные конструкции, сохранившиеся в виде отдельных,

беспорядочно расположенных плах. Вероятно, это были срубы, так как сверху они перекрыты слоем земли толщиной 0,5-0,6 м. С наружной стороны эта земляная подсыпка крепилась довольно мощной деревянной стеной, поставленной на материковый мел. Сохранилось пять венцов этой стенки. При зачистке разреза собрана небольшая, но довольно однородная коллекция древнерусской керамики, не позволяющая четко разделить хронологические укрепления в рамках древнерусского периода.

Ров от этой линии укреплений отстоит на расстоянии 1 м. Раскопки показали, что ров в древнерусский период представлял собой мощное и труднопреодолимое препятствие. Глубина его в материке – 3,2-3,9 м, а от современной вершины вала – 6,3 м, с учетом стоявших на вершине вала деревянных конструкций это расстояние было еще большим. Ширина рва по верху на уровне материка – 13 м, у основания – 6 м. Внешний склон (со стороны плато) довольно пологий. Лишь на глубине около 2 м от резко опускается в виде вертикальной стены на глубину 1,2 м. Внутренний склон значительно более крутой. Ров заполнен в нижней части почти чистой меловой щебенкой, а выше идут чередующиеся почти чистые черноземные прослойки с прослойками чернозема и меловой крошки. В заполнении рва обнаружены обломки горелых плах и довольно значительное количество древнерусской керамики, которой особенно много в центральной части заполнения рва.

Для изучения характера оборонительных сооружений, идущих вдоль склона. У северного склона мыса была заложена траншея. При зачистке материка выявлена канавка, идущая вдоль склона. Ширина ее 0,55 – 0,7 м, глубина в материке 0,35 – 0,6 м, а с учетом почвенного слоя – значительно больше. В заполнении канавки обнаружены угольки, кусочки горелого дерева и керамика древнерусского периода. Перед канавкой на склоне имеется небольшой ров – зачистка шириной 2 м, глубиной до 0,8 м. Есть все основания предполагать, что в этой канавке стояла в древнерусское время оборонительная стена, идущая вдоль склона мыса.

Как показали раскопки 2-й (внутренней) линии укреплений, она была со-

оружена в раннем железном веке. Таким образом, в древнерусское время городище было укреплено со стороны плато довольно мощными деревянными срубами и глубоким рвом, а со стороны склонов – деревянными стенами.

Для изучения материальной культуры окраинного древнерусского населения в лесостепном Подонье существенное значение имеет рассмотрение вопросов домостроительства. Традиции населения в данной сфере хозяйственной деятельности в значительной мере отражают особенности уклада жизни на поселении и часто связаны с этническим фактором (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 141).

Среди строительных комплексов городища Холки (рис. **9**), относящихся к древнерусскому времени можно выделить три группы. Критерии отнесения сооружений в ту или иную группу можно обозначить следующим образом: различия в ориентировке конструкций, показатели углубленности в материке, конструктивные особенности, размеры, а также комплекс находок, состоящий из набора вещей и керамической серии.

Таким образом, в соответствии с указанными признаками первую разновидность представляют строительные комплексы небольших размеров, имеющие формы, близкие к прямоугольной, ориентированные длинной осью углубленной части по линии СЗ-ЮВ, с незначительным углублением в материк, характеризуются традиционным набором древнерусских вещей и керамики, датируемых домонгольским периодом. Это постройки №№ 1, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 16 (рис. **10**, 11). Некоторые из них имеют входы, устроенные с северо-восточной стороны (постройки № 1, № 10) и только в одной постройке (№1) выявлены отопительные сооружения в виде открытых очагов в полу постройки.

Несколько иной вид имеют постройки, отнесенные ко второй группе. Они отличаются неправильными очертаниями, значительно углублены в материк (до 1,2 м) и представляют собой сооружения со сложной внутренней конструкцией. Таковы постройки № 2 и № 5 (рис. **12**, 1, 2)

Третью группу построек представляют постройки № 13, № 14 (рис. **13**, 1, 2), которых отличает, прежде всего, окраинное расположение у северного скло-

на и ориентация длинной осью вдоль него по линии З-В. Помещения значительно углублены в материк и содержат небольшое, по сравнению с другими постройками, количество древнерусской керамики.

В заполнении построек, объединенных в первую группу, найдена значительная коллекция керамики и разнообразный вещевой материал. Особенно интересна керамика с пола постройки № 1. Наряду с обычной керамикой древнерусского облика, характерной для XII века, на полу постройки найден целый сосуд, напоминающий форму посуды салтово-маяцкой культуры. Он имеет шаровидную форму, украшен по тулову насечками ножа и линией, изготовлен из более грубого теста, имеет шероховатые поверхности от присутствия в тесте песка (рис. **14**, 1). В заполнении постройки № 3 помимо древнерусской керамики встречена костяная проколка с обломанным краем (рис. **14**, 3). На полу постройки № 4 найдены железный гвоздь, скоба, фрагмент бронзового изделия с отверстием для заклепки, бронзовая пластина, обломок глиняного грузила, фрагмент глиняной поделки, каменный оселок с отверстием. В столбовой ямке у северной стены обнаружен железный нож и обломок стеклянного браслета серого цвета, круглый в сечении (рис. **14**, 4 - 9). Кроме того, в заполнении котлована найдено значительное количество фрагментов древнерусских сосудов. Находки в постройке № 7 составляют железный нож, глиняное пряслице и древнерусская керамика (рис. **14**, 10, 11). Среди предметов, найденных в постройке № 10 – ключ к навесному пружинному замку (рис. **14**, 14), который представляет собой железный стержень, прямоугольный в сечении: с одной стороны заканчивается крючком, с другой – фигурной лопастью. Ключ относится к типу В II и появляется в культурных напластованиях Новгорода со второй половины XII века (Колчин, 1982, с. 162, рис. **3**). В Старой Рязани аналогичные ключи, найденные в постройках датированы концом XII – началом XIII веков (Даркевич, Борисевияч, 1995, с. 258, табл. **30**, 1; с. 229, табл. **1**, 18). У юго-западной стены постройки обнаружены острога и массивное грузило цилиндрической формы (рис. **14**, 12, 13).

В процессе исследования постройки № 11 помимо древнерусской керами-

ки, найдены железный гвоздь, прямоугольный в сечении с плоской шляпкой квадратной формы, застежка от ремневой пряжки, фрагмент стеклянного ложновитого браслета, наконечник черешковой стрелы в виде вытянутого треугольника с обломанным острием, сопоставимой с формами 37 типа (по Медведеву А.Ф.) и датируемой XII – XIII веками (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 353, табл. **139**, 9), а также фрагменты листовой бронзы (рис. **14**, 15 - 18).

В процессе расчистки постройки № 15 встречено значительное количество находок в центральной части постройки: 13 фрагментов глиняных грузил и костяная игла для плетения сетей и сшивания грубых тканей (рис. **14**, 22 - 24). Подобные изделия из кости найдены на многих древнерусских памятниках: в Путивле (Сухобоков, 1991, с. 73, рис. 5,18), Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995,с. 270, табл. **42**, 16; с. 334, табл. **106**, 5) и др. Из постройки происходит миниатюрный лепной сосудик (рис. **14**, 25). В юго-западной части постройки обнаружен пластинчатый браслет из бронзы с гравированным зигзагообразным узором, «вписанным» между двумя линиями (рис. **14**, 26). Аналогичные украшения широко известны на сельских поселениях Земли вятичей (Никольская, 1981, с. 112, рис. **41**, 4; Арциховский,1930, с. 21), а также в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 317, табл. **89**, 3) и древнем Новгороде (Седова, 1959, с. 251, рис. **9**, 15). Пластинчатый браслет с похожим рисунком был найден на городище Семилуки (Цыбин, 1996, с. 46, рис. **3**, 2). Кроме того, здесь встречена серия древнерусской керамики.

В постройке № 16 выявлены два железных гвоздя, железный крючок, вероятно для подвешивания, и глиняное пряслице (рис. **14**, 27 - 29). На всей глубине заполнения встречено значительное число фрагментов древнерусской керамики.

Вещевой материал построек, объединенных во вторую группу, составляет бронзовый перстень, найденный у самого пола постройки № 2 (рис. **14**, 2) и железная скоба из постройки № 5. В заполнении построек встречено значительное число древнерусской гончарной керамики.

Находки в заполнении построек третьей группы ограничены фрагментами

древнерусской керамики, а также обломком дужки с крючкообразным окончанием и наконечником стрелы ромбовидной формы (рис. **14**, 20, 21).

Таким образом, исследованные остатки строительных сооружений на городище Холки несомненно принадлежат одному времени. Все они совпадают по хронологии вещевого материала и не имеют заметных отличий в керамике, преимущественно представленной типами, датируемыми XII – XIII веками. Немногочисленна группа керамики архаических форм, характерных для XI века. Подобная керамика, как правило, является составной частью керамической серии, происходящей из одной постройки. Видимо сохранение традиционных простых вариантов оформления верхней части сосудов следует трактовать как пережиточное явление. Датирующий вещевой материал также не позволяет рассматривать ни одну постройку как сооружение XI века. Наиболее приемлемой датой для представленных комплексов следует считать XII – начало XIII вв.

На исследованной площади городища наиболее многочисленна разновидность построек с незначительным углублением центральной части. Высота стенок, как правило, достигает 0,2 – 0,3 м, иногда до 0,7 м, причем увеличение глубины нередко связано с уклоном материка. Ориентация строго выдержанная: все постройки данной группы направлены длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Небольшие отклонения наблюдаются для постройки № 15, которая ориентирована длинной осью по направлению ЮЮЗ-ССВ. Форма котлованов близка к прямоугольной, с округлыми углами. Для некоторых помещений (№ 1, № 10, № 15) характерно размещение входа с северной , северо-восточной стороны, иногда в виде коридорчика с несколькими ступенями, устроенными в материке (№ 10). Площади углубленной части – 4,7-6,8 кв. м. Несколько больше постройка № 15 – 13 кв. м. В котлованах и за их пределами отмечены немногочисленные столбовые ямки. Отопительные сооружения в виде очагов обнаружены в постройке № 1. В других помещениях отопительные сооружения проследить не удалось, если только можно считать остатками очагов местами обоженный материк с вкраплениями угольков, прослеженный в постройках №№ 10, 16. Оча-

ги видимо имели простую наземную конструкцию и регулярно подвергались тщательной очистке. Применение открытых очагов в жилых постройках определенно свидетельствует об особенностях этнического состава населения, связанного с близостью к кочевническому миру (Древняя Русь. Город, замок, село, с. 141.). К домонгольскому периоду относятся строительные комплексы с очагами на Шиловском поселении (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 6-15), что дает основание исследователям предполагать наличие неславянских традиций в домостроительстве населения (Винников, 1991, с. 33).

Из-за отсутствия деревянных остатков сооружений, за исключением небольших обгоревших плашек в постройках № 10, 11 трудно осуществить реконструкцию. Планировку жилищ можно определить лишь по косвенным признакам. Наличие тамбура позволило определить место входа в п. 10, 15. Примечательно, что ключ в постройке № 10 найден точно в месте предполагаемого дверного проема. По всей видимости, мы имеем дело лишь с центральной углубленной частью наземных жилищ. Очертить контуры наземных жилищ можно лишь условно, учитывая скопления керамики и вещей. Полная площадь сооружений значительно больше – 14-20 кв. м. В XII-XIII вв. наземные постройки с углубленной центральной частью стали господствующим типом рядового жилья для лесостепной зоны Днепра (Раппопорт, 1975, с. 127). Известны они и на укрепленных поселениях лесостепного Подонья (Дьяченко, 1983, с. 15; Пряхин, Цыбин, 1996, с. 30, 40).

Несколько особняком стоят две постройки - № 2 и № 5. Это настоящие полуземлянки, имеющие заглубленность в материк до 1,2 м, а с учетом почвенного слоя до 1,5 м. От других построек их отличают значительные площади – 11,4 и 9,5 м^2, а также необычная внутренняя конструкция: останцы в виде полок, деление на две половины, ямы внутри. Очевидно, данные строения использовались в качестве погребов-хранилищ.

Кроме того, на городище выявлены постройки (№ 13, № 14), имеющие существенные отличия от рассмотренных. Прежде всего, обращают на себя внимание вытянутые пропорции сооружений вдоль северного склона. Помещения

отстоят друг от друга на расстоянии 4 м, имеют площади – 10,6 и 15 м^2 и углублены в материк на 0,2-0,6 м. Не исключено, что данные постройки функционально были связаны с частоколом, остатки которого прослежены в виде канавок и обгоревшего дерева при исследовании северной окраины площадки мыса. Возможно постройки выполняли роль подпорных сооружений.

В размещении строительных комплексов на исследованной площади городища наблюдается определенная закономерность. Все они расположены ближе к склонам – северному и южному. Посередине остается широкая полоса, свободная от каких либо сооружений. Наблюдаемая лакуна в застройке хорошо соотносится с въездом на городище и, по-видимому, является улицей, направленной к стрелке мыса. В расположении жилищ относительно друг друга также существует система. Помимо стабильной ориентировки, между постройками равномерно выдержано расстояние.

Можно отметить некоторую сгруппированность построек (рис. **9**): одну группу составляют постройки № 3, № 4, № 7, № 8, другую – постройки № 9, № 10, № 11 и третью - постройки № 15, № 16. К ним примыкают хозяйственные ямы. Если предположить, что каждое из этих объединений составляло двор, тогда хорошо прослеживается ряд застройки. Подобная планировочная структура характерна для многих древнерусских укрепленных поселений XII-XIII вв., на которых жили малыми семьями, ведущими индивидуальное хозяйство (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 28, 29).

На восточном склоне мыса, там, где С.А. Плетнева отмечала наличие древнерусского грунтового могильника, выявлено девять погребений (рис. **15**). Они располагались в неглубоких материковых ямах – 0,15 – 0,5 м, размером 0,35 – 0,86 х 1,25 – 2,8 м. В ряде ям прослежены остатки гробовищ. Погребенные лежат на спине головой на запад, руки скрещены на груди. В большинстве погребений каких-либо вещей не обнаружено. Выделяются два погребения – 5 и 6.

Погребение 5 совершено в яме, выкопанной в почве, не углубленной в материк. Яма не доходит до материка на 0,1 – 0,2 м. Контуры ее определяются

весьма приблизительно. Она прямоугольной формы, размером 0,8 – 1 х 1,2 – 1,6 м. Глубина в почвенном слое 0,3 – 0,4 м. Здесь погребен мужчина в скорченном положении на правом боку с сильно подтянутыми ногами, головой на запад. Никаких вещей нет. Под костяком в слое и в засыпке выявлено древнерусская домонгольская керамика.

Погребение 6 выявлено рядом с погребением 5, с северной его стороны. Оно совершено в прямоугольной яме размером 0,6 – 0,7 х 1,8 – 1,9 м, углубленной в материковый мел на 0,3 – 0,5 м. Яма ориентирована по линии ЮЗЗ – СВВ. Погребенный лежал на спине, ориентирован головой по длинной оси ямы на ЮЗЗ. Руки скрещены в нижней части живота. В яме у северо-западной стенки лежали вдоль ног две довольно массивные восковые свечи длиной 0,42 и 0,49 м и толщиной 0,07 м (рис. **16**, 1). В юго-восточном углу стоял горшок древнерусского облика (рис. **16**, 2), наполненный воском, который легко отделялся от поверхности сосуда, а рядом лежала (вероятно, упала провосковавшаяся веревка) – остатки еще одной свечи.

Из культурного слоя городища Холки происходит значительная коллекция предметов, позволяющих охарактеризовать в той или иной степени виды хозяйственной и ремесленной деятельности, выяснить торговые связи, определить характерные черты материальной культуры, связанные с этнической принадлежностью населения.

Среди орудий труда наиболее многочисленную серию представляют ножи, обнаруженные в разной степени сохранности, всего – 19 экземпляров (рис. **17**, 6 – 11). В процессе исследования встречены ножи, как с клинковидными лезвиями, так и с тонкой спинкой. По функциональному назначению (учитывая размеры и некоторые другие особенности) ножи можно отнести к хозяйственным.

Деревообрабатывающий инструментарий представляет втульчатое тесло (рис. **17**, 1), соотносимое со вторым типом (Колчин, 1985, с. 256, с.282, табл. 98, 13), применяемое с коленчатой рукояткой для изготовления домашней утвари. Встречены также фрагменты крючковидных резцов (рис. **17**, 3, 4) и долото (рис. **17**, 2) с шириной лезвия около 2 см для проделывания крупных выемов на дере-

ве, найден обломок топора (рис. **17**, 5).

Наиболее зримые следы ремесленного производства связаны с находками, свидетельствующими о местном изготовлении изделий из цветных металлов. Надежным показателем наличия меднолитейного производства на поселении могут служить находки фрагментов литейных форм из белого мелкозернистого известняка.

Одна из форм представляет собой брусок размером 40 х 48 мм (рис. **17**, 16). На рабочей плоскости формы вырезано ложе в форме ромба (на обломке представлена лишь его часть), внутри с затейливым узором в виде спирали украшенной ребристой насечкой. Литейное ложе имеет глубину до 3 мм. С трех сторон от модели изделия подведены литниковые каналы, расположенные наклонно по отношению к плоскости отливаемого изделия, что позволяло выплескиваться «лишнему» металлу. Не вдаваясь в подробности технологического процесса можно предположить, что эта тщательно, филигранно вырезанная форма служила моделью для изготовления изделий по технологии литья «навыплеск», широко распространенной во многих землях домонгольской Руси и ставшей основным технологическим приемом в XII – нач. XIII вв. (Рыбаков, 1948, с. 271; Колчин, 1985, с. 262, 263).

Еще один фрагмент литейной формы из белого известняка найден в культурном слое городища (рис. **17**, 15). Представляет собой брусок неправильных очертаний с частично сохранившимся рельефным изображением отливаемой модели в виде части круга, внутри которого радиально расположен меньший по диаметру. Литниковые каналы на фрагменте отсутствуют. Возможно для отливки изделий в данной форме пользовались другими способами. Определение изделий, которые изготавливались в обнаруженных формах, затрудняет то обстоятельство, что последние сохранились лишь частично. Можно предположить, что в одной из форм отливались декоративные решетки, которые служили для украшения в виде накладок на различные предметы: колчаны, щиты, книжные переплеты и т. п. (Монгайт, 1955, с. 138, рис. **101**, 4-7)

К орудиям литейного производства относятся обнаруженные на городище

миниатюрные лепные глиняные сосуды – тигли. Найдены экземпляры как с округлым (рис. **17**, 13), так и с плоским дном (рис. **17**, 12). Отмечена характерная для данных изделий значительная примесь песка и шамота. Исследователи указывают на массовый характер подобных изделий в ремесленных центрах Древней Руси (Колчин, 1985, с. 262, с. 288, табл. **104**, 12, 16). Для работ с ювелирными изделиями предназначен, видимо, пинцет (рис. **17**, 14). Отдельные фрагменты медной проволоки можно рассматривать как полуфабрикат, поставлявшийся сюда из других районов.

Определенное место в ремесленном производстве населения городища Холки занимало прядение. Об этом свидетельствует значительная коллекция пряслиц, происходящих из культурного слоя поселения (рис. **18**, 1-8). Серия находок представлена как целыми формами, так и фрагментами, общее число которых составляет 31 ед., они изготовлены из глины, овручского шифера и выточенны из стенок сосудов. Большинство из них имеют дисковидную форму (рис. **18**, 1-5), известны пряслица и биконической формы с округлым ребром (рис. **18**, 6-8). Шиферные пряслица имеют диаметр отверстия от 5,2 до 7 мм. Учитывая отмеченную тенденцию в производстве овручских пряслиц к уменьшению диаметра внутреннего канала с течением времени (Розенфельдт, 1964, с. 222, с. 223), обнаруженные шиферные пряслица следует относить ко второй половине XII – нач. XIII вв.

Значительная серия предметов, происходящих из слоя связана с рыболовным промыслом. Рыболовные крючки (7 экз.) представлены несколькими видами. Два из них (рис. **18**, 19, 20) изготовлены из прямоугольного прута (возможно из подручных средств – кованных гвоздей), имеют мощное острие. Их размеры – 5,5 и 7,2 см. Другой вид имеют крючки, изготовленные из прямоугольного и округлого в сечении прута, заканчивающегося лопаточкой с отверстием с одной стороны и заостренным жалом с бородкой с другой стороны (рис. **18**, 21, 22), их размеры – 6,5 и 6 см. В соответствии с классификацией В.А. Мальм они принадлежат ко второму типу (Мальм, 1956, с. 117, рис. **4**). На Донецком городище подобный вид рыболовных крючков является преобладаю-

щим (Шрамко, Цепкин, 1963, с. 77, рис. **2**, 2-4, 7, 8, 12-13). Несколько отличается от других крючок хорошей сохранности размером 4,8 см, изготовленный из округлого в сечении прута, один конец которого загнут в виде петельки, другой имеет жало с бородкой для лучшего удержания рыбы при подсечке (рис. **18**, 23). Необходимо отметить, что все крючки имеют значительные размеры и отличаются прочностью, что видимо связано с промысловым характером ловли крупных рыб. Лов осуществлялся возможно не только удочкой, но и с помощью жерлиц, поводков, закидушек, донок (Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985,с. 228).

Значительно больше встречено свидетельств сетевой ловли рыбы – глиняных грузил (рис. **18**, 9-16). Найдено 21 экз. полной сохранности и 46 фрагментов изделий. Рыболовные грузила отличаются разнообразием форм, встречены изделия цилиндрической, бочковидной и округлой форм.

Не все ясно с применением железных прутьев (3 экз.) с круглыми и прямоугольным сечением, размерами 26,5; 26,7; 27 см, найденных на городище (рис. **18**, 17, 18, 24). Ранее высказывалось предположение о принадлежности предметов к орудиям рыбной ловли – острогам (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 62). При исследовании постройки № 10 грузило расчищено нанизанным на железный прут. Диаметр сечения прута точно соответствует диаметру внутреннего канала грузила. Можно предположить, что таким образом грузила насаживались для проделывания ровных отверстий внутри изделия. На других памятниках домонгольского периода назначение подобных предметов трактуется по разному: в коллекции Семилукского городища представлен как долотце (Прямхин, Цыбин, 1996, с. 37, с. 58, рис. **15**, 9), в комплексах Старой Рязани предположительно обозначен как резец по металлу (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 253, табл. **25**, 4).

Ряд предметов непосредственно связан с жилищно-хозяйственными комплексами: дужка от навесного цилиндрического замка (рис. **19**. 7), сильно корозированный фрагмент ключа с фигурной лопастью (рис. **19**, 6). Подобный вид имеют ключи отнесенные к типу В II (Колчин, 1982, с. 162, рис. **3**), получившие

широкое распространение со второй половины XII века. Несколько другой вид имеет ключ, заканчивающийся крючком с одной и отпирающей пластиной с отверстием с другой стороны (рис. **19**, 5). Контуры отпирающей пластинки ключа аналогичны находкам из Изяславля и связаны с типами цилиндрических замков, имевших наибольшее распространение в жилых и хозяйственных постройках памятника второй половины XII – первой половины XIII веков (Овсянников, Пескова, 1982, с. 95, рис. **2**, 6). Среди материалов, связанных с постройками на городище Холки обнаружены пробои для запирания дверей (рис. **19**, 8, 9), строительные скобы, а также значительная серия строительных гвоздей (рис. **19**, 1-4).

К бытовым принадлежностям относится фрагмент кресала (рис. **19**, 11). Представляет собой однолезвийное, «калачевидное» кресало с треугольным выступом с внутренней стороны, один конец у него обломан. Относится к типу Б I по классификации Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 221). Весьма показательными для выяснения характера поселения являются находки фрагментов котлов из листовой бронзы (рис. **19**, 12-14, 18-21). В процессе исследования найдено 38 фрагментов разной конфигурации, соответствующих частям сосудов. Одни из них связаны с верхней частью и имеют отогнутые наружу края, другие составляли тулово. Большинство фрагментов имеют на поверхности заклепки, либо следы от них. На одном из обломков с внутренней стороны отмечены следы горелых зерен и вещества органического происхождения. Кроме того, из культурного слоя городища происходят ручки-петли, ручки-дужки из железа, являвшиеся деталями котлов (рис. **19**, 15-17). Количество фрагментов листовой бронзы и указанных вещей вполне сопоставимо, по нашему мнению, с принадлежностью к достаточно распространенному на поселении виду посуды – бронзовым котлам, которые наиболее приемлемы для приготовления пищи на очаге.

Реконструкция изделий невозможна из-за фрагментарности материала. Но можно предположить, что технологические приемы изготовления котлов, бытовавших на поселении, связаны со II типом (Швецов,1980, с. 195-197). Подоб-

ные котлы изготавливались из нескольких листов бронзы, соединенных между собой заклепками.

Наличие котлов характерно для коллекций кочевнических памятников. По мнению исследователей изготовление котлов (казанов) считалось традицией кочевников. Картографирование находок котлов показало, что они получили распространение на территориях, стабильно являвшихся половецкими (Швецов, 1980, с. 198, карта). Единичные находки известны на пограничных территориях. Целый экземпляр бронзового котла был найден при исследовании городища Высокие Лазирки на участке русско-половецкого пограничья в Посулье (Моргунов, 1988, с. 197, рис. **4**). Исследователь связывает этот факт с присутствием кочевнического компонента в населении, проживанием здесь переяславских торков, несших пограничную службу (Моргунов, 1988, с. 203).

На территории лесостепного Подонья отмечены находки фрагментов котлов и их деталей: на Семилукском городище (Пряхин, Цыбин, 1991,с. 102, рис. **7**, 3-6), на Хорошевском городище (Шрамко, 1991, с. 57, рис. **6**, 48). В Новгороде котлы из листовой меди получили широкое распространение в XIII – XV веках. Отмечено, что ушки, за которые подвешивались котлы всегда изготавливались из железа (Колчин, 1982, с. 104, 105).

Предметы вооружения представлены двумя наконечниками копий, двумя наконечниками сулиц и двумя наконечниками стрел.

Наконечник копья длиной 16,4 см происходит из культурного слоя участка, примыкавшего к валу (рис. **20**, 4). Имеет листовидную форму, с четко фиксируемым гребнем, округлыми плечиками и расширяющейся книзу втулкой. Является универсальным видом вооружения, применялся как на охоте, так и в военных действиях (тип IV). Датируется XI – XIII вв., имел широкое распространение на территории Древнерусского государства (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 309, с. 338, табл. **126**, 11). Массивный наконечник боевого копья типа IV А (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 338, табл. **126**, 13) найден на южном склоне мыса (рис. **20**, 1). Имеет лавролистную удлиненную форму, расширяющуюся книзу втулку. Общая длина изделия 31,5 см. Подобные наконечники

известны из раскопок в Изборске и наиболее вероятная их датировка – XII век (Артемьев, 1982, с. 91, рис. **3**, тип III).

К числу метательных видов вооружения, применяемых населением городища как в лесном промысле, так и в бою относятся черешковые наконечники сулиц. Сулица длиной 8,5 см в форме листа с черенком загнутым под прямым углом (рис. **20**, 2) согласно классификации А.Ф. Медведева относится ко II типу и датирована XII – XIII вв. (Медведев, 1959, с. 129, рис. 4, 9). Сулица лавролистной формы длиной 12 см с упором для древка (рис. **20**, 6) известна на памятниках домонгольского времени. Встречен наконечник стрелы ромбической формы с упором для древка (рис. **20**, 5). Известно, что наконечники стрел подобного вида были распространены в середине I тысячелетия н. э. у большинства народов Восточной Европы. В Новгороде такие наконечники встречены в слоях XI – пер. пол. XIII вв. (Медведев, 1959, с. 166). Возможно, фрагментом пластинчатого доспеха является найденная пластинка из железа с дырочками посередине и характерным изгибом в профиле (рис. **20**, 7).

Немногочисленны, но интересны находки амулетов. Один из них изготовлен из клыка грызуна (рис. **21**, 3), другой – традиционный астрагал (рис. **21**, 6). Найдена также заготовка медвежьего клыка (рис. **21**, 2) – излюбленного оберега для жителей лесных районов, часто встречающегося в комплексах Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 276, табл. **48**, 1; с. 281, табл. **53**, 2; с. 234, табл. **6**, 7).

Наиболее многочисленной серией украшений представлены стеклянные браслеты (рис. **21**, 4, 5, 7, 12, 15). Из культурного слоя городища происходит 34 фрагмента ложновитых и гладких браслетов. Примерно в равных частях встречены обломки браслетов желтого, зеленого, бирюзового, фиолетового, черного цветов. В целом, цветовая гамма соответствует происхождению из Киевских или Любечских мастерских (Щапова, 1972, с. 146).

К категории украшений относится раковина каури (рис. **21**, 10). Интересной на наш взгляд деталью является включение раковины каури в набор вещей, характерных для женских погребений половецкого времени (конец XI – XII вв.)

– (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 261, рис. 84, 25). Найдены также фрагменты серег и пряжка с насечками (рис. **21**, 11, 13).

Среди находок массового характера, которые можно рассматривать как свидетельства торговых связей, наиболее распространены фрагменты амфор. В разных частях раскопа встречены красноглиняные стенки сосудов. По сохранившимся фрагментам воспроизвести форму изделий невозможно. Можно предположить, что амфоры как и в ряде населенных пунктов Древнерусского государства, использовались здесь для хранения вина (Рыбаков, 1948, с. 367-372; Якобсон, 1979, с. 113). О крымском импорте свидетельствует также находка скорлупки миндаля. Подобный экзотический орех встречен в горизонтах домонгольского культурного слоя Кремля (Латышева, 1971, с. 217).

Материал городища Холки, полностью укладывается в рамки XII – начало XIII веков. Более детальный анализ позволяет уточнить время возникновения поселения и прекращения жизни на нем. Так, отсутствие в коллекции городища находок, характерных для XI века и даже для рубежа XI – XII веков, позволяет утверждать, что поселение возникло не в самом начале, а, по-видимому, ближе к середине XII века. Датировка связана также с общеисторической ситуацией на юго-восточном Порубежье, имевшей место в указанное время (Пряхин, Цыбин, 1990, с.13; Винников, 1991, с. 32-34; Гоняный, 1993, с. 75 и др.). Поселок существовал непродолжительное время и был покинут населением в связи с известными событиями первой трети XIII века. Об этом свидетельствует и относительно бедный по насыщенности культурный слой, и характер материалов из построек.

Занятия жителей городища Холки, судя по находкам, довольно традиционны и соответствуют в целом имеющимся представлениям о хозяйственной деятельности и ремеслах на поселениях домонгольского периода существования Древнерусского государства. Но вместе с тем получены данные, которые подчеркивают самобытность внутренней жизни древнерусского населения городища.

Благоприятное географическое положение и природные условия способст-

вовали заселению данного места в период колонизации окраинных юго-восточных территорий. Обилие птиц, животных и рыбы в этом «глухом» для того времени районе создавало идеальные условия для занятий охотой и рыболовством. Судя по находкам, одним из основных занятий жителей городища было рыболовство. Встречено достаточно большое количество орудий, свидетельствующих о преобладающей роли именно этого рода занятий: рыболовные орудия и их детали, собраны позвонки, кости и чешуя рыб. Необходимо отметить, что промысловые способы лова явно преобладают над индивидуальными. Высокая концентрация находок, связанных с рыболовством в одной из построек (№ 15) позволяет сделать предположение о том, что лов рыбы являлся индивидуальной специальностью некоторых жителей поселения. Подобные черты хозяйственной деятельности отмечены на Донецком и Семилукском городищах (Шрамко, Цепкин, 1963, с. 77, 83; Пряхин, Цыбин, 1991, с. 101) и характерны в целом для земель Древней Руси (Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 231).

С охотничьим промыслом связаны отмеченные находки вооружения, кости диких животных – медведя, кабана. Исходя из климатических условий района и его ландшафтных особенностей, преобладало, видимо, одно из направлений охотничьего хозяйства, выделенных исследователями, целью которого являлось «пополнение пищевых ресурсов» (Беляева, 1996, с. 93). В процессе исследования не встречено специализированных орудий труда, связанных с бортничеством. Известно, что предметами добычи этого вида промысла были мед и воск. Выявленные в одном из погребений восковые свечи вместе с горшком XII века можно рассматривать как конечный продукт данного вида хозяйственной деятельности. Свечи из воска широко применялись при совершении христианских обрядов и являлись предметом торговли (Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 233). Характерной чертой поселения является отсутствие каких-либо выразительных признаков земледельческой деятельности.

Рассмотренные компоненты сельскохозяйственной деятельности населения городища Холки отражают тот тип региональной структуры сельскохозяйственного производства, который сложился в окраинных районах юго-востока

Древней Руси после освоения в предмонгольский период (Беляева, 1999, с 127, 128).

С близостью леса связано развитие деревообрабатывающего ремесла, представленного весьма скромным по численности, но разнообразным по ассортименту инструментарием, использовавшимся в изготовлении предметов домашнего обихода, строительстве. Местные мастера занимались также производством посуды, ткачеством, обработкой кости в рамках местных нужд.

Значительный интерес представляют находки литейных форм, тиглей, медной проволоки, поскольку позволяют ставить вопрос о существовании местного производства изделий из цветных металлов. Это обстоятельство на наш взгляд является примечательным и весьма оригинальным фактом, так как не укладывается в общепринятые понятия о материальной культуре жителей окраинных военных поселений. В отношении качества обработки цветного металла можно сказать, что уровень его достаточно высок, так как техника изготовления украшений в имитационных формах, воспроизводящих скань и витье, присуща профессионалам-ремесленникам. Свидетельства наличия изготовления предметов из цветных металлов обнаружены на Донецком городище (Дъяченко, 1983, с. 17). Учитывая известные традиции меднолитейного производства в Древней Руси (Голубева, 1984, 1988), данная ремесленная отрасль была освоена женским населением городища. Выяснение характера ювелирного производства для жителей окраинных поселений – это задача специального исследования. Здесь можно лишь отметить, что найденные орудия труда в коллекциях подобных памятников не являются «свидетельством развития ремесла в полном смысле слова, когда предметы изготовлялись для продажи, как это было в городах. В основном же специалисты-ремесленники работали для удовлетворения потребностей феодальной усадьбы, и ремесло не являлось единственным занятием...» (Никольская, 1981, с. 95-96). При этом не исключено, что вещи изготавливались для нужд не только обитателей городища, но и ближайших окрестностей, включая и половецкие земли.

Нетрадиционен характер и объем внешних торговых связей. Судя по на-

ходкам украшений – пластинчатых браслетов, бус и самых массовых древнерусских женских украшений – стеклянных браслетов, серийное производство которых достигло своего расцвета на рубеже XII – XIII веков (Щапова, 1965, с. 234; Колчин, 1985, с. 273), население имело торговые связи с высокоразвитыми городскими центрами. Оттуда же, видимо, поставляли вино в амфорах, некоторые виды продуктов, медную проволоку, которая на месте пускалась в обработку. Города выполняли при этом посредническую роль. Весьма вероятно существование иного варианта торговли, когда операции совершались непосредственно с купцами по пути продвижения торговых караванов. Известно, что по землям донского объединения Шарукана проходил один из важнейших торговых путей – Залозный связывавший древнерусское государство с приазовскими портами (Азов, Тмутаракань и др.), Нижней Волгой (Саксин), Закавказьем (Плетнева, 1985, с. 271). Река Оскол упоминается в связи с событиями 1170 года, когда прозвучал призыв освободить и защитить основные торговые пути Руси: «... братье! Пожалътеси о Руской земли и о своей отцине и дедине... уже у нас и Греческий путь изотимають, и Соляный и Залозный...» (Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 368). После удачного похода «князи Русьстии» преследовали половцев и «за Оскол бьюче и». (Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 369).

Контроль над торговыми путями был важным условием развития экономических связей древнерусских земель. Но часто существующие противоречия во взаимоотношениях между сторонами не мешали выгодным торговым контактам и нормальному продвижению караванов (Греков, Якубовский, 1950, с. 28).

О торговых связях населения городища Холки с половецкими вежами свидетельствует появление бронзовых котлов, некоторых бытовых принадлежностей (кресало), а также украшений (раковина каури). Безусловно, весьма скромный набор вещей не может рассматриваться как свидетельство существования постоянных торговых связей. Все эти предметы могут быть интерпретированы лишь как продукты эпизодических взаимовыгодных обменных операций. Гораздо сильнее и стабильнее на основе коллекции находок прослежива-

ются связи с центрами Древней Руси. В целом, объем внешних связей городища не велик.

Принимая во внимание ряд этноопределяющих факторов – традиции в домостроительстве (постройки с очагами), погребальном обряде (погребение № 5), керамическом производстве, правомерно делать вывод о неоднородном этническом составе населения. При наличии в основном древнерусского населения нельзя отрицать и присутствие здесь потомков алано-болгар (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 67), что, видимо, является следствием сложных межэтнических отношений в данном регионе в предшествующий период (Винников, 1995, с. 128-149).

Археологические материалы свидетельствуют о присутствии на городище людей хорошо вооруженных, связанных с военным делом. Безусловно, выбор места, характер укреплений, виды занятий, отмеченная «компактность» поселения и некоторые найденные виды вооружений свидетельствуют о военном, оборонительном характере поселения, связанным с расположением его на самом пограничье. С.А. Плетнева, которая первая обследовала этот памятник и определила его как «прекрасно укрепленную крепость» (Плетнева, 1964, с. 28, 29), систему сторожевых крепостей Донецкой оборонительной линии XII – середины XIII веков во главе с Донцом, отмечая “чисто военный характер” городищ (Дъяченко, 1983, с. 13-22).

На наш взгляд трудно связывать данный памятник со сторожевой крепостью по примеру крепостей, входивших в состав оборонительных линий южных рубежей Древнерусского государства. При определении исторического места городища Холки на юго-восточной окраине Руси необходимо учитывать ряд важных факторов. Во-первых, укрепленное поселение находилось непосредственно на половецком пограничье и было выдвинуто в степь, образуя юго-восточный угол Черниговского княжества. Ввиду периферийного месторасположения немногочисленные жители были оторваны от общего массива населения Черниговского княжества и древнерусских городских центров. Поселение было не в состоянии обеспечить оборону на этом направлении, т. е. выполнить

одну из главных задач, возлагаемых, как правило, на крепости. Во-вторых, распространение каменных статуй в этом районе до среднего течения Северского Донца и Оскола свидетельствуют о кочевании на берегах этих рек половцев (орды Отперлюеве и Токсобичи) – (Плетнева, 1985, с. 267, карта). Таким образом, расположение городища в непосредственной близости к половецким кочевьям не связано с сугубо оборонительными задачами на данном участке. В-третьих, проведение политики Черниговских князей в отношении самых окраинных земель диктовалось задачами удержания их любыми способами в сфере влияния княжества. Помимо военных операций, для достижения этой цели допускались и компромиссные отношения с кочевниками. «... Между черниговосеверскими князьями и половцами завязываются не только мирные, но часто вполне дружественные отношения: обе земли, и Чернигово-Северская, и Половецкая, в одинаковой степени были заинтересованы в правильном ходе и развитии того транзитного движения, которое появлялось тогда в южнорусских степях» (Ляскоронский, 1913, с. 1 (281)).

Таким образом, учитывая наличие в материальной культуре городища черт, не свойственных военным поселениям (элементы торговли, ремесленная деятельность) и, сопоставляя неординарность поселения с ситуацией, сложившейся в данном районе лесостепного Подонья в домонгольский период, можно отметить, что функции городища Холки были явно неоднозначны. С одной стороны, оно служило опорой во время походов русских князей к половецким вежам, с другой – обеспечивало распространение княжеской власти на окраинные земли, способствовало развитию особых взаимоотношений на русско-половецком пограничье.

Интерпретация городища Холки как опорного пункта совпадает с гипотетическим обозначением указанного городища как места встречи князя Игоря и его брата Всеволода на пути их продвижения к половецким вежам в 1185 году (Плетнева, 1986. С. 45).

Участок русско-половецкого пограничья в среднем течении реки Дон и нижнем течении реки Воронеж очерчивают городища Семилуки и Животинное.

Семилукское городище (рис. **22**) расположено в черте г. Семилуки Воронежской области. Оно занимает мыс правого берега р. Дон, высота которого превышает 45 м. На близлежащих возвышениях расположено обширное неукрепленное селище площадью 2-3 га. Укрепленная часть городища имеет площадь более 1 га. С напольной стороны имеет укрепления в виде вала и рва. Вал высотой около 1,6 м, шириной 7 – 7,5 м, ров глубиной около 3 м, шириной – до 14 м. В основании вала прослежены остатки глиняного ядрища. Изученные сооружения, примыкающие с внутренней стороны к валу интерпретированы как клети (Пряхин, Цыбин, 1993, с. 82).

Всестороннее исследование строительных комплексов и планиграфическое изучение гончарных клейм показало, что городище функционировало непродолжительный период с конца XII до первой половины XIII века. (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 41). Безусловно, подобная узкая датировка памятника на русско-половецком пограничье имеет большое значение в характеристике общеисторических процессов на юго-восточной окраине в домонгольский период.

Благодаря раскопкам значительной площади в укрепленной части поселения Семилуки стало возможным изучение внутренней планировки поселка, содержащей важную историческую информацию о древнерусских укрепленных поселениях на пограничье. Следует отметить, что внутренняя планировка устроена с учетом особенностей местности. Организующим началом выступает направление стрелки мыса. Именно в этом, юго-восточном направлении сориентированы все изученные постройки (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 44-45, рис. **1**, **2**). Они составляют четкие линии, прослеживающиеся вдоль длинной оси мыса и образуют улицу. Исследователями памятника отмечено наличие дворового характера застройки в детинцевой части.

На площади городища выявлено 18 построек древнерусского времени. Все жилые помещения наземной срубной конструкции с глинобитными печами на деревянных опечках с подпечными ямами. Обращает на себя внимание постройка № 23 с нижним хозяйственным этажом – подклетом и верхним – жи-

лым. Ее выделяет также комплекс обнаруженных материалов с разнообразными предметами хозяйственной деятельности и украшениями. По мнению исследователей вышеуказанные свидетельства означают высокий социальный статус владельца жилища (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 33). Традиции домостроительства имеют аналоги на поселениях территории Верхнего Подонья (район Куликова поля), басейна Оки и Курского Посеймья.

Состояние земледельческой деятельности населения представлено фрагментарным зерновым материалом, происходящим из отдельных ям, а также находкой каменного жернова, связанного с переработкой земледельческих продуктов (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 101, рис. **6**, 1). К свидетельствам такой отрасли как скотоводство, относится прежде всего остеологический материал. Осуществленный О.П. Журавлевым анализ позволил выявить, что в состав стада входили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья.

В материалах Семилукского городища содержатся важные сведения о рыболовстве. О значительном месте рыболовства в хозяйственной деятельности населения говорят находки рыболовных крючков (рис. **23**, 1 - 7), а также многочисленная серия рыболовных грузил для сетей. В пределах изученной площади городища выделен один из участков с наибольшей концентрацией грузил (около 20% от общего количества) – участок, связанный с постройкой № 2. Пятнадцать экземпляров имеют клеймо владельца (рис. **23**, 14). По мнению авторов исследования памятника, это обстоятельство является свидетельством специализации отдельных жителей поселения в данной промысловой отрасли (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 101).

Некоторые материалы городища связаны с охотой. На основе остеологического материала в видовом составе промысловых животных выделены лисица, косуля, кабан, лось, медведь, куница, бобр, заяц. С охотой также связаны находки костяных наконечников стрел (рис. **23**, 8, 9).

Одним из промыслов жителей поселка являлось бортничество. Объективным свидетельством этого является находка специального инструмента – бортного топора, аналогии которого известны на мордовских памятниках (Пряхин,

Цыбин, 1996, с. 37, 58, рис. **15**, 7).

На основе многочисленной серии индивидуальных предметов, происходящих из культурного слоя городища и производственных комплексов на неукрепленной части поселения изучен характер ремесленной деятельности. Особо следует выделить керамическое производство, носившее специализированный характер. Гончарная «слобода» открыта на мысу к северу от городища и включает гончарные горны для обжига керамики (Беседин, Беседина, 1983). На площади городища в постройке № 3 выявлены остатки гончарной мастерской, которая одновременно являлась жилым помещением. В постройке исследована яма значительных размеров, на дне которой выявлена топочная камера горна. Керамический материал, происходящий из постройки характеризуется отсутствием признаков употребления, а также диформацией при обжиге.

Отмечены свидетельства, связанные с обработкой черных и цветных металлов. Среди орудий труда, найденных на городище, выделяются инструменты по деревообработке. С обработкой металла связаны находки точильных брусков, плиток, железного зубила, токарного резца. Предметы быта представлены овальным кресалом, дужкой и ключом от навесного цилиндрического замка, бытовавшими с середины XII века, дверной скобой и другими предметами. Найдены также дужки, фрагменты бронзовых клепаных котлов, железное ушко от котла (рис. **23**, 16 - 19). Немногочисленны предметы вооружения, среди них встречены наконечники стрел, фрагмент перекрестья сабли, удила, подкова.

Особо следует отметить серию ювелирных изделий, представленную фрагментами стеклянных браслетов, бусами киевского и византийского производства, пластинчатыми и витыми браслетами, датируемыми XII - XIII вв. Отдельные ювелирные изделия свидетельствуют о местном их изготовлении. Один из найденных решетчатых перстней с узором из колечек, помещенных в четыре ряда (рис. **23**, 25), оказался недолитым при изготовлении. Встречены также фрагменты пластинчатых браслетов, отлитых в одной форме (рис. **23**, 26). О связях населения свидетельствуют бронзовая фибула округлой формы со стеклянными вставками прибалтийского или западноевропейского производст-

ва (**23**, 13), наременный железный наконечник, украшенный аппликацией (**23**, 20), аналоги которому авторы раскопок находят на памятниках аскизской культуры, серьга в виде знака вопроса, типичная для кочевнических древностей южнорусских степей (рис. **23**, 23). Из культурного слоя городища происходит небольшая серия фрагментов импортной керамики и амфор.

Изученные материалы свидетельствуют о том, что основные истоки оставившего его населения находятся в бассейне р. Оки, в «земле вятичей», возможно также в восточном районе Черниговской земли – Курском Посеймье.

Социально-историческая характеристика городища Семилуки, данная авторами исследований, заключается в обозначении памятника как сторожевой крепости и административного центра складывающейся сельской округи. Основание поселения в конце XII века очертило восточные границы Черниговской земли и южные рубежи Рязанского княжества (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 42, 43).

Городище Животинное (рис. **24**) расположенное на правом берегу р. Воронеж относится к категории многослойных памятников. Оно было заселено в различные исторические периоды: в эпоху бронзы, скифо-сарматское время, в VIII – начале XI века славянами и в древнерусскую эпоху (XII – нач. XIII вв.).

Городище расположено на мысу высотой около 40 метров над уровнем поймы. Размеры площади, занятой городищем – 30 – 120 м шириной и 520 – 540 м длиной. Склоны мыса крутые, с западной стороны имеется искусственная подрезка. Городище имеет три линии укреплений. Древнерусский поселок локализуется примерно в центральной части площади мыса и ограничен первой линией укреплений.

Раскопки линии укреплений на северной оконечности мыса, а также первой линии укреплений показали, что сооружены они были в период существования славянского поселения VIII – начале XI века. На стрелке мыса путем искусственной подрезки был обработан склон мыса и на образовавшейся площадке сооружены деревянные конструкции. Перед площадкой был выкопан ров, с внутренней стороны к линии укреплений примыкают полуземляночные постройки. Вероятно, эти укрепления сохраняли свое значение и для древнерус-

ского населения, хотя прямых свидетельств для такого утверждения нет, кроме находки нескольких фрагментов древнерусской керамики в верхней части вала и во рву. При сооружении первой линии укреплений (со стороны плато) была использована довольно глубокая естественная седловина, отделяющая часть мыса. Наверху вдоль нее стояли деревянные срубы, заполненные землей. В древнерусское время эти укрепления были достаточно неприступны, и поселение основывалось здесь с учетом имеющихся сооружений (вал в виде срубов, седловина со рвом).

На территории городища изучены четыре постройки древнерусского времени. Все они срубные, наземного типа и выявлены по остаткам глинобитных полов (площадок) и скоплениям древнерусской керамики. Площадь их 18 – 25 $м^2$. Печи глинобитные, от них сохранились лишь основания. К некоторым жилищам примыкают погреба – хозяйственные ямы и хозяйственные пристройки, которые также выявляются по скоплениям керамики.

На площади мыса, где расположено Животинное городище, ближе к его оконечности выявлено погребение, относящееся к древнерусскому времени – XII- XIII вв. Оно было совершено в прямоугольной яме размером 0,7 – 0,85 м х 2,1 м. Яма длинной осью ориентирована по линии З – В. Погребенный лежал на спине, головой на запад, со скрещенными на животе руками. Никаких вещей в погребении не обнаружено.

В культурном слое Животинного городища обнаружена незначительная, но выразительная коллекция древнерусских вещей, имеющих широкие аналогии на многих древнерусских памятниках домоногольского времени.

Наличие мастеров ювелирного дела подчеркивает находка литейной формы в одной из построек и ювелирный молоточек, происходящий из слоя (рис. **25**, 1, 2). Предметы, относящиеся к рыболовству, представляют фрагменты грузил, костяные иглы для плетения сетей (рис. **25**, 9 - 11), а также крючок для поднятия сетей. Среди орудий для обработки дерева встречены тесло, резец, пробойник (рис. **25**, 5 - 7). К ручным орудиям земледелия, связанным с сенокошением, относится коса-горбуша, найденная на площади постройки (рис. **25**, 8).

Интересны находки украшений – стеклянных браслетов и обломка типичного вятичского перстня (рис. **25**, 14).

Судя по керамическому материалу и разнообразным изделиям, обнаруженным в культурном слое и в постройках, данное поселение можно датировать XII – началом XIII вв. Древнерусское поселение на месте Животинного городища располагалось в непосредственной близости к половецким кочевьям, в условиях постоянной угрозы. Оно являлось своеобразным сторожевым постом, стоящим на юго-западных рубежах Рязанского княжества, предназначенным не столько для охраны его рубежей, сколько, вероятно, для оповещения о приближающейся опасности и оказания помощи русским князьям во время походов в степь (Винников, Кудрявцева, 1996, с. 71 - 83).

Коллекции изученных укрепленных поселений содержат обширный керамический материал, позволяющий в значительной степени расширить имеющиеся представления о материальной культуре окраинного населения. Решение вопросов о единстве или различиях керамики рассмотренных памятников имеет большое значение в осмыслении проблематики юго-восточной окраины.

Для разработки общей типологии керамики городищ лесостепного Подонья за основу принята классификация кухонных горшков, предложенная для городища Холки (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 57 - 62). Из сопоставления существующих типологий керамики разработанных для других памятников рассматриваемого региона – городища Донец (Дьяченко, 1985, с. 100 - 119), Семилуки (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 21-24; Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97-98), Животинное (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 80 - 82), можно выделить общие типы сосудов и особенные, характерные только для одного или нескольких памятников.

Среди рассматриваемой керамики городищ лесостепного Подонья можно выделить двенадцать типов. Некоторые группы керамики, имеющие несущественные отличительные признаки в оформлении венчика выделяются в подтипы основного типа.

Тип I (рис. **26**, 1 - 9). Горшки с просто оформленным венчиком, отогнутым

наружу. По форме шейки, толщине верха венчика можно выделить три подтипа.

Подтип А (рис. **26**, 1 - 3) – горшки с плавно отогнутой наружу шейкой и заостренным венчиком.

Подтип Б (рис. **26**, 4 - 6) – горшки с хорошо выраженной, почти вертикальной шейкой и утолщенным краем венчика.

Подтип В (рис. **26**, 7 - 9) – горшки с резко отогнутым наружу венчиком, почти непосредственно переходящим в тулово.

Горшки с подобными венчиками встречаются на различных поселениях домонгольской Руси, где имеют также несколько архаичный вид, но не везде они существовали одновременно (Полубояринова, 1987, с. 172, рис. **82**, тип I; Смирнова, 1956, с. 243, рис. **6**, 4; Малевская, 1969, с. 9, рис. **3**, 8-14). Общие рамки периода распространения подобных горшков – XI-XIII вв.

На городище Холки сосуды данного типа составляют 20%, на городище Семилуки – 14% (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, 98, рис. **4**, 1), на городище Животинное – 12% (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 80, 81, рис. **7**; 1 - 5). На Донецком городище сосуды I типа соответствуют вариантам 1, 2, 3, 5, 6, 7 по классификации Н.Г. Дьяченко и составляют около 21% (Дьяченко, 1985, с. 103 – 106, 144, рис. **2**, 1, 2, 3, 5, 6, 7).

Тип II (рис. **26**, 10 - 17). Горшки со слабо отогнутым наружу венчиком, край которого несколько загнут вовнутрь и имеет округлую или заостренную формы. По форме верха венчика можно выделить два подтипа.

Подтип А (рис. **26**, 10 - 13) – горшки, у которых край венчика срезан под углом и имеет с внутренней стороны округлые очертания.

Подтип Б (рис. **26**, 14 - 17) – край венчика имеет горизонтальный срез и с внутренней стороны плавно загнут. Чаще всего у горшков этого типа венчик несколько утолщен.

Аналогичные горшки встречены в Древнем Новгороде, где датируются XI-XII вв. (Смирнова, 1956, с. 229, рис. **1**, с. 234, рис. **2**), на поселениях северо-восточной Белоруссии (Левко, 1983, с. 80, рис.**18**), на городище Слободка и др.

(Полубояринова, 1987, с. 174, тип 5; Малевская, 1969, с. 7, рис. **2**, 1-6; Монгайт, 1955, с. 115, рис. **85**, 1, 2). В Среднем Поднепровье известны на поселениях XII-XIII вв. (Петрашенко, 1992, с. 18, рис. **5**, 11, 12). В Ярополче Залесском горшки рассматриваемого типа датируются достаточно широко XI-XIII вв. (Седова, 1978, с. 33, тип IV).

Сосуды данного типа составляют на городище Холки – 18%, на Животинном городище – 5% (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 80, 81, рис. **7**, 6 - 9). На Донецком городище сосуды II типа соответствуют вариантам 15, 16, 18, 19 и составляют около 15% (Дьяченко, 1985, с. 107 – 108, 114, рис. **2**, 15, 16, 18, 19). На городище Семилуки подобные варианты оформления венчиков отнесены к IV типу и отдельно не рассматриваются (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, 98, рис. **4**, 7).

Тип III (рис. **26**, 18 - 23). Отличительной особенностью горшков данного типа является отогнутый наружу слегка приподнятый венчик, на котором имеется четко выраженная выемка для крышки. Некоторые различия в оформлении верха венчика позволяют выделить два типа.

Подтип А (рис. **26**, 18 - 20) – горшки с округлым венчиком.

Подтип Б (рис. **26**, 21 - 13) – горшки с кососрезанным краем венчика.

Горшки третьего типа являются одним из самых распространенных типов горшков на древнерусских памятниках XII-XIII вв. (Полубояринова, 1987, с. 174, тип 5; Малевская, 1969, с. 7, рис. **2**, 1-6; Монгайт, 1955, с. 115, рис. **85**, 1, 2).

Сосуды данного типа составляют на городище Холки - 11%, на городище Животинное 33% (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 80, 81, рис. **7**, 10-14). На городище Семилуки данный тип соответствует типу II и составляет 41% (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, 98, рис. **4**, 2, 3). Крайне редко встречается подобный тип на Донецком городище, сопоставим с 31 вариантом и составляет 1,2% (Дьяченко, 1985, с. 109, 114, рис. **2**, 31).

Тип IV (рис. **26**, 24 - 31). Горшки с плавно отогнутым наружу венчиком, край которого несколько утолщен и загнут вовнутрь. Сосуды данного типа, как правило, имеют длинную шейку. У одних из них край венчика имеет округлые

очертания (рис. **26**, 24 - 27) – подтип А, у других – заострен (рис. **26**, 28 - 31) – подтип Б.

Горшки данного типа были широко распространены в крупных ремесленных центрах Древней Руси, где датируются в основном XIII в. (Каменецкая, 1976, с. 53, рис. **1**). На городище Слободка подобные горшки датированы XII-XIII вв. (Полубояринова, 1987, с. 177).

Сосуды данного типа составляют на городище Холки 12%, на городище Животинное – 31% (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 80, 81, рис. **7**, 15 - 17), на городище Семилуки соответствуют некоторым вариантам IV типа и составляют менее 15% (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, 98, рис. **4**, 6), на Донецком городище соответствуют вариантам 20, 21 и составляют 29,5% (Дьяченко, 1985, с. 108, 114, рис. **2**, 20, 21).

Тип V (рис. **27**, 1 - 7). Венчик резко, почти под прямым углом отогнут наружу и как бы в виде карниза «нависает» над туловом сосуда. На верхней поверхности имеется бороздка для крышки.

Подтип А (рис. **27**, 1 - 4) – край венчика несколько приподнят.

Подтип Б (рис. **27**, 5 - 7) – край венчика слегка опущен, как бы оттянут вниз.

Горшки пятого типа встречены в Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 124, рис. **85**), есть они и на городище Слободка, где датируются XII-XIII вв. (Полубояринова, 1987, с. 172, рис. **82**.).

Сосуды данного типа составляют на городище Холки – 10%, на городище Животинное – 11% (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 81, рис. **7**, 18 – 22; с. 82). Несколько иной вид, более упрощенный имеют сосуды V типа на городище Семилуки и составляют 7% (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, 98, рис. **4**, 8, 9). Как редкий профиль, не учтенный в классификации, обозначен данный тип в керамической серии Донецкого городища (Дьяченко, 1985, с. 116, рис. **4**, 17).

Тип VI (рис.**27**, 8 - 11). Горшки со слабо отогнутым венчиком, верх которого желобком разделен на две части. Некоторые сосуды имеют расширяющийся кверху венчик.

Горшки шестого типа на городище Слободка датируются в пределах XI-XIII вв. (Полубояринова, 1987, с. 174, табл. VII). На территории северно-восточной Белоруссии подобные сосуды встречены в материалах XII в. (Левко, 1983, с. 80, рис. **18**). Имеются такие горшки в Смоленске в слоях XII в. (Каменецкая, 1976, с. 53, рис. **2**).

Сосуды данного типа составляют на городище Холки – 5%, на городище Животинное – 3% (Винников, Кудрявцева, с. 81, 82, рис. 7, 23, 24), на Донецком городище соответствуют вариантам 28, 29, 30, 32 и составляют около 5,5% (Дьяченко, 1985, с. 109, 114, рис. **2**, 28, 29, 30, 32). В коллекции городища Семилуки подобных типов не выделено.

Тип VII (рис. **27**, 12 - 16). Это горшки с коротким, несколько отогнутым наружу венчиком, имеющим несколько заостренный верх. Форма тулова приближается к шарообразной. Орнаментированы эти горшки насечками в сочетании с волнистыми линиями.

На городище Холки составляют 5%.

Данный тип посуды несколько контрастирует с другими типами, рассмотренными выше. Форма их напоминает горшки салтово-маяцкой культуры лесостепного варианта. В пользу этого в какой-то степени свидетельствуют и примеси в этих горшках: речной песок и в ряде случаев растительные добавки. В данном случае речь не идет о полном тождестве горшков 7-го типа и салтово-маяцкой посуды, можно говорить о наследовании определенных традиций. Аналогии горшкам 7-го типа стали известны в результате исследований Крапивенского городища, где также наблюдается наличие горшков округло-бокой, биконической формы (Дьяченко, 1998, с. 21), характерной для аланo-болгарского населения. В коллекциях других городищ лесостепного Подонья подобные типы сосудов не выделены.

Тип VIII (рис. **27**, 17 - 20). Отличительной особенностью горшков этого типа является горизонтально-уплощенный срезанный верх венчика, слегка вытянутый наружу и скруглен внутри. На верхней площадке венчика имеется неглубокая выемка.

Подобные сосуды датированы М.В. Малевской XIII в. Подчеркнуто, что такие горшки характерны именно для Галицкой земли (Малевская, 1969, с. 9, рис. **3**, 1-7). Близкие по оформлению венчика горшки встречены на городище Слободка, где датированы серединой XII-первой половиной XIV в. (Полубояринова, 1987, с. 176, 177, рис. **84**, тип XI).

На городище Холки сосуды данного типа составляют 6%, на других памятниках неизвестны.

Тип IX (рис. **27**, 21 - 24). Горшки этого типа характеризуются отогнутым наружу, несколько опущенным вниз, округлым венчиком. Шейка сосудов прямая.

Горшки с аналогичным оформлением венчика на ряде памятников встречены в слоях XIV-XV вв. (Полубояринова, 1987, с. 172, рис. **82**, тип IV; Седов, 1960, с. 16, рис. **5**, 18). Известны подобные сосуды на Шиловском поселении в Лесостепном Подонье (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 21-23, рис. **10**, 1-9).

Сосуды данного типа оставляют на городище Холки – 13%, на Семилукском городище аналогичное оформление имеют 22% горшков.

Тип X (рис. **27**, 25 - 28). Отличительной особенностью горшков этого типа является высокая прямая шейка с утолщенным или загнутым вовнутрь краем венчика.

Сосуды данного типа встречены только на Животинном городище в количестве 5% от всего количество горшков данного городища (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 81, рис. **7**, 25 - 29). Аналогии рассматриваемым сосудам нам известны в Старой Рязани и датируются А.Л. Монгайтом XI – XII вв. (Монгайт, 1955, с. 126, рис. 87).

Тип XI (рис. **27**, 29 - 31). Для сосудов данного типа характерен отогнутый наружу венчик с косо срезанным краем, иногда несколько удлиненным.

Выявлены только на Донецком городище и составляют около 7%, в классификации рассматриваются несколько вариантов данного типа – 8, 9, 10 (Дьяченко, 1985, с. 106 – 107, 114, рис. **2**, 8, 9, 10). В коллекции керамики городища Животинное известны подобные варианты оформления венчика в серии ранне-

гончарной керамики, где они составляют 35%.

Аналогичные горшки в Ярополче Залесском встречены в слоях XI – начала XIII вв. (Седова, 1978, с. 90, рис. **33**, VI).

Тип XII (рис. **27**, 32 - 34). Горшки характеризуются выправленным вверх венчиком, иногда заостренным в виде "копья" – варианты 25, 26, 27 (по А.Г. Дьяченко), несколько другой вид имеют округлые конфигурации – варианты 22, 23, 24 (по А.Г. Дьяченко).

Подобный прием оформления края сосудов отмечен только на Донецком городище и составляет 10% от общего числа кухонных горшков (Дьяченко, 1085, с. 108 – 109, 114, рис. **2**, 22, 23, 24, 25, 26, 27).

Аналогии известны в Волковыске в слоях второй половины XII – начала XIV вв. (Зверуго, 1975, с. 63, рис. **22**, VII, Б, 5, 8; с. 70).

Таким образом, керамический материал дает возможность датировать рассматриваемые городища домонгольским временем – XII - нач. XIII вв. Во второй половине XIII - XIV вв. существовало только городище Холки (горшки VIII и IX типов). С этим периодом связаны находки обломков чугунных котлов, постройки № 6 и № 12, второй этап в сооружении укреплений. Горшки IX типа на Семилукском городище связаны, очевидно, с первой половиной XIII века.

Рассмотрев типы керамики и степень их распространения на указанных городищах, можно сказать, что обозначенные общерусские типы сосудов (I, II, III, IV, V) являются ведущими на всех памятниках пограничья. Вместе с тем необходимо выделить наиболее характерные типы сосудов. На городищах в бассейне р. Северский Донец, тяготеющих к Чернигово-Северским землям более распространены горшки I и II типов, а в Донском бассейне на городище Семилуки и Животинное – горшки более развитых конфигураций венчика, связанных как правило со второй половиной XII в. – III и IV типов. Сосуды VI типа свойственны коллекциям керамики памятников в бассейне Донца и крайне редки на Дону. Можно также отметить типы сосудов, которые составляют индивидуальность керамических серий отдельных памятников региона. Так, для городища Холки характерен VII тип, связанный с пережиточными явлениями алано-

болгарского этноса, для городища Животинное – X тип, обусловленный близостью к Рязанскому княжеству, а XI и XII типы характерны для Донецкого городища, коллекция которого отличается многообразием форм, связанных с активной ремесленной деятельностью населения.

Для выяснения исторической роли рассмотренных городищ на русско-половецком пограничье необходимо осуществить их сопоставление по различным аспектам культуры (планировка поселения, характер укреплений, традиции домостроительства, хозяйственная и ремесленная деятельность, торговые связи), а также выяснить их функциональное назначение на русско-половецком пограничье.

Все городища, составляющие цепочку окраинных порубежных поселений носили безусловно оборонительный характер и каждое из них устроено с учетом боевых и защитных свойств местности. Прослеживается стремление осваивать участки лесных массивов, служивших надежным прикрытием для населения. На протяжении нескольких веков, начиная с конца XVI века во всех интересующих нас районах произошло значительное антропогенное изменение ландшафта и в настоящее время лесистая местность наблюдается только близ городища Животинное.

Рассматриваемые памятники возникли на основе более древних поселений и относятся к приречному типу заселения. В соответствии с месторасположением принадлежат к городищам мысового типа, размещение их полностью подчинено рельефу местности и в этом отношении они сходны с некоторыми городищами Днепровского Левобережья (Сухобоков, 1992, с. 141 - 142). Часть укрепленных поселений лесостепного Подонья имеет простую конфигурацию, другие – сложную. Соответственно по типу планировки среди населенных пунктов выделяются компактные, включающие посад, непосредственно примыкавший к укрепленной части – Семилуки и характеризующиеся наличием кладбища внутри крепостных стен – Холки. Погребение в пределах укрепленной части отмечено также на городище Животинное. Другую группу составляют памятники сложного рассеянного типа: «поселенческий комплекс» Крапив-

ное, состоящий из детинца, обширного укрепленного посада, грунтового могильника и четырех примыкающих селищ; Донец, состоящий из детинца, посада и могильника; Хорошево «разбросанное» на островах одного разрезанного оврагами мыса и состоящее из детинца, посада и своеобразного «возвышенного местечка» - «Гуляй-городок».

В связи с расположением городищ в пограничной зоне интересно сопоставление размеров их детинцевой части. По типологии А.В. Кузы этот показатель является одним из признаков сторожевых крепостей, имеющих укрепленную площадь от 1 до 2,5 га (Куза, 1989, с. 58).

Трудно связывать с обликом сугубо сторожевой крепости городища Донец, Крапивное, имеющие детинец менее 0,5 га и обширные посады с мощными культурными напластованиями. В то же время такие памятники как Животинное, Холки, отличающиеся значительными размерами укрепленной части – более 1,5 га, имеют гораздо меньший набор признаков поселений городского типа. Вызывает сомнение критерий зависимости социального статуса поселения от размера его укрепленной части, отмечавшийся в литературе и ранее (Раппопорт, 1967, с. 187). По отношению к юго-восточным окраинным укрепленным поселениям следует отметить, что, учитывая общеисторическую ситуацию, сложившуюся здесь со второй половины XII века, наличие значительного детинца не являлось обязательным условием интенсивной жизнедеятельности населения (Цыбин, 1999, с. 133). Фортификационные сооружения большинства городищ представлены линиями валов и рвов с напольной стороны, причем многие из них подработаны в древнерусский период. Исследование укреплений выявило внутреннюю конструкцию сооружений, состоявших из соответствующего грунта и деревянных креплений. Исключительно мощными представляются укрепления городища Холки, усиленные также вдоль склонов стеной и искусственной подрезкой. На Семилуках и гор. Холки в конструкциях стен выделены предположительно клети.

Исследование строительных комплексов на городищах позволяет сделать вывод о том, что развитие домостроительства происходило на основе общерус-

ских традиций. Общие моменты прослеживаются в строительной технике и конструктивных особенностях, присущих наземным домам срубной конструкции, иногда с углубленной центральной частью, а также с подклетами. Параллели известны во многих землях Древней Руси (Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 140, 141). Несколько иной тип жилищ исследован на городище Холки. Наличие очагов в сооружениях свидетельствует об этнических особенностях. Неоднородный состав населения памятника выразительно подчеркивают и другие черты материальной культуры. На основе изучения строительных комплексов возможна постановка вопроса о социальном статусе жителей городищ. Исследователями выделено имущественное превосходство владельца одного из домов на территории Семилукского городища. Отмеченная на изученных памятниках усадебная застройка и наличие улицы указывают на определенную культуру строительства. Характер планировки приближают к поселениям городского типа такие памятники как Донец, Крапивное, Холки, Семилуки, но при этом не на всех из них отмечена значительная плотность застройки, свойственная настоящим городам.

Облик памятников, основанный на суммарной характеристике свидетельствует о разнообразной и весьма специфичной хозяйственной деятельности окраинного населения, связанной с особенностями освоения региона. «Возникновению крепостей в этом районе не предшествовало развитие сельских поселений и формирование сельской округи» (Пряхин, Цыбин, 1990, с. 13), также в последующем развитии этих поселений земледелие не играло первостепенную роль. Коллекция орудий труда, происходящих с укрепленных поселений, представлена исключительно ручными орудиями обработки почвы и фрагментами механизмов, связанных с переработкой земледельческой продукции (жернова). Отсутствие пахотных орудий объясняется особенностями приречного грунта и применением иной агротехники (Беляева, 1999, с. 127).

В изучении экономической основы древнерусского города помимо уровня развития ремесла и торговли, «важным является определение размеров тянувшейся к нему земледельческой округи». (Толочко, 1989, с. 122). На юго-

восточном порубежье даже Донец, городской характер которого не вызывает сомнения и подтверждается данными письменных источников и археологическими материалами, с точки зрения социально-экономической значимости рассматривается прежде всего как торгово-ремесленный центр (Дьяченко, 1983, с.15). Городище Хорошево, расположенное в непосредственной близости от города Донец, интересно тем, что являясь укрепленным поселение, рассматривается как населенный пункт сельского типа, связанный с округой Донца. Но материалы древнерусского времени на обширном (около 20 га) поселении настолько незначительны, что не позволяют отводить ему роль интенсивного по жизнедеятельности предместья. Изучение характера взаимодействия города с земледельческой округой для окраинных территорий нельзя считать законченным. Для выявления степени экономической (хозяйственной) консолидации центра и его сельских «спутников» на окраинных территориях весьма перспективно исследование Крапивенского городища и связанных с ним селищ.

Безусловно, ограниченный характер сельскохозяйственного развития территории был следствием пограничного положения региона. Особо значимую роль в экономике населенных пунктов играло рыболовство, тем более, что этому благоприятствовало наличие рек богатых рыбой. Все памятники содержат характерные элементы материальной культуры, а такие городища как Донец, Семилуки, Холки выделяются наличием материалов, позволяющих судить о специализации данной промысловой отрасли. В рассматриваемом регионе выделены также отдельно значимые виды хозяйства поселений – охота и бортничество. Исследованные памятники предстают с особым, ярко сложившимся типом хозяйства, получившим определение – «сельское хозяйство окраинных территорий юго-востока Руси, с отдельными чертами комплексного сельского хозяйства…». (Беляева, 1999, с. 128).

Вещевой материал, обнаруженный на поселениях, значительным образом углубляет имеющиеся представления о ремесленной деятельности древнерусского населения на окраинных территориях. Многие виды производственной деятельности и их технология изучены материалах на Донецкого городища, от-

крыты производственные комплексы, связанные с гончарным ремеслом на Семилукском городище, известны также свидетельства меднолитейного производства в таких «глухих» местечках как городище Холки и Животинное. Центром ремесла в полном смысле слова, в данном регионе был только город Донец. Некоторые данные подчеркивают специфику Крапивенского городища как ремесленного центра, но в настоящее время мы не располагаем достоверными показателями этого тезиса ввиду слабой изученности памятника. Экономические функции других укрепленных поселений юго-восточной окраины ограничивались, вероятно, удовлетворением потребностей в изготавливаемой продукции населения близлежащей сельской округи. По всей видимости, от размеров округи зависели виды и объемы производства.

Для выяснения социально-исторического значения городищ бассейна Среднего Дона примечательным фактом является то, что при определенного рода географической обособленности, все они имели торговые связи. Судя по находкам украшений, предметов быта, население в зоне русско-половецкого пограничья имело связи с высокоразвитыми городскими центрами Древней Руси. Необходимо также отметить, что рассматриваемый регион имел стратегическое значение в силу обеспечения нормального ведения торговли с зарубежными странами. Так, ситуация, сложившаяся в Подонье в начале XII века повлияла на изменение торговых путей, связывавших Византию и Русь и на выбор более безопасного маршрута, минуя половецкие земли в бассейне Северского Донца (Литаврин, 1972, с. 48). Со второй половины XII века в летописях часто фигурируют названия торговых путей – Греческий, Соляной и Залозный, по которым осуществлялась международная торговля, в том числе и со странами Азии (Новосельцев, Пашуто, 1967, с. 107). Нормальное их функционирование безусловно было связано с установлением стабильных рубежей и возникновением русских селений на пограничье.

Необходимо отметить также связи русского пограничного населения с половцами. Следует отметить, что на каждом из рассматриваемых памятников отмечено наличие традиционных кочевнических украшений XII – XIII вв., а

также предметов быта. Исследователями уже отмечался «контактный» характер полосы земель между юго-восточной границей Древнерусского государства и половецкими землями (Пряхин, Цыбин, 1990, с. 14). Видимо к одной из сторон русско-половецких контактов следует относить совершение торговых операций на обозначенной территории. На правом берегу р. Ворскла исследован аналогичный городищам юго-восточного Порубежья памятник – укрепленное поселение у с. Журавное (Моця, 1993, с. 79). Здесь обнаружены многочисленные элементы кочевнического быта, отражающие торговые контакты на пограничье.

Изученные памятники углубляют наши представления о времени и характере заселения территории лесостепного Подонья в домонгольский период. Археологический материал памятников свидетельствует о том, что освоение юго-восточной окраины не было единовременным процессом и происходило с нескольких направлений, все городища возникли независимо друг от друга и вне связи друг с другом (Винников, 1991, с.33). Письменных свидетельств о намеренном создании укрепленных поселений нет, поэтому нельзя отрицать и некоторый элемент стихийности, определивший неравномерность заселения. Помимо укрепленных поселений, прослеживается достаточно высокая концентрация небольших поселков в бассейне Семилукского течения Дона и нижнего течения р. Воронеж (Цыбин. 1987, с. 12, 13). Безусловно, колонизация окраинной территории русским населением опиралась в первую очередь на укрепленные поселения – городища, составляющие пограничную линию. В связи с недостатком, а иногда и полным отсутствием на новых опорных рубежах коренного местного населения, сюда осуществлялись переселения из других районов Древней Руси. Неоднократно отмечались и особенности возникновения городищ, связанные с отсутствием предварительного оформления сельской округи (Пряхин, Цыбин, 1990, с. 13). Основной приток древнерусского населения на юго-восточную окраину зафиксирован с территории бассейна Оки и восточного региона Черниговской земли – Курского Посеймья (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 42).

Статус укрепленных поселений в структуре окраинного юго-восточного

региона определялся прежде всего их пограничным положением. Древнерусский город Донец занимал позиции на самой окраине Переяславской земли и находился в слабом подчинении княжеской власти (Кучера, 1975, с. 124). Холкинское городище, одиноко стоящее на р. Оскол, представляет собой форпост со стороны Черниговской земли. Городище Семилуки фиксирует восточные границы Черниговщины и южные Рязанской земли (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 42). Древнерусское городище Животинное представляло собой своеобразный сторожевой пост, поставленный на юго-западных рубежах Рязанского княжества.

Вторая половина XII – начало XIII вв. – период интенсивной жизнедеятельности населения порубежных районов, он характеризуется широкими аналогиями в керамическом материале, орудиях ремесленного производства, оружии, украшениях. Все укрепленные поселения лесостепного Подонья основаны в результате углубления процессов феодальной раздробленности на Руси в XII – начале XIII вв. и подчеркивают общность исторических судеб центральных и окраинных регионов Древней Руси.

На основе изучения городищ юго-восточного порубежья появилась возможность создать систематическое представление об их функциональном назначении в военной, административной, торгово-ремесленной и аграрной сфере.

Основные выводы можно обозначить следующим образом:

1. Данные городища использовались как опора княжеской власти для распространения своего влияния и, соответственно, расширения государственной территории.
2. Памятники следует рассматривать как цепочку опорных пунктов первой линии обороны, в задачу которой не входило ведение самостоятельных военных действий. Обязанности населения ограничивались, видимо, оказанием помощи русским дружинам на пути их продвижения в степь и наблюдением.
3. Некоторые из сторожевых пунктов (центров), имеющих достаточно

мощные оборонительные сооружения, использовались в опасных ситуациях для укрытия населения окрестностей.

4. Экономическая функция заключалась в обеспечении ремесленной продукцией близлежащей округи, не только русской, но и половецкой, а также в производстве изделий для внутреннего потребления.
5. Не исключено, что некоторые укрепленные поселения носили промысловый характер.
6. Порубежные населенные пункты можно рассматривать как места совершения торговых или обменных операций, в том числе и с половцами.
7. Весьма ограничена роль городищ в развитии земледелия.
8. Непрочность позиций Руси в рассматриваемом регионе диктовала иные формы существования поселений, значение которых не исчерпывалось военным характером. Они представляют собой опору власти в административном, хозяйственном и военном деле. Наиболее приемлемое обозначение для памятников такого типа – опорный пункт или опорный центр (для комплексов). Подобный термин применим и для других пограничных территорий (Моця, 1993, с. 77).

Учитывая многообразие существовавших в домоногольской Руси населенных пунктов, отличавшихся друг от друга по социально-экономическому содержанию и политической роли, следует подчеркнуть, что опорные центры юго-восточной окраины занимают среди них особое место.

II. 2. Неукрепленные поселения

Изучение древнерусско-половецких взаимоотношений и характера освоения окраинных территорий в Подонье невозможно без учета комплекса памятников, расположенных в так называемой «контактной зоне», располагавшейся между юго-восточной границей Древнерусского государства и Половецкими землями (Пряхин, Цыбин, 1990, с. 14). Именно для этого ограниченного района

характерно местонахождение неукрепленных поселений. Они свидетельствуют о том, что охват переселения на юго-восточные окраины Древней Руси со второй половины XII века был значительно шире и не ограничивался возведением опорных пунктов. Таким образом, особенностью Порубежья в лесостепном Подонье является то, что древнерусские памятники распространены на значительно более обширной территории, нежели собственно пограничной линии, состоящей из цепи укрепленных поселений, рассмотренных выше. Характер освоения района отражается в материальной культуре населения, оставившего памятники открытого типа.

В целом, на всей территории, находящейся между половецкими землями и Древней Русью в бассейне Верхнего и Среднего Дона к настоящему времени материалы XII – нач. XIII вв. зафиксированы на 70 неукрепленных поселениях (рис. **1**). Не все известные неукрепленные поселения по рекам Дон, Тихая Сосна, Битюг, Оскол исследованы одинаково. К числу наиболее изученных археологически, дающих представление о материальной культуре населения обозначенного пространства, относится Шиловское поселение в низовьях реки Воронеж (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987), интересны материалы, происходящие с дюны «Терешковский Вал» в месте впадения реки Богучарки в Дон (Синюк, 1993) и поселения «Дрониха» на р. Битюг – левом притоке р. Дон, ряд древнерусских селищ раскопан в верховьях р. Воронеж (Матвеева, 1972). Результаты исследований обозначенных памятников являются основой для суммарной характеристики этой группы памятников.

Выбор места для основания большинства поселков осуществлялся в соответствии с ландшафтными и другими особенностями района. Нетрудно заметить, что в значительной степени удобными для жилья в рассматриваемый период времени были признаны небольшие реки бассейна Верхнего и Среднего Дона (рис. **1**). Известные неукрепленные поселения в Подонье относятся к селищам приречного типа, широко распространенного на территории Древней Руси. (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 98). Наиболее привлекательны для сооружения поселков были возвышенные места вблизи рек, надпойменные

террасы и коренные берега рек. Предпочтение в выборе сколько-нибудь выраженных высот для устройства поселков возможно отражало в какой-то степени неоднозначные отношения их обитателей с соседями с той или другой стороны. В пределах широкой области, занятой окраинным населением выделяется Шиловское поселение (рис. **28**), расположенное на невысоком удлиненном мысу с пологими склонами надпойменной террасы левого берега р. Воронеж. Материалы древнерусского времени изучены на дюне левого берега реки Богучарки при ее слиянии с Доном под названием «Терешковский вал».

Исследователями обозначены средние размеры поселений – 0,5-0,7 га (Цыбин, 1987, с. 13; Тропин, 1999, с. 55). Мощность культурного слоя и степень его насыщенности на памятниках II типа незначительны и свидетельствуют о непродолжительном периоде жизнедеятельности населения. Относительно планировки можно указать наличие на некоторых исследованных селищах прибрежного характера застройки, на Шиловском поселении прослеживается сосредоточение строительных комплексов группами вдоль склонов мыса.

О характере домостроительства можно судить на основании изученных сооружений ряда памятников. На обозначенной территории отмечено наличие построек двух типов – наземных и углубленных. Углубленные жилые помещения выявлены на Шиловском поселении. Они представляют собой полуземлянки с глубиной котлована от 0,2 до 0,7 м. Площадь построек составляла от 7,5 до 23 кв. м. Формы котлованов близки к квадратной и прямоугольной. В некоторых постройках (№ 10, 11, 12) выявлены остатки входа в виде приступки (№ 11 и 12) или коридора (№ 10). О конструктивных особенностях сооружений можно судить на основании выявленных ямок внутри котлована вдоль стен. Подобные приемы строительной техники связаны с постройками каркасно-столбовой конструкции, получившей наибольшее распространение на территории Древней Руси в XII – XIII вв. (Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 140). Зафиксированные скопления обожженного дерева в некоторых постройках являлись, видимо, остатками деревянного пола. В каждой из жилых построек выявлены остатки отопительных сооружений в виде углублений округлой формы размерами

0,18 х 0,37 – 0,8 х 1 м. Все отопительные устройства – открытые очаги. Вблизи очагов прослежены глинобитные площадки. Помимо построек жилого характера на поселении обнаружено пять хозяйственных сооружений – погребов. Все они значительных размеров – более 5 кв. м.

Постройка наземного типа изучена на дюне Терешковский вал. Ее остатки представляют углистый слой толщиной 0,06 – 0,08 м, прослеженный на площадке размером 4 х 4 м. Распределение угля характеризуется плотностью и равномерностью, что, видимо, следует связывать с остатками деревянного пола. Близ центра северо-восточной стороны постройки выявлен очаг в виде линзообразного углубления, заполненного золой и углем, округлый в плане, диаметр составляет 1 м. С северо-восточной и юго-восточной сторон постройки примыкают две глинобитные площадки, составляющие вместе с помещением единый строительный комплекс. Ввиду отсутствия других конструктивных особенностей сделан вывод о том, что изученная постройка является устройством облегченного наземного типа временного пользования (Синюк, 1993, с. 84).

Обращает на себя внимание тот факт, что известные на неукрепленных поселениях постройки как углубленного, так и наземного типа имели очаги в качестве отопительных сооружений. Заметим, что среди городищ рассматриваемого региона очаги в постройках характерны только для городища Холки, несколько выдвинутого из цепи пограничных укрепленных поселений в степную глубинку.

Характер домостроительства на поселениях Среднего Дона сильно отличается от традиций населения, оставившего селища в верховьях р. Воронеж (Матвеева, 1972). Здесь выявлены наземные срубные дома с глинобитными печами, деревянными и глиняными полами. Известны сооружения разного назначения: жилые, хозяйственные, ремесленные.

Хозяйственная и ремесленная деятельность населения отдаленных селищ может быть охарактеризована на основе данных, полученных в результате изучения большой площадью Шиловского поселения. Обнаруженные орудия труда связаны, как правило, с деревообрабатывающим промыслом. Среди них инте-

ресны ножи, скобель, пила с рукояткой из рога, гвозди, обломки от топоров, фрагменты долота и зубила (рис. **29**, 1 – 6, 23). О занятиях местного населения рыболовством свидетельствуют найденные крючки и сетевые грузила (рис. **29**, 20 – 22, 24 - 27). С другими видами сельскохозяйственной деятельности связаны находки фрагмента косы и обломки жернова. Отметим также находку в постройке фрагмента бронзового листа с железными заклепками, который видимо следует связывать с остатками бронзового клепаного котла (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 8, рис. **2**, 10). Предметы вооружения представлены сулицей и двумя бронебойными наконечниками стрел (рис. **29**, 9, 11). Буквально единичны находки стеклянных браслетов: два фрагмента гладких браслетов зеленого цвета и один фрагмент ложновитого браслета голубого цвета (рис. **29**, 30 - 32). Встречены бусины западноевропейского и византийского производства. Среди других видов украшений – железная сердцевидная подвеска и бронзовый бубенчик. Встречены также другие традиционные древнерусские вещи домонгольского времени – ключи от навесных замков, калачевидные кресала.

По материалам Шиловского поселения просматриваются некоторые особенные черты хозяйственной деятельности населения контактной зоны. По-видимому, она была связана с внутренним обеспечением продуктами питания и ограничивалась теми видами занятий, которые не предполагают практически полной занятости населения в весенне-летний период и зависимости жизнедеятельности от земледельческого цикла. Среди хозяйственных занятий, очевидно, преобладающее значение имели рыболовство, охота, возможно, скотоводство. Зерновые культуры, видимо, поступали из других регионов и перерабатывались на месте, об этом свидетельствует находка обломков жернова в одной из построек. Ремесленная деятельность населения представлена исключительно обработкой дерева, занятием совершенно естественным и жизненно необходимым в данном районе. Принимая во внимание ограниченный характер хозяйственной деятельности, можно отметить, что основные хозяйственные слагаемые селищ в отдельных юго-восточных районах соответствуют тому типу экономики, который был распространен в целом на древнерусско-половецком пограничье в

лесостепном Подонье в XII – нач. XIII вв. и рассмотрен нами на примере свидетельств трудовой производственной деятельности жителей укрепленных поселений.

О связях населения селищ свидетельствуют найденные на них традиционные древнерусские вещи, изготовленные в городских ремесленных мастерских Древней Руси, хотя, судя по количеству, объем их весьма невелик и не всегда явственно выглядит направление. Безусловно, интересный материал для установления связей населения, уточнения датировки, выяснения этнической принадлежности представляет керамическая коллекция. Типология керамики древнерусских селищ Подонья разработана на основе керамической коллекции, происходящей с Шиловского поселения и представленной фрагментами от 1100 горшков (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 21-25). Серия керамики отражает два хронологических периода в рамках XII - XV вв. – до и после монгольского нашествия. Интересующая нас домонгольская керамика имеет достаточно широкие аналогии на памятниках Среднего Поднепровья, в земле вятичей. Галицкой земле. Особо выделяется второй тип горшков (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 22, рис. 9), который можно охарактеризовать как общерусский вариант оформления венчика в XII – первой половине XIII вв. Несколько необычен сосуд, происходящий из заполнения одной из построек. Он имеет пифосообразную форму с узким горлом, шаровидным туловом и двумя ручками – ушками. В древнерусском материале подобный сосуд известен на городище Гневне в Рязанской области (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987, с. 26; Мальм, Фехнер, 1974, с. 204, рис. **9**). Обращает на себя внимание тот факт, что подобной формы пифосы с ручками-ушками выявлены на памятниках салтово-маяцкой культуры. Заметим, что аналогичные параллели обозначены и для некоторых форм горшков, происходящих из культурного слоя городища Холки, и, в связи с этим, речь идет о наследовании традиций алано-болгарского населения.

Примечательна также находка древнерусского горшка из строительного комплекса на дюне «Терешковский вал». Сосуд, выполненный в древнерусских традициях, имеет несколько необычные элементы орнаментации: гребенчатые

оттиски и зональное расположение рисунка. По мнению исследователя памятника А.Т. Синюк это «может рассматриваться в качестве отголосков гончарных традиций более древнего алано-болгарского населения донской территории» (Синюк, 1993, с. 85).

Погребения домонгольского времени исследованы на Шиловском поселении. Одно из них совершено в могильной яме размерами 1,4 х 2,85 м, глубиной в материке до 0,4 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Покойник положен на спине головой на северо-запад, кости ног перекрещены, руки вытянуты вдоль туловища. Второе погребение совершено в могильной яме размерами 0,84 х 1,68 м углубленной в материк на 0,14 м. Покойник лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища и несколько согнуты в локтях. Вблизи черепа в основании могильной ямы найден византийский стеклянный браслет. По изученным погребениям прослеживается некоторая неустойчивость погребального обряда древнерусского населения отдаленных районов.

Анализ материалов с сельских поселений территории Лесостепного Подонья позволил утверждать, что они функционировали в XII – первой половине XIII вв. Верхняя дата 1237 – 1238 гг. не вызывает сомнений. Учитывая некоторую проблематичность в выделении нижней даты, можно предположить, что речь идет скорее о второй половине XII в. Именно с этим временем исследователи связывают освоение древнерусским населением бассейна Верхнего и Среднего Дона. Особенно показательны в этом плане исследования городища Семилуки, определившие узкую датировку памятника с конца XII до первой половины XIII вв. (Пряхин, Цыбин, 1996, с. 41). Территория района Куликова поля также начала активно заселяться с конца XII в. (Гоняный, 1993, с. 75). Поэтому наиболее вероятным представляется то, что селища пограничной территории синхронны укрепленным поселениям, определявшим границы Древней Руси на юго-востоке, и имеют одну фазу заселения. Кратковременные сельские поселения «контактной зоны» находились в не связи с укрепленными поселениями, а также друг с другом. Совершенно иначе выглядит процесс развития

неукрепленных поселений в южнорусских княжествах. Они всегда располагались компактными группами и часто тяготели к городищам-убежищам (Куза, 1985, с. 100-102). Вместе с обособленностью селищ лесостепного Подонья необходимо отметить, что их возникновению, а, соответственно, и продвижению древнерусской культуры в половецкую глубинку, в значительной степени способствовало устройство опорных пунктов на пограничье.

Особенности материальной культуры окраинного населения обнаруживают себя в материалах сельских поселений. Среди них необходимо отметить следующие:

1. Для селищ характерно отсутствие типичных для Древней Руси жилых построек с печами, единственным типом отопительных сооружений здесь являются очаги.

2. Незначительное количество жилых построек (об этом свидетельствует почти полностью раскопанное Шиловское поселение), а, следовательно, и исключительно малое число жителей и малые размеры поселений.

3. Отсутствие какого-либо местного ремесленного производства.

Необходимо подчеркнуть, что основной инвентарь, встреченный на этих памятниках, безусловно древнерусский не только в хронологическом плане, но и в этническом. Но особенности отопительных сооружений почти во всех изученных жилищах дают возможность предположить наличие на этих поселениях неславянских традиций в домостроительстве. Эти поселения представляются оторванными от основной древнерусской территории, с весьма ограниченными экономическими и политическими связями с ней.

Существует мнение, что эти памятники оставлены бродниками (Цыбин, 1987, с. 17; Винников, 1991 с. 33). В исторической литературе с конца XIX в. высказывалась мысль о том, что население окраинных территорий могли составлять также половцы, захваченные в качестве пленников и потерявшие связи со своими вежами. Среди степняков «были и такие, которые сами добровольно обращались в оседлое состояние и поселялись в Руси» (Затыркевич, 1874, с. 145-147).

Аналогичные памятники известны и в степном Поднепровье (Смиленко, 1975, с. 190-191). Они также имеют характер открытых неукрепленных поселений, для которых характерны полуземляночные жилища с открытыми очагами. Материал этих поселений – обычный древнерусский. Относительно поселений степного Поднепровья А.Т. Смиленко отметила, что они также, как и донские, оставлены бродниками, появление которых здесь можно объяснить условиями социального развития Древнерусского государства и политическими событиями того времени. С.А. Плетнева считает невозможным соотнесение памятников степного Поднепровья с русским населением и высказывается за смешанный бродническо-половецкий состав жителей поселений (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 221.).

Вопросу о бродниках посвящена довольно обширная литература, отчасти рассмотренная в I главе настоящей работы. Летописные упоминания о бродниках позволяют говорить о какой-то значительной группе населения, довольно организованной, принимавшей активное участие в политических и военных событиях в XII - XIII вв. В 1216 году в междоусобной войне бродники выступили на стороне князя Владимиро-Суздальской земли Ярослава против великого князя Мстислава (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1872, с. 469, 472). А в 1223 году на берегу Калки используя уже доверительные отношения князя Мстислава к бродникам, воевода их Плоскиня «солгав окаянный предаст… связав Татаром, а город взяша, а люди посекоша» (Летопись по Лавреньевскому списку, 1872, с. 482). Подобная изменчивость в политической ориентации очень характерна для половцев и неоднократно отмечалась не только в русских летописях, но и в византийских источниках. В «Алексиаде» Анны Комниной среди характеристик, которыми обладают куманы обозначены: «податливость их нрава», «коварный нрав этих людей» и возможность в любое время того, что они «из союзников… превратятся во врагов…» (Анна Комнина. Алексиада, 1996, с. 215, 233). Поэтому, учитывая известную манеру поведения, бродники вероятно являлись отчасти половецкого происхождения. М.И. Артамонов считает, что бродники, принявшие участие в событиях на Калке, – это русско-половецкое

население, обитавшее в низовьях Дона после разгрома половцами Белой Вежи (Артамонов, 1958, с. 84). С.А. Плетнева отмечает, что к началу XIII века «...бродники в основной массе слились с половцами» (Плетнева, 1990, с. 93). По-видимому, это действительно так, поскольку на изученных бродниче ских памятниках ярко прослеживается кочевнический компонент.

Наличие в материалах селищ лесостепного Подонья XI - XIII вв. черт салтово-маяцкой культуры свидетельствует о том, что часть алано-болгарского населения осталась в районе прежнего обитания, и это подтверждает мнение С.А. Плетневой о том, что одна из многочисленных групп алано-болгар вошла в состав населения древнерусского государства, другая – влилась в половецкую этническую общность (Плетнева, 1990, с. 37-38). Это алано-болгарское население в бассейне Среднего Дона известно из летописей под названием «ясы» и представляет собой осевших кочевников-христиан (ПСРЛ, т. II, стб. 284), умевших ладить и с русскими, и с половцами. Из сказанного выше следует, что третьим компонентом «сбродного» населения окраин помимо русских и половцев были потомки алано-болгар. Вполне вероятно, что известное обозначение «бродники» - собирательное название и на юго-восточных территориях включает в себя три этнических компонента – русский, половецкий и алано-болгарский. Население другой, удаленной от общего массива древнерусского населения, области нижнего Подунавья – берладники имеют во многом сходные с бродниками черты и представлены собой также этнически неоднородное объединение (Котляр, 1996).

Таким образом, учитывая комплекс археологического материала, связанного с бродниками, следует различать как бы две группы населения: 1) монолитную, компактную, значительную по численности группу населения, первоначально обитавшую в древнерусских городах (Белая Вежа) и их округе, подвергшихся разгрому кочевниками и находившихся под определенным их влиянием, в зависимости от них и, вероятно, на службе; 2) отдельные немногочисленные рассеянные по степи группы, жившие в небольших поселках, практически оторванные от древнерусской территории и потерявшие с ней прочную

связь. В культуре этого населения довольно явственно проявляются разноэтничные элементы, что позволяет предположить наличие на этих поселках неоднородного состава населения.

II. 3. Половецкие памятники

Для определения характера Пограничья, рассмотрения вопросов русско-половецких взаимоотношений в лесостепном Подонье немаловажное значение имеет установление северо-западных пределов Половецкой земли, соответствующих данному региону. На основе данных письменных источников и картографирования половецких статуй определены границы собственно Половецкой земли. К середине XII века с севера она была ограничена «междуречьем рек Сулы и Орели, на востоке – междуречьем Дона и Волги, на юге – северокавказскими, крымскими и приазовскими степями, на западе – р. Ингульцом» (Плетнева, 1975, с. 275, 276, рис. 3).

Необходимо учитывать, что границы половецких кочевий отличались крайней неустойчивостью и менялись на протяжении нескольких этапов исторического развития половцев с середины XI в. до первой трети XIII в. (Плетнева, 1975, с. 267 - 275).

На основании ряда письменных источников и результатов картографирования разновременных половецких изваяний прояснилась общая картина расселения степных кочевников. В Подонье, согласно письменным сообщениям, К.В. Кудряшов выделяет два половецких центра XII в.: 1) донецкие половцы, которые размещались между Северским Донцом и Тором; 2) донские половцы, кочевья которых располагались в бассейне Дона (Кудряшов, 1948, с. 134). С.А. Плетнева рассматривает историю «донских половцев» в целом, как одного объединения Шаруканидов, находящегося «в самом центре Половецкой земли – в бассейне среднего течения Северского Донца, который русскими летописцами неоднократно называется Доном или даже «Доном Великим» (Плетнева, 1985, с. 253). Здесь, в Донецком бассейне, на основании изучения половецких изваяний

ний С.А. Плетневой локализованы места самых ранних половецких кочевий – середины - конца XI века (Плетнева, 1985, с. 253, 256, карта), находившихся на второй стадии кочевания, характеризовавшейся ограничением территорий объединений и четким определением границ (Плетнева, 1981, с. 56 - 57). Территория Донского Левобережья, большая часть Правобережья оставались половецкой глубинкой (Плетнева, 1975, с. 267 - 269).

Для установления русско-половецкого пограничья в бассейне Северского Донца к началу XII века необходимо обозначить места важнейших половецких кочевий донских половцев, располагавшихся в центре Половецкой земли (Плетнева, 1985, с. 253). В этом отношении важное значение имеет локализация половецких городов начала XII в.

В летописи под 1111 и 1116 гг. содержатся сведения о половецких городах бассейна Северского Донца. Здесь были расположены Шарукань, Сугров, Балин (ПСРЛ; т. II, стб. 276, 284). Определение местонахождений их крайне противоречиво и в настоящее время не считается доказанным. Варианты К.В. Кудряшова основаны на расчете времени и расстояния известного похода 1111 года, а также на основе археологических данных. Исследователь размещает города по правому берегу Северского Донца в районе впадения в него Тора, где известны три городища, соотносимые, по его мнению, с летописными населенными пунктами: близ села Богородичного – Теплинское – Шарукан; близ с. Сидоров – Сидоровское – Сугров; близ с. Маяки – Маяцкое городище – Балин (Кудряшов, 1948, с. 119 - 121). С.А. Плетнева считает, что исследователь «... ошибочно определяет расположение городков на местах известных «салтовских» городищ VIII - IX вв., находящихся ниже Изюма, и поэтому весь поход [1111 г.] искусственно удлинен им на юго-восток» (Плетнева, 1985, с. 260). Предлагая свой вариант локализации городков, С.А. Плетнева обращается к территории, расположенной значительно выше по течению Северского Донца и непосредственно примыкающей к русскому пограничью, а в качестве местонахождения одного из летописных городов предлагает рассматривать городище у с. Гайдары (Степи Евразии в эпоху Средневековья, 1981, с. 221). Ранее Б.А. Ры-

баков на основании описаний Идриси связал Донецкое городище с Шарукан-
ва (23, 13), наременный железный наконечник, украшенный аппликацией (23,
а Сугров с Кабановым городищем близ устья р. Уды (другой вариант – Мохна-
чевское городище на Донце. (Рыбаков, 1952, с. 24, 25).

Следует признать, что ни один из предложенных вариантов локализации летописных городов не является обоснованным. Донецкое городище представлено в исторической литературе как древнерусский город и не связано с летописными сообщениями 1111 и 1116 гг. Несмотря на то, что в литературе упрочилось мнение о том, что местонахождение «градов» следует искать вблизи русского Порубежья или на самой границе (в качестве предполагаемых городов перечислены практически все известные городища с материалами XII - XIII вв. в лесостепной зоне бассейна Северского Донца), нельзя исключать возможности расположения городов Шарукань, Сугров и Балин в районе устья р. Казенный Торец (р. Тор). Картографирование половецких статуй показало, что наибольшее их число на территории донских кочевий распространено в райне р. Тор (Плетнева, 1974, с. 22). Интересно, что одним из вариантов прочтения названия города «Шарукань» является созвучное с рекой имя – «Торукань» (Рыбаков, 1952, с. 24). Кроме того, согласно летописному рассказу речь идет именно о глубоком рейде в степь, после Ворсклы «преидоша многи реки», весь путь до района городков занял около четырех недель, а после известных событий – взятия городов, русские полки «поидоша с Дона», и, двигаясь уже в обратном направлении «на реце Салнице» сразились с половцами и одержали победу (Летопись по Ипатьевскому списку. 1871, с. 192, 193). Местонахождение реки Сальница в районе современного города Изюма не вызывает сомнений у большинства исследователей.

Таким образом, в вопросах локализации летописных городков и зимовищ половцев, учитывая кочевнические традиции в материальной культуре, следует видимо обратить внимание не только на городища с фортификационными сооружениями, но и на малоизученные неукрепленные поселения с незначительным культурным слоем на территории между устьем р. Казенный торец и г. Изюм Донецкой области. Не оспаривая расположения отдельных зимовищ по-

ловцев в районе, непосредственно примыкающем к русской границе, следует отметить, что важнейшие донские кочевья половцев в конце XI – начале XII вв. как и сто лет спустя находились глубже в степи, в среднем течении р. Северский Донец и на десятки километров были удалены от пределов Руси.

Начиная со второго этапа истории половцев – середины XII века можно говорить об относительно устойчивых границах, связанных с обретением половцами «своей земли». Господствующим видом политического образования к этому времени стала большая орда. До 60 – 70-х гг. XII в степях не известны сколько-нибудь крупные политические союзы, из летописей известны отдельные орды (Плетнева, 1975, с. 277). К середине XII века известны названия и географическое размещение орд, предложенное С.А. Плетневой. Территория бассейна Среднего Северского Донца, включая Поосколье, была занята ордами Отперлюеве и Токсобичи и граничила с Переяславской и Черниговской землей. Доно-Хоперское междуречье было заселено представителями орды Ельтукове и соседствовало с Рязанским княжеством (Плетнева, 1985, с. 267, карта-схема). В непосредственной близости к русскому пограничью расположилась одна из группировок «диких половцев», состоящая «... из семей и родов, вышедших из различных орд», занимала земли в районе степного Подонья – между Осколом и Доном, а также непосредственно на Дону (Плетнева, 1990, с. 90). Судя по летописным известиям политически группировка была связана с князьями Черниговского княжества – Ольговичами.

Для представления о внешней северной границе половецких кочевий необходим учет данных о распространении половецких изваяний на территории лесостепного Подонья. На основе детального картографирования статуй в общих чертах намечены пределы Половецкой земли в рассматриваемом регионе во второй половине XII – первой трети XIII вв.: «... на правобережье Дона [она] проходила от среднего течения р. Оскол к р. Дон несколько южнее Тихой Сосны... На левобережье Среднего Дона... половцы освоили степное междуречье Битюга и Савалы, степные участки Прихоперья» (Цыбин, 1993, с. 122).

Характер стабильного освоения территории между Осколом и Доном на

протяжении XII - XIII вв. прослеживается на примере распространения статуй III и V типа определенных М.В. Цыбиным в соответствии с классификацией С.А. Плетневой, датируемых XII веком, а также статуй VII типа, распространенных в XIII веке (Цыбин, 1993, с. 122). В Доно-Хоперском междуречье известны в основном статуи VII типа, размещение которых на карте (рис. 1) свидетельствует о том, что этот район был местом устойчивых кочевий половцев в XIII веке. Однако летописные свидетельства указывают на то, что этот район был прочно освоен в XII веке (Цыбин, 1999, с. 130 - 134). Значительный интерес в этом отношении представляют известные курганные могильники: у с. Лесное Балашовского района Саратовской области и близ с. Третьяковки Борисоглебского района Воронежской области. На обозначенном пространстве левобережья Дона, по мнению М.В. Цыбина «... были расположены ... постоянные кочевья, летние и зимние поселения. Не исключено, что в хозяйственном отношении половцы могли осваивать остепненные районы воронежско-цнинского междуречья» (Цыбин, 1999, с. 135, с. 136, карта). Установление характера и времени освоения левобережной территории Дона возможно на основе комплексного изучения археологических и письменных источников.

Особую значимость для установления северо-западных пределов половецкой земли представляет локализация пограничного участка в районе течения р. Северский Донец. На основе картографирования статуй С.А. Плетнева выделила участки Донецкого бассейна, отличающиеся большой плотностью и объединила их в четыре группы: 1) берега правого притока р. Северский Донец – р. Тор; 2) территория напротив устья Оскола и выше по Донцу; 3) по левым притокам Северского Донца – р. Красная и р. Жеребец; 4) низовья Айдара. Таким образом, крайняя северная крупная группировка находилась в устье Оскола и на берегах правого притока Северского Донца – р. Уды. «Степи севернее и восточнее их, в которых также попадаются статуи, но значительно реже, были, возможно, их летними кочевьями» (Плетнева. 1974, с. 22, с. 16, карта).

Дополнительную возможность для конкретизации месторасположения половецких кочевий дает более детальное картографирование статуй и могильни-

ков. Размещение половецких памятников на всей территории бассейна Северского Донца позволяет проследить некоторую неравномерность кочевнического расселения, что можно объяснить очевидным различием природных условий лесостепного и степного пространства.

Большая плотность памятников наблюдается в секторе, соответствующем степной природной зоне и включает территории правых притоков Северского Донца в среднем его течении – р. Казенный Торец, р. Сухой Торец и район современного канала Днепр – Донбасс (рис. **1**). Немногочисленными группами памятников представлены отдельные районы половецкого освоения на лесостепном пространстве: на берегах правого притока р. Северский Донец – р. Уда и левых притоков – р. Волчья, Хотомля, Великий Бурлук. Необходимо также отметить, что в районе течения р. Оскол выше средней его части половецкие памятники неизвестны.

Размещение на карте (рис. **1**) половецких каменных изваяний и могильников в бассейне Северского Донца позволяет обозначить северные пределы Половецкой земли следующим образом.

Начиная от самых крайних северо-западных рубежей половецких кочевий, соотносимых с приднепровским объединением в верховьях р. Орель (Плетнева, 1974, с. 20), граница направляется к среднему течению р. Северский Донец к месту впадения левого притока – р. Ср. Балаклейка (Булуклея – КБЧ, 1950, с. 67), очерчивая область высокой концентрации половецких памятников в районе рек Казенный Торец (р. Тор – КБЧ, 1950, с. 68, 75), Сухой Торец (р. Торец – КБЧ, 1950, с. 64, 75), районе канала Днепр – Донбасс (р. Бритай). Далее она следует в северо-восточном направлении по руслу левого притока Донца – р. Великий Бурлук (р. Бурлук – КБЧ, 1950, с. 67. 71), которая очевидно выполняла роль природного рубежа, затем пограничная линия поворачивает на север и, отрезая истоки р. Хотомля и р. Волчья, доходит до среднего течения р. Оскол в районе современного районного цента Волоконовка Белгородской области. (рис. **1**).

На обозначенной территории, соответствующей донецким половецким ко-

чевьям, отмечены статуи, представляющие разные ступени развития каменной скульптуры от ранних XI века до поздних начала XIII века. Это подтверждает мнение С.А. Плетневой о том, что среднее течение Северского Донца являлось устойчивой половецкой территорией в домонгольский период (Плетнева, 1974, с. 13, 22). Локализации окраинных веж донских половцев в районе среднего течения р. Оскол способствует установление местонахождения статуй и соотнесение их с типами изваяний.

Особый интерес в этом плане представляет не известная ранее статуя из с. Покровка (Волоконовский район, Белгородская область) (рис. **30**, 1). Она изготовлена из светло-серого плотного песчаника и изображает стоящего воина. Отчетливо вырисовывается полусферический, гладкий шлем, слегка удлиненный в области уха. Прослеживается способ переплетения ремней за плечи, проходящих под мышками, имеющих в месте крепления круглые бляхи. Бляхи дополнены ремешками, идущими вниз. От талии к низу подола отходят расправленные концы пояса. У живота изображен сосуд цилиндрической формы с выделенным в виде валика донцем. Силуэт статуи – слегка приземистый с плохо выраженной шеей и линией плеч на уровне подбородка, соотносится с абрисом типа II (Плетнева, 1974. С. 55, рис. **26**, 2). Овал лица – круглый с большими щеками и мощным подбородком, черты лица (усы, брови, глаза) угадываются с трудом. Описанные изобразительные приемы соответствуют статуям III типа, датируемым XII веком (Плетнева, 1974, с. 61, 70).

Статуя из с. Покровка, а также другие зафиксированные в этом районе изваяния свидетельствуют об освоении половцами в предмонгольский период территории Поосколья до среднего течения реки.

Картографирование статуй дает также некоторые сведения о характере и времени расселения отдельных групп половцев на некоторых участках харьковского течения р. Северский Донец, т. е. за пределами условно обозначенной границы (рис. **1**). Несколько статуй III типа известно на р. Мжа – правом притоке Донца, причем по типологии ряда деталей они аналогичны скульптурам конца XII века (Плетнева, 1974, с. 94, № 762, 763, 765, 766). Найдены изваяния

также севернее, в правобережье Северского Донца – р. Уды, р. Лопань и северо-западнее – на р. Мерла (приток р. Ворскла). Самые крайние местонахождения статуй обозначены вблизи устья р. Волчья в с. Плетеневка (Волчанский район, Харьковская область).

Одна из них не известная ранее представляет собой круглую объемную скульптуру из темно-серого плотного песчаника (рис. **30**, 2). Статуя воспроизводит облик сидящего мужчины с сосудом в руках. Шлем – полусферический с обручем-валиком по краю и меридиональными полосами. Широкие ремни переплетены так, что заходят за плечи и подмышки, имеют круглые бляхи с отходящими вниз короткими ремешками. Спина – плоская с изображением трех кос, соединяющихся в одну в верхней части спины и, наличие которых, связано с периодом развитой скульптуры. Признаком позднего возраста статуи является также отсутствие черт лица, несовместимых с традициями мусульманства, проникавшего в отдаленные районы половецких кочевий к концу XII века (Плетнева, 1974, с. 63). В целом, по исполнению ряда деталей, статуя относится к V типу и датируется концом XII – началом XIII веков (Плетнева, 1974, с. 61).

Таким образом, отдельные группы статуй и единичные экземпляры, известные за пределами обозначенных северо-западных границ половецкой земли связаны, видимо, с особенностями кочевания половцев в летний период. Принимая во внимание летописные сообщения относительно особой степной политики русских князей, не исключена возможность сосуществования и одновременного хозяйственного использования рассматриваемой территории Донецкого бассейна.

Наряду с социально-исторической интерпретацией, картографирование древнерусских и кочевнических памятников в бассейне Среднего и Верхнего Дона и позволяет обозначить ряд выводов, связанных с процессом исторического развития периферийных земель и особенностями пограничной зоны на юго-востоке Древнерусского государства накануне монголо-татарского нашествия.

Во-первых, пограничная линия в рассматриваемом регионе определена в

соответствии с локализацией известных городищ, сравнительная характеристика и географическое расположение которых, позволяет говорить о некоторых территориальных различиях в характере освоения земель, связанных видимо с разными направлениями миграционного процесса. Государственная колонизация окраинной территории опиралась в первую очередь на укрепленные поселения, которые следует рассматривать как опорные центры процесса освоения, некоторые из них находились на пути превращения в город.

Во-вторых, историко-географические факторы способствовали превращению территории, расположенной между устойчивыми районами половецких кочевий и цепью пограничных городищ, в контактную зону, что и определило характер жизни и разноэтничный состав населения известных здесь небольших селищ, связанных с летописными бродниками.

В-третьих, непосредственная близость древнерусских укрепленных поселений к кочевому миру половецкой степи явилась одним из определяющих факторов исторического развития порубежных земель. Локальное своеобразие различных групп половецкого населения бассейна Среднего Дона, а также значительная удаленность пограничных городищ от центров княжеств, к которым они принадлежали, обусловили существование разных вариантов русско-половецких взаимоотношений, конкретные проявления которых будут рассмотрены в III главе.

ГЛАВА III

ДРЕВНЕРУССКО-ПОЛОВЕЦКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВВ

Для создания общеисторической картины развития порубежных княжеств Руси в домонгольское время, а еще более для рассмотрения в этот период истории населения лесостепного Подонья, существенно важным является глубокое уяснение характера древнерусско-половецих взаимоотношений непосредственно на пограничной территории. Разнообразные и далеко не однозначные двусторонние связи половцев и древнерусского населения во многом обозначили направления этнокультурного и социального развития Порубежья не только в домонгольский период, связанный с процессами обособления отдельных княжеств, но и в последующий период, характеризующийся формированием централизованного государства (Каргалов, 1967, с. 59-60; Кизилов, 1984, с. 79-84).

В окраинном Донском регионе, представленном древнерусскими поселениями и кочевническими памятниками, появляется уникальная возможность проследить взаимовлияние и взаимообогащение материальной культуры половцев и русских и, таким образом, отразить некоторые аспекты двусторонних контактов: возможные торговые связи и межэтнические контакты. Безусловно, вопросы участия половцев в исторических судьбах окраинного пограничного населения Древней Руси значительно шире и нуждаются в дальнейшей разработке на базе комплексного подхода, привлечения не только археологического материла, но и письменных источников. Поэтому для характеристики древнерусско-половецких взаимоотношений в лесостепной зоне Подонья значительный интерес представляют летописные сообщения, а также литературные произведения, связанные с обозначенной темой, обзор которых осуществлен в I-ой главе.

Периодизация истории половцев после освоения ими восточноевропейских

степей во многом совпадает с особенностями русско-половецких взаимоотношений, поэтому представляется возможным соотносить фазы взаимоотношений на пограничье в Подонье с отдельными периодами внутреннего развития половцев. Исследователями выделено четыре периода. Первый – середина XI – начало XII в., второй – 20 – 60-е годы XII в., третий – вторая половина XII в., четвертый - конец XII – первые десятилетия XIII в. (Плетнева, 1975, с. 265 - 266). Возникновение большинства древнерусских укрепленных поселений на донском пограничье и открытых поселений в «контактной зоне» совпало по времени с третьим и четвертым периодами половецкой истории – вторая половина XII – первые десятилетия XIII века, характеризующимися в целом усилением противостояния в третий период и некоторым улучшением русско-половецких отношений в четвертый период.

На всем протяжении русско-половецкого пограничья в бассейне Дона половецкие орды находились в непосредственной близости к населению окраинных районов юго-восточных княжеств – Переяславского, Чернигово-Северского и Рязанского. Необходимо также учитывать, что по отношению к рубежам княжеств второй половины XII – нач. XIII вв. понятие «границы» также относительно и неустойчиво, как и к Половецкой земле. В пределах рассматриваемого региона участок пограничья в бассейне Северского Донца с учетом слабого подчинения его княжеской власти отнесен к территории Переяславского княжества (Кучера, 1975, с. 124). Здесь известны такие памятники как Донецкое городище, Хорошевское городище, городища Гайдары, Мохнач, Крапивное, Холки. По мнению А.К. Зайцева, эта территория (курско-харьковский участок лесостепи) наряду с Курским Посемьем переходила то к Чернигову, то к Переяславлю (Зайцев, 1975, с. 89-91). А.Г. Дьяченко связывает известные «укрепленные грады» с начала XII в. с Курским уделом Черниговского княжества (Дьяченко, 1983, с. 13).

От укрепленного поселения Холки на р. Оскол, далее на северо-восток находились южные пределы Рязанского княжества. Здесь пограничными являлись Семилукское городище на р. Дон, Животинное городище на р. Воронеж (Вин-

ников, 1991, с. 33; Цыбин, 1993, с. 121; Даркевич, Борисевич, 1995, с. 438). С учетом углубления процесса раздробленности в Черниговской и Рязанской землях на юго-востоке Руси в конце XII века «начинают отчетливо вырисовываться собственно Черниговское, Новгород-Северское, Курское, Стародубское, Вщижское, Муромское, Рязанское, Елецкое княжества. Иногда владетели этих княжеств проводят самостоятельную политику и не подчиняются никому...» (Рапов, 1977, с. 115). Половецкая степь также оказалась разделенной на сферы влияния, среди которых донское объединение половцев тяготело к Чернигову и Рязани (Пашуто, 1968, с. 205).

Население пограничных со степью княжеств в Донском регионе во второй половине XII – первой трети XIII вв. стало участником многих исторических процессов, связанных с близостью к половецкой степи. Поскольку не существовало единого половецкого государства и весьма условно обозначены границы княжеских владений, то конечно русско-половецкие отношения были в первую очередь между народами, а не между государствами. «Это были отношения двух разных миров с абсолютно разными хозяйственными укладами, с контрастными природными условиями» (Егоров, 1994, с. 185). Поэтому можно высказаться против какой-либо единой схемы взаимоотношений на всех участках границы в лесостепном Подонье. По всей видимости существовали разные варианты взаимоотношений, зависящие от ряда факторов: географического положения, уровня экономического развития земель и соответственно места в политической истории Руси.

Трудно определить степень участия населения юго-восточной окраины в разнообразных военно-политических контактах с половецким миром. Летописи на этот счет не дают сколько-нибудь содержательной информации и сообщают о действиях черниговских или рязанских князей обобщенно. В соответствии с тесными связями рассматриваемых пограничных территорий с Черниговским и Рязанским княжествами, взаимоотношения на пограничье следует рассматривать с учетом внешнеполитических доктрин, присущих пограничным княжествам.

Отношения в Порубежье на протяжении XII - XIII веков принимали разные формы, их можно разделить на военно-политические, торгово-меновые и культурные. Контакты в разных сферах жизни выглядели по-разному, но основополагающим было то обстоятельство, что Древняя Русь являлась более прочным по сравнению с Половецкой землей государственным и экономическим образованием и «как представитель боле высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики» (Плетнева, 1958, с. 226). В соответствии с принадлежностью Руси и кочевников к разным природным зонам и очевидными различиями в системе хозяйств господствовал главный принцип взаимоотношений, который «состоял в полном отказе от территориальных захватов друг у друга» (Егоров, 1994, с. 201). Оценивая роль русско-половецких взаимоотношений в историческом развитии окраинных земель Черниговского княжества, следует также учитывать, что особенная черниговская «степная политика» была обусловлена рядом факторов: 1) географическим расположением земель северских князей в непосредственной близости к степным пространствам; 2) обострением политического соперничества земель Руси в XII – нач. XIII вв., усилением тенденции династии Ольговичей к обособлению (Толочко, 1987, с. 144) и поисками дополнительной поддержки со стороны степей; 3) существованием традиционных связей Чернигова с Тмутараканью, Кавказом (Рыбаков, 1993, с. 476) и соответственно наличием знания и опыта в деле налаживания отношений с кочевниками; 4) взаимовыгодным пользованием транзитными путями через половецкие и черниговские земли (Ляскоронский, 1913, с. 281; Якубовский, 1950, с. 28-29); 5) родственными связями князей, укрепившимися с начала XII века (Рыбаков, 1993, с. 502). Не следует идеализировать взаимоотношения и также нельзя сказать, что границы были открыты, и у северских князей не существовало своей оборонительной концепции по охране юго-восточного лесостепного пограничья. Здесь, в окраинных районах осуществлялись определенные меры по созданию обороны, но они имели другие, по сравнению с южной Русью формы и являлись продолжением степной политики

Чернигова, во многом отличной от юга.

Так, располагая значительными возможностями, киевские князья принимали ряд мер для того, чтобы обезопасить свои земли от набегов половцев. Они заключались в охране границ «с помощью заслона из посаженных в крепостях Поросья кочевников-союзников и выведения на границу со степью русских сторожевых отрядов; организации далеких походов в глубь степей для разгрома половецких веж» (Раппопорт, 1967, с. 17). В среднеднепровском массиве при достаточно высокой плотности населения была возможна и хорошо организованная защита с помощью строительства крепостей, составляющих взаимосвязанные линии с четко отлаженной системой оповещения. Археологическими свидетельствами этому являются городища на юге Киевской Руси, принадлежащие Посульской, Поросской и Днепровской линиям (Довженок, 1968, с. 37-45).

В связи с окраинным положением юго-восточной земли, где этническая и государственная граница не была стабильной, что было обусловлено непосредственной близостью «поля», изменяется тактика обороны. Удержание данной территории, ее колонизация возможны были с помощью опорных центров на пограничной территории, оборонительные задачи которых ограничивались наблюдением, оказанием помощи во время русских рейдов вглубь степи и укрытием населения в опасные периоды. Распространению княжеской власти и удержанию в сфере влияния этих окраинных земель способствовали разносторонние, компромиссные отношения. Изменения в организации обороны юго-восточной окраины Древней Руси, проявления особой концепции охраны подтверждаются археологическим изучением городищ на пограничье в Подонье. Среди постоянных археологических характеристик, отражающих социально-экономические особенности пограничных поселений выделяются следующие.

1. Опорные пункты известны, как правило, в малозаселенных районах и устроены с учетом ландшафтных условий, в первую очередь наличием обширных лесных пространств (как укрытий) и близостью дорог.
2. Местонахождение опорных пуктов, расстояние между ними вряд ли по-

зволяет говорить о линии по примеру среднеднепровского региона. Скорее всего, они лишь условно очерчивают юго-восточную границу. Вряд ли возможно было существование связанных звеньев Донецкой оборонительной линии, описанной А.Г. Дьяченко. (Дьяченко, 1983, с. 14). Термин «линия» по отношению к памятникам юго-восточного пограничья можно употреблять лишь условно.

3. Наличие мощных укреплений, видимо, не являлось необходимым для выполнения функций опорного пункта. Например, городище Холки, город Донец, безусловно, имели надежные оборонительные сооружения. Другие городища выполняли подобные функции в силу своего географического положения на границе со степью.
4. Для материальной культуры характерно сочетание общерусских и некоторых кочевнических черт, связанных с активными контактами населения как с древнерусскими княжествами, так и с Половецкой землей.
5. Об особом статусе пограничных пунктов свидетельствуют предметы не сельского типа: привозные, импортные, особо ценные.
6. Военная ориентация поселений лесостепного Подонья, прослеживающаяся на археологических материалах, не являлась преобладающией. Обязанности жителей подобных поселений ограничивались, видимо, оказанием помощи русским князьям во время их походов против половцев и наблюдением за обстановкой на лесостепном пространстве (вспомогательная функция).
7. Зафиксированные особенности археологического материала позволяют говорить об основных направлениях притока населения в данный регион: из ближайшего восточного района Черниговской земли, с территории бассейна Оки. Немногочисленным местным населением юго-восточной окраины Руси являлись потомки алано-болгар.
8. Сложившаяся в этих окраинных районах система хозяйства была направлена на удовлетворение потребностей в продуктах питания главным образом местного населения и отчасти связана с торгово-

меновыми операциями.

Обрисованные опорные пункты, составлявшие систему «береженья границ» на юго-востоке принципиально отличались от укрепленных поселений глубоко эшелонированной обороны юга Руси, задачей которой было не допустить продвижения половцев вглубь русских территорий. Крепости Поднепровья располагались по берегам рек, являвшихся природными рубежами и составляли развитые системы пограничной обороны. Расстояние между крепостями по стратегически важных участках обороны составляло от 20 до 30 км. Несмотря на то, что достоверные письменные сообщения о намеренном создании ряда крепостей отсутствуют, выдержанное расстояние и местонахождение их близ важнейших торговых путей и речных переправ (Раппопорт, 1967, с. 175) свидетельствуют о том, что большинство крепостей строили специально, по заранее составленному плану. Как правило, крепости, имеющие решающее значение в линии обороны, такие как Воинь, Треполь, Витачев, являлись одновременно феодальными замками, центрами ремесла и торговли (Довженок, 1968, с. 41). Укрепленные пункты имели исключительно мощные оборонительные укрепления, где в конструкции вала есть клети хозяйственного и одновременно жилого характера (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 142).

В качестве защиты, так называемого «заслона» князья пограничных княжеств использовали группировки кочевников, локализовавшихся поблизости. Киевские князья широко пользовались услугами Черных клобуков в борьбе против половцев, начиная с середины XI в. (Плетнева, 1973, с. 24), черниговские князья с середины XII завязали особые отношения с «дикими половцами» - остатками разбитых в 1116 г. орд и не связанных кровнородственными узами (Рыбаков, 1952, с. 44).

Отношения русских князей со степняками на всем русском пограничье складывались по-разному. Судя по географии происходящих в течение второй половины XII века событий, о которых сообщает летопись, существовало две группировки «диких половцев» в разных регионах Порубежья: восточная – в Донском регионе и западная в междуречье верховий Буга и Днестра (Плетнева,

1990, с. 90 - 92). Интересующая нас восточная группировка «диких половцев», по предположению исследователей, занимала земли в степном Подонье («между Осколом и Доном или на самом Дону») (Плетнева, 1990, с. 90). Первый вариант локализации половецких союзников Ольговичей на территории между Осколом и Доном является более приемлемым, так как основной район действий русских князей и «диких половцев», в соответствии с летописными сообщениями связан с Доно-Оскольским междуречьем. Так, например, в 1149 году Юрий Долгорукий совершает дальний поход в степь, путь его проходил через земли вятичей, далее следовал «на Бълувежю на Старую и стояша оу Бъелывежи мецъ съжидаюче к собъ Половец». (ПСРЛ, т. II, стб. 377 - 378). Не дождавшись половцев, князь направил дружину к юго-восточному Порубежью и здесь, видимо, на самом пограничье к нему присоединились «дикие половцы» и войско черниговских князей, вместе они выступили против киевского князя Изяслава. От имени Изяслава летописец сообщает, что Юрий «половци привел и вороги мои Олговичи то хочю са бити Киномъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 378). После неудачного похода 1149 г., в 1151 г. вновь «поиде Гюрги къ Киеву и сташа в Родоунии и придоша Половци диции мнози Дюргеви в помочь» (ПСРЛ, т. II, стб. 423).

Таким образом, возможность проведения совместных военно-политических действий Ольговичей и «диких половцев» свидетельствует о близком их географическом расположении. Наиболее вероятной сопредельной территорией восточной группировки «диких половцев» являлось Курское Посемье, имевшее в первой половине XII века особую политическую значимость в Черниговском княжестве (Зайцев, 1975, с. 89) и характеризующееся более благополучным развитием в хозяйственном отношении и более высокой плотностью населения нежели северо-восточные Черниговские земли, граничащие с Рязанью.

Посемье (курское течение Сейма и верховья Псла), составляющее наряду с другими землями так называемые «Восточные территории» Древней Руси, выделялось прежде всего этнокультурным развитием (Шинаков, 1991, с. 82 - 93).

Пребывание здесь «своих поганых» и тесные связи с ними подтверждаются археологическим материалом исследованных памятников. В Гочевском комплексе кочевнический компонент представлен двумя захоронениями с серебряными височными кольцами, дополненными биконическими бусинами, которые в соответствии с аналогиями в Среднем Поднепровье являются половецкими. Гочевские погребения имеют также еще одну особенность – покойников заворачивали в бересту, что также вполне сопоставимо с кочевническим обрядом захоронения, появление которого здесь исследователь относит к рубежу XI - XII вв. Отдельные элементы материальной культуры степняков прослежены и на других памятниках «Восточных территорий», в соответствии с которыми вырисовывается линия распространения половецкого влияния на восточной окраине – Гочево (на р. Псел) – Ницахи (на р. Ворсклица) – Могилки (верховья р. Мерла) – (Шинаков, 1991, с. 83, карта, с. 89, 91). Следует добавить еще один участок, составляющий обозначенную линию – комплекс у с. Журавное на правом берегу р. Ворскла, где также выявлены отдельные признаки присутствия кочевников (Моця, 1993, с. 77 - 80).

Археологические материалы памятников бассейна Северского Донца, таких как Донецкое городище, Хорошевское, Крапивное и городища Холки также содержат отдельные элементы материальной культуры представителей степного кочевнического мира. В этом плане особо выделяется городище Холки, несколько выдвинутое в степное пространство и обладающее многими своеобразными чертами быта. О связях русских поселенцев с половцами свидетельствуют находки фрагментов бронзовых котлов, кресало, отдельные украшения жителей городища. «Инородческие» черты памятников курско-харьковского участка лесостепи более выразительны, чем других укрепленных поселений Донского региона таких как городище Семилуки, Животинное. Очевидно территория между Осколом и Доном была более близка географически к «диким половцам» и половецким ордам в среднем течении Донца.

Расположение «диких половцев» вблизи юго-восточного Порубежья в районе, примыкающем к Курскому Посемью и пограничных городищ бассейна Се-

верского Донца косвенно подтверждает тот летописный факт, что в упомянутом 1149 г. в качестве отмщенья киевский князь Изяслав направил свои полки на юго-восток и «взя Курескъ и с Посемьемь» (ПСРЛ, т. II, стб. 384). Кроме того на основании летописных сообщений и ареала распространения половецких каменных изваяний выявлены районы кочевания одновременных «диким пловцам» орд: Ельтукове – в Доно-Хопёрском междуречье и Отперлюеве, Токсобичи, занимавшие земли в нижнем течении Оскола и среднем течении Северского Донца (Плетнева, 1985, с. 267, карта). С.А. Плетнева указывала на характерную черту своеобразных «изгоев» - «диких половцев», которая заключалась в том, что они не устанавливали каменные изваяния, также как и отдельные половецкие семьи, входившие в состав Черноклобукского союза (Плетнева, 1974, с. 17, 22). Поэтому степное пространство между Осколом и Доном в непосредственной близости к границе, где не известны каменные изваяния, можно соотносить с кочевьями восточной группировки «диких половцев». В противоположность Черным клобукам, они расселялись на участках степи вне пределов Черниговской земли, даже с учетом нестабильности юго-восточных границ. На памятниках лесостепного Подонья, фиксирующих пограничье, при отмеченных кочевнических чертах, материальная культура носит в целом общерусских характер.

Из летописных сообщений можно узнать об особых отношениях русских князей с «дикими половцами». Запись, относящаяся к 1195 г. свидетельствует о том, что киевский князь Рюрик по окончании междоусобной войны «...роспусти дроужиноу свою и братью свою и дъти своя и дикыи Половци отпоусти в вежи своя одарив дарами, многими» (ПСРЛ, т. II, стб. 689 - 690). Не ясно, о какой группировке идет речь в данном эпизоде, но можно уяснить главный принцип взаимоотношений с «дикими половцами», который заключался в том, что за службу степняки получали плату. Такие отношения, основанные на сотрудничестве в военных мероприятиях, С.А. Плетнева называет союзническими (Плетнева, 1990, с. 92 - 93).

Таким образом, оборонительная система Ольговичей со второй половине XII века складывалась из двух основных элементов: устройства опорных пунк-

тов на пограничье и заключения политических союзов в первую очередь с «дикими половцами» и соответствовала задачам обеспечения наблюдения и поддержки во время военных действий.

В связи с событиями в Черниговской земле с середины XII века в летописи упоминаются бродники, с которыми следует связывать разрозненные островки открытых поселений в донской степи. Эта категория поселенцев представляет также значительный интерес для выяснения характера военно-политических связей на Порубежье. В соответствии с летописными сообщениями вместе с коалицией Ольговичей и половцев в военных действиях принимала участие еще одна категория степного населения – бродники. Во время междоусобной войны 1146 – 1147 гг. Черниговских князей против Киевских, Новгород-северский князь Святослав Ольгович остановился в городке Девягорск. «В то же время придоша к не Бродничи и Половци придоша к немоу мнози» (ПСРЛ, т. II, стб. 342). Предполагаемый район месторасположения Девягорска обозначен в северо-восточном направлении от г. Мценска на середине пути к Дедославлю (Зайцев, 1975 б, с. 26, карта). Наиболее вероятный маршрут выдвижения бродников и половцев из степей пролегал через верховья Оскола к верховьям Дона очевидно по дороге, известной в источниках конца XVI - XVII вв. под названием «Изюмский шлях» (Марголин, 1948, с. 16 – 17, карта).

Далее объединенное войско в составе половцев, бродников, «воев» Глеба Юрьевича и Святослава Ольговича направились к Мценску и Крому освобождать захваченные в ходе войны земли. Весьма заинтересован был Глеб Юрьевич в освобождении Курска и Посемья. Летопись под 1147 г. сообщает, что «...посажа посадники свои Глеб Гюргевичь по Посемью за полем, и у Выря; Половчи мнози ту заходиша рот [поклялись] с ним» (ПСРЛ, т. II, стб. 355 - 360). Весьма интересно своеобразное географическое обозначение «по Посемью, за полем». Район Посемья к настоящему времени четко локализован на основании данных письменных источников и археологических материалов. Ориентировочно даны лишь восточная и юго-восточная границы Посемья, с учетом известных укрепленных поселений лесостепного Подонья (Зайцев, 1975 а, с. 95 -

96). Более четко вырисовывается граница по течению р. Псёл, здесь, очевидно, заканчивались земли собственно «Посемья», где известен Вырь, а далее в течении верховьев р. Ворсклы и Северского Донца располагался район «по Посемью, за полем», где известны древнерусские городища домонгольского времени, в которых возможно «...и посажа посадники свои» сын Юрия Долгорукого – Глеб при участии половцев. Такими пограничными пунктами могли быть укрепленные поселения так называемых «Восточный территорий» Древней Руси (Шинаков, 1991, с. 83, карта), также не исключено, что в летописном рассказе речь идет о самых крайних, выдвинутых в степь форпостах в бассейне р. Северский Донец: городище Крапивное, Холки, Мохнач, Гайдары, Хорошево, Донецкое.

В связи с событиями на юго-востоке Руси в середине XII века интересна личность Глеба Юрьевича. На основании летописных сообщений прослеживается его тесная связь с населением степного пограничья..В период с 1174 по 1167 гг. имя князя неоднократно упоминается в связи с военно-политическими контактами с половцами, Глеб Юрьевич уходил «в Половцы» и возвращался «со множеством Половец» (ПСРЛ, т. II, стб. 468, 471, 549), среди которых, вероятно, были «дикие половцы», проживающие вдоль юго-восточного Порубежья. Характерно, что в 1151 г. к Юрию Долгорукому «... придоша Половци дикии мнози... в помочь» (ПСРЛ, т. II, стб. 423) и далее он «...пусти сна свои с Половци...» (ПСРЛ, т. II, стб. 425). Надо полагать, что речь идет о тех же союзниках – «диких половцах». Глеб Юрьевич выступает как сподвижник активной наступательной политики своего отца по отношению к южным княжествам, проявившейся в середине XII веке (Фроянов, 1995, с. 576 - 579). Южная политика князей предусматривала опору в виде военных контактов со степными соседями. В подобные отношения оказались втянуты бродники и явились еще одной военно-политической силой на пограничье. В середине XII века бродники и половцы были участниками межкняжеских столкновений не только на стороне Ольговичей, но и вместе с Юрием Долгоруким.

Часть бродников, по мнению исследователей, составляли беглые холопы и

крестьяне (Тихомиров, 1955, с. 203). При существующих в XII веке условиях жизни окраинного населения княжеств, когда практически ежегодно в разных волостях Южной Руси пловцы «... велику пакость створиша села пожгоша, люди повоеваша» (ПСРЛ, т. II, стб. 456), естественным был отток определенной части населения на север и северо-восток, в лесные районы междуречья Оки и Волги (Каргалов, 1967, с. 58), отдельные группы населения перемещались в «глухие места» лесостепной части Подонья, а также в степную глубинку, где налаживали мирное сосуществование с кочевниками. Некоторая подвижность населения, так называемое «бродяжничество» отчасти было характерным явлением в «удельной Руси» (Павлов-Сильванский, 1988, с. 68). Оседая в приграничных районах бродники вместе с кочевым населением Донских степей включались в борьбу и оказывались в водовороте событий, попавших на страницы летописи. Отрывочность письменных свидетельств не дает оснований для широкого анализа взаимоотношений бродников с населением русских княжеств с одной стороны и половцами с другой. Из кратких сообщений можно заключить, что бродники приходили из степей близ Черниговской земли по дорогам, названия которых известны с конца XVI века и селились на территории, примыкающей к границам. Вольные русские поселенцы представляли собой самостоятельную военную силу, действующую на равных правах с другими военными группировками. В 1216 г. полки князя Ярослава выстроились в боевом порядке вместе «...с Муромскыми, и с Городчаны и с бродники...» (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1872, с. 472). В записи под 1223 г. упоминается «воевода их Плоскыня».

Известные на территории степного Поднепровья и Подонья неукрепленные поселения связываются исследователями с летописными бродниками (Смиленко, 1975, с. 190 – 191; Цыбин, 1987, с. 17; Винников, 1991, с. 33). Они занимали территорию между районами устойчивых кочевий половцев и пограничной линией городков лесостепного Подонья, так называемую «контактную зону» (Пряхин, Цыбин, 1990, с. 14). Обнаруженные здесь отдельные группы и единичные экземпляры половецких изваяний, а также исследованные поселе-

ния свидетельствуют о возможности совместного хозяйственного использования территории русскими поселенцами и половцами (рис. **1**).

Для характеристики взаимоотношений древнерусского населения и бродников важным обстоятельством является то, что последние также как и «дикие половцы» не селились на русских территориях и соответственно бродники были свободны от обязательств перед князьями пограничных земель и поддерживали с ними отношения, обозначенные как союзнические (Плетнева, 1990, с. 93). Краткость и ограниченность летописных сообщений не позволяет составить более полное представление о характере отношений пограничных княжеств к населению степей, можно лишь заметить, что иногда «дикие половцы» и бродники ассоциируются с наемниками без каких-либо определенных политических целей, которым в качестве платы давали либо «дары мнози», либо «пускали повоевать» у неугодного города.

На основании археологического материала исследованных поселений лесостепного Подонья сделан вывод о том, что бродники представляли собой разноэтническую категорию населения пограничной зоны, включавшую три компонента: русский, потомки алано-болгар и половецкий. Обнаруженные предметы быта, орудия труда, отдельные украшения и виды вооружения свидетельствуют о древнерусском их происхождении. Особенности отопительных сооружений почти во всех изученных жилищах дают возможность предположить наличие на этих поселениях консервативных традиций в домостроительстве, близких к кочевническим.

Отдельные группы бродников, расселившиеся в Среднем Подонье значительно отличались от подобной категории населения, известной на Нижнем Дону в Белой Веже XII в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 203). Беловежцы, находясь в половецком окружении, активно занимались ремесленной деятельностью и торговлей (Артамонов, 1951, с. 42-44). Хозяйственная деятельность бродников в лесостепном Подонье ограничивалась подсобными промыслами: охотой, рыболовством, бортничеством, что в целом соответствовало характеру сельского хозяйства окраинных территорий Руси (Беляева, 1999, с. 127-128).

Существование на юго-восточном пограничье особой категории разноэтничного степного населения указывает на своеобразие русско-половецких отношений и является свидетельством не только тесных контактов, но и процессов проникновения в русскую среду кочевнических элементов быта, культуры и последующее их смешивание.

Военно-политические контакты на юго-восточном Порубежье Руси не ограничивались участием в них ближайших степных соседей – «диких половцев» и бродников, временные союзы устанавливались также со значительными, организованными половецкими силами – ордами. Записи под 1146 г. и 1152 г. свидетельствуют о названиях донских объединений: Ельтукове в Доно-Хоперском междуречье и Токсобичи, Отперлюеве в среднем и нижнем течении Оскола. Со второй половины XII в. Донско-Оскольские территории входят в состав объединения Кончака (Плетнева, 1985, с. 267, карта).

Наибольшая военная активность в южных землях Руси и привлечение половцев на одну из враждующих сторон, чаще всего Ольговичей, приходится на конец 40-х – 50-е годы XII в. Практически ежегодно отмечаются совместные русско-половецкие действия. В 1147 г. «...Олгови и Двдвича дружиноу свою с Половци воеваша Брагинь», а в 1148 г. «...Рязаньскыи придоша князи и Половци с ним» (ПСРЛ, т. II, стб. 359, 361). Многочисленные факты из летописей свидетельствуют о разной степени участия древнерусского населения лесостепного Подонья. Рассматривая военные взаимоотношения половцев с Рязанской землей в цифровом выражении, М.В. Цыбин выделил следующие рубрики: 1) самостоятельные походы половцев на рязанскую землю – 6; 2) походы рязанских князей на половцев – 8; 3) участие половцев в междоусобных войнах, ведшихся рязанскими князьями – 4; 4) бегство рязанских князей к половцам – 4 (Цыбин, 1999, с. 130 - 134).

Весьма показательна некоторая неравномерность военно-политической активности половцев на Черниговском пограничье. Из летописных сообщений следует, что в период с 30-х по 60-е гг. XII в. полностью отсутствуют самостоятельные набеги половцев на чернигово-северские земли. В обозначенный пери-

од, характеризующийся активной борьбой двух княжеских домов – Ольговичей и Мономаховичей, фиксируются многочисленные военные операции половцев совместно с черниговскими, а также владимиро-суздальскими князьями. Примечательным фактом является то, что в этот период отсутствовала необходимость в заключении династических русско-половецких браков и «сотворении» мира. (Плетнева, 1990, с. 109). Важно заметить, что все военные акции, независимо от их целей и участников осуществлялись на русской территории, причиняя значительный экономический ущерб. В период междоусобной войны в 1152 г. Святослав Ольгович с горечью обращается к Юрию Долгорукому: «...ты ...волость мою погубил а жита еси около города потравил а Половци пошли в Половць» (ПСРЛ, т. II, стб. 458).

Следствием межкняжеских столкновений и участием в них половцев явилась консолидация половецких сил и образование одного из сильнейших объединений кочевников, во главе которого известен хан Кончак (Плетнева, 1985, с. 264 - 268).

С конца 60-х гг. наблюдается значительная активизация самостоятельных половецких набегов на окраинные Чернигово-Северские земли. Первый поход летопись фиксирует в 1167 г., а самостоятельный большой поход в пределы юго-восточных земель Руси известный Кончак организует в 1174 г. и направляется к Переяславлю. Пограбив окрестные села, половцы отправились в степь. Князь новгород-северский Игорь Святославович «...совокупивъ полкы свои и еха в поле за Воръсколъ». Здесь половцы «...не оутерпеша стати противу Игореви, и тако побегоша, весь полонъ свои пометавъше» (ПСРЛ, т. II, стб. 569). В 1183 г. новгород-северский князь, отказываясь идти на половцев, фактически выступает на стороне Кончака, за что переяславский князь разорил несколько подвластных Игорю городков. Воспользовавшись тем, что «...половцы оборотилися противу руским князем», направивших полки на вежи, Игорь Новгород-Северский подошел к ближайшим половецким кочевьям за Мерлом пограбить их (ПСРЛ, т. II, стб. 633). В этом эпизоде хорошо прослеживается тактика Чернигово-Северских князей, заимствованная у тех же половцев, главным принци-

пом которой являлось «...поити на Половецъ в борзе изъездом» (ПСРЛ, т. II, стб. 652) и получить добычу. Поход Кончака в 1184 г. «со множеством Половец» в юго-восточные земли Руси закончился для него неудачно – он едва «оутече чересь дорогу» (ПСРЛ, т. II, стб. 628 – 630, 634 – 636).

Известный поход 1185 г. особо интересен в том отношении, что позволяет констатировать наличие продуманной оборонной системы, являвшейся помимо сепаратной политики Черниговских князей, важным условием устойчивого политического положения Чернигово-Северской земли как с сопредельными княжествами, так и со степными соседями.

Исследователями отмечалось ранее, что сторожевая служба, оформившаяся «на поле» в конце XVI – начале XVII вв., имела давние традиции, связанные с периодом феодальной раздробленности. О специальной службе сторожей в войске князя Дмитрия Донского в конце XIV в. упоминает в своей работе В.П. Загоровский (Загоровский, 1969, с. 56). Следует отметить, что летописные сообщения содержат сведения о «сторожах» в значении «отдельная категория воинских людей» еще в домонгольский период.

После поражения Игоря Святославовича половцы устремились через открытые «ворота на Русьскую землю». В летописном рассказе о походе князя Игоря содержатся также интересные сведения о службе «сторожей». После встречи Игоря и Всеволода на р. Оскол объединенное войско, как известно, отправилось к р. Сальница, «...туже к ним и сторожеви приехаша, их же бяхуть послали языка ловить...» (Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 431). Очевидно речь идет об отдельной группе воинских людей, возможно проживающих где-то на пограничье и присоединившихся к «полку Игорева». В более ранних записях под 1151 г. речь также идет о совместных действиях «сторожей» и войск князя Юрия Долгорукого: «...сторожеве ехавше под Гюргевы полкы, и гонишася с ними» (Летопись по Ипатскому списку, с. 301).

Значительный ущерб был нанесен пограничным юго-восточным княжествам: «...и бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новгородъ Съверскомъ, и по всеи волости Черниговьскои, князи

изымани и дружина изымана, избита» (ПСРЛ, т. II, стб. 645).

Осенью 1187 г. «...воева Кончакъ по Рси с Половци; по семи же почаша часто воевати по Рси, в Черниговской волости» (ПСРЛ, т. II, стб. 652, 653). Таким образом окраинные чернигово-северские земли подверглись нападению со стороны Донских степей за 20 лет с 1167 по 1187 гг. – 7 раз. С конца XII в. обстановка на пограничье стабилизируется. «Донские половцы перестали сталкиваться с Русью. Богатели они за счет развития собственной скотоводческой базы и внешней торговли» (Плетнева, 1985, с. 279).

1191 г. ознаменован походом князя Игоря с «Олговичи же на Половци», объединенное войско «...ехаша до Оскола; Половцем же бысть весть на ня, и пустиша вежа назад, а сами совокупишася ждут их...» Ольговичи избежали сраженья, половцы «гонившеся по них и не постигоша их» (ПСРЛ, т. II, стб. 682). Расположение половецких веж на р. Оскол подтверждается данными картографирования половецких статуй (рис. **1**).

С конца XII, в начале XIII вв. самостоятельные походы половцев на юго-восточные районы Руси прекратились, в летописи отмечено лишь участие их в межкняжеских столкновениях, отчего не меньшим был ущерб русским землям и это составляло выгодное предприятие половцам. Летописец, реагируя на мирное разрешение очередного междоусобного конфликта с удовлетворением отмечает: «...не хотя дати радости дыаволоу, на дикымъ Половцемь, аже Бахоуть на се готови и оустремилися на кровопролитье и обрадовалися бахоуть свадъ [вражде] Роускыхъ кназехъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 700).

История взаимоотношений русских и половцев на юго-восточном пограничье в разные периоды складывалась неодинаково, и зависела от ряда факторов внутреннего развития пограничных княжеств.

Период с 30-х по 60-е гг. XII в. характеризуется высокой политической активностью чернигово-северских князей. «Борьба черниговских князей с киевскими выходила за рамки межкняжеских отношений, являясь по существу соперничеством двух городов-государств претендующих на господствующую роль в Среднем Поднепровье» (Фроянов, 1995, с. 256). Это была настоящая

война с использованием третьей силы – половцев, выступавших в роли союзников, иногда наемников. Особая сепаратная политика Ольговичей проявлялась не только в сфере их отношений с половецкими ордами, но и в характере оборонительных мероприятий, которые предполагали использование неординарных сил и средств для обороны рубежей. Устройство укрепленных поселений вдоль юго-восточного пограничья способствовало не только колонизации «поля», но и охране пограничных княжеств. Пограничная специфика района в лесостепной зоне Подонья способствовала появлению особой категории населения, свидетельствующей о тесных контактах и мирном сосуществовании русских и половцев, известной из летописей под именем «бродники».

Взаимоотношения на рязанско-половецком пограничье отличались меньшей, по сравнению с Черниговским порубежьем, военно-политической активностью, что было обусловлено географическим положением: во-первых, значительная удаленность от сильных половецких объединений, во-вторых, меньшая притягательность для половцев в силу того, что в XII веке «Муромо-Рязанская земля отставала в экономическом развитии от соседней с ней Черниговской земли. Видимо, поэтому муромо-рязанские князья занимали более скромное место в политической истории Руси, чем их черниговские родственники» (Рапов, 1997, с. 96).

Летописные свидетельства дают возможность проследить особенности взаимоотношений на рязанско-половецком пограничье. В соответствии со схемой, предложенной М.В. Цыбиным, наиболее острое противостояние и открытая конфронтация в рязанско-половецких отношениях приходится на конец 40-х – нач. 60-х гг. XII века. На протяжении второй половины XII – начала XIII вв. наблюдается как участие половцев в межкняжеских столкновениях на стороне рязанцев, так и бегство русских князей «в половци» с целью укрытия от политических противников. В летописи зафиксированы события, связанные с возросшей военной активностью половцев в 80 – 90 гг. XII века. Количественное соотношение разнохарактерных событий, связанных с контактами населения Рязанской земли с половцами, позволяет М.В. Цыбину сделать вывод о явном

преувеличении в исторической литературе фактора «половецкой угрозы» в политической истории Рязанского княжества. «В целом рязанские князя вполне успешно нейтрализовали отрицательное воздействие этого фактора, используя его для своих целей. Урон, наносимый половцами Рязанскому княжеству, мог быть вполне сопоставим с потерями от междоусобных войн» (Цыбин, 1999, с. 133, с. 134, схема).

Таким образом, сложившаяся в домонгольский период в лесостепном Подонье система русско-половецких отношений в военно-политической сфере была далеко не однозначной. Наряду с прямыми военными столкновениями с половцами, князья пограничных княжеств активно привлекали кочевников для решения своих внутренних вопросов и вступали с ними в союзнические отношения. Это способствовало с одной стороны углублению процессов феодальной раздробленности на Руси и обособлению Черниговского и Рязанского княжеств, а с другой стороны – усилению Донского объединения половцев к исходу XII века. В соответствии с особой степной политикой на юго-восточной окраине Древней Руси возникла оборонительная концепция, предполагающая осуществить закрепление княжеской власти и «береженье» русских земель с помощью своеобразных колонизационных центров – известных укрепленных поселений Подонья.

Военные походы и политические союзы не были единственной формой отношений на русско-половецком пограничье. Между населением окраин Руси и половцами на протяжении XII – начала XIII вв. велась достаточно активная торговля. Весьма тесные торговые и культурные связи русских поселенцев со степью зафиксированы во многих археологических памятниках Донского региона и в отдельных письменных источниках. Необходимо отметить, что тесное взаимодействие в торговой сфере являлось одним из основополагающих факторов мирного сосуществования русских и половцев в непосредственной близости друг от друга и одновременного хозяйственного использования отдельных участков лесостепной зоны. Взаимовыгодная торговля и совместное использование торговых путей являлись на протяжении древнерусской истории сдержи-

вающим фактором в возникновении вооруженных конфликтов между кочевой «степью» и «российским оазисом» (Златкин, 1971, с. 88).

Одинаково заинтересованные в нормальном развитии торговли и русские поселенцы, и половцы стремились очевидно к определенному равновесию на пограничье и сохранению если не дружественных, то взаимовыгодных отношений. Район лесостепного Подонья, являвшийся зоной непосредственного соседства и тесного соприкосновения двух народов, представляет большой интерес для выяснения характера русско-половецких торговых контактов. Глубину этих контактов иллюстрируют материалы, происходящие с древнерусских поселений Подонья.

Прежде всего, археологические материалы представляют многочисленные свидетельства развития самых разнообразных ремесленных производств на пограничье Древней Руси. Здесь следует указать на специализированное производство на Донецком городище, городище Семилуки, чья товарная продукция явно была рассчитана на обширную округу, вероятно включающую и близкие половецкие территории. Известно, что половецкие погребения иногда содержат древнерусские горшки обычных общерусских форм, кресала (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 216), которые вероятно составляли часть предметов торговли со стороны русских княжеств. Гораздо шире известны на рассматриваемой территории предметы торгового оборота с половецкой стороны. К ним по всей видимости можно отнести половецкие котлы, представленные фрагментами листовой бронзы с заклепками (рис. **19**, 12 - 21) практически во всех коллекциях укрепленных и неукрепленных поселений лесостепного Подонья. Можно отметить, что наибольшее количество фрагментов обнаружено на городище Холки, выделяющегося рядом других особенностей, сближающих этот памятник с кочевым миром. Клепанные котлы из листовой бронзы являлись продукцией половецких мастеров и известны на территориях, стабильно занятых половецкими кочевьями. Известные главным образом из погребений, котлы датируются на основании предметов, входящих вместе с ними в комплекс, это – украшения, керамика, стеклянные и витые серебряные браслеты,

обрывки византийской и сицилийской парчи XII и XII - XIII вв. (Швецов, 1980, с. 200).

На ряде городищ известны половецкие украшения. Из коллекции городища Холки к ним можно отнести раковину каури (рис. **21**, 10), на городище Крапивное встречена лазуритовая кочевническая подвеска треугольной формы, из раскопок городища Семилуки происходит серьга в виде знака вопроса, входящая в комплексы кочевников XI - XIV вв. (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 103) – (рис. **23**, 23). Ярко выраженный кочевнический характер носят вещи, найденные на Донецком городище: петли от колчана со звериной мордой на конце, рукоять плети, костяная пряжка (Либеров, Плетнева, 1964, с. 344). Фрагменты пластинчатого доспеха, встреченные в культурном слое Донца, являются точной копией пластинок с аналогичным расположением заклепок из половецкого погребения у с. Джангалы в Заволжье (Медведев, 1959, с. 127). К настоящему времени не совсем ясно, являются ли обозначенные предметы результатом торговых операций или обмена, вовлеченного в этот процесс окраинного населения, наладившего прочные связи с половецкими кочевьями или они отражают наличие незначительного половецкого компонента в пограничных пунктах.

Из отрывочных летописных известий можно заключить, что с половецкой стороны предметы торговли составляли также кони. Половецкие «актазы» (ПСРЛ, т. II, стб. 746) были прекрасным товаром и славились на Руси, предпочтительны они были и в качестве выкупа (Сказание о пленном половчине, 1860, с. 73). Размеры выкупа были достаточно велики и составляли «болшее стадо коней». Безусловно стада и табуны составляли главный предмет торговли с русскими пограничными княжествами, находившимися практически постоянно в состоянии войны. Заинтересованность русских князей в половецких продуктах производства своеобразно проявлялась в целях совершения походов, зафиксированных летописью. Тактика «поити на Половець в борзъ изъездомъ» как правило в трудный для кочевников зимний период вполне соответствовала стремлению к легкой добыче желаемых материальных ценностей. В 1168 «...ходиша Олговичи на половци; бе бо тогда люта зима велми, и взя Олег вежи

Козины, и жену и дети, и злато и сребро, а Ярослав Беглюковы вежи взя...» (ПСРЛ, т. II, стб. 530). В этом плане успешным был первый поход 1191 г. – «...Сдумав Игорь с братьею идти на Половци, и шедше ополонишася скотом и конми...», вновь отправилось объединенное войско нескольких князей к половецким вежам зимой, но доехавши до Оскола и увидев готовых к бою Половцев, «нощью идоша прочь» (ПСРЛ, т. II, стб. 673 - 676).

Следы традиционных русских донских товаров можно уловить, сопоставляя немногочисленные письменные сообщения с археологическим материалом древнерусских памятников Подонья. Известно упоминание Евстафия Солунского о торговле купцов с Дона и Дуная на ярмарке в Фессалониках (Солуни) в XII в. (Новосельцев, Пашуто, 1967, с. 84). Купцы торговали вином, соленой рыбой, икрой, воском.

В описаниях путешествия Вильгельма де Рубрука в 1253 г., касающихся того места, где миссия достигла «большой реки Танаида (Дон)», содержатся интересные сведения. «...Итак там, на берегу реки [в поселке Русских], мы стояли три дня. В первый день они дали нам большую свежую рыбу – чебак, на второй – ржаной хлеб и немного мяса..., на третий день – сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве... Прежде чем добраться до того места, мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе...» (Вильгельм де Рубрук, 1911, с. 87). Не исключено, что половцы, жившие в тесном контакте с потомками алано-болгар и русскими поселенцами, в противоположность кочевым традициям татар, были заинтересованы в рыбной продукции. Поэтому неудивительно, что из половецкого города Шарукань, предположительно населенного ясами и половцами, вышли посланники «...и поклонишася князим Рускым, и вынесоша рыбы и вино» (ПСРЛ, т. II, стб. 266-268).

Интересные штрихи к представлению о торговле дает летописное сказание о разгроме Путивля в 1146 г. во время усобиц Мономаховичей и Ольговичей. В погребах князя Святослава находилось пятьсот берковцев меду, 80 корчаг вина, в сельце у Игоря Ольговича был устроен двор добрый, где много было вина и

меду и всякого тяжелого товара, железа и меда (ПСРЛ, т. II, стб. 333-334). Археологическое изучение городов Черниговской земли подтверждает их важную роль в торговле Южной Руси, город Путивль и Новгород-Северский представлены как торгово-ремесленные центры (Сухобоков, 1991, с. 79; Куза, Коваленко, Моця, 1996, с. 14). В активные торговые связи городов Посемья вовлекались и жители пограничных юго-восточных городищ.

Состав торгового оборота пограничных поселений был во многом сходен с южнорусским. Продукция специализированного ремесленного производства и отдельных видов промыслов, прежде всего рыболовства, была рассчитана не только для внутреннего потребления, но и совершения взаимовыгодных торговых сделок с ближайшими соседями – половцами. Город Донец развивался как крупный ремесленный центр, наиболее развитые городские производства составляли металлообрабатывающее ремесло, ювелирное дело, деревообрабатывающее и косторезное ремесла, а также гончарное. О совершении торговых операций свидетельствует бронзовая весовая гирька, найденная на территории городища, с транзитом сухопутных караванов, очевидно, связана конская подкова (Дьяченко, 1983, с. 15-19). Значительная роль в торговых связях юго-восточной окраины Руси отводится и другим городищам в лесостепной зоне Подонья. Укрепленное поселение Семилуки, располагаясь на берегу р. Дон – важной водной торговой артерии и контролируя переправу в непосредственной близости от поселения (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 105), выполняло, очевидно роль своеобразного перевалочного пункта. Исследователи предполагают, что путь «полем» на Курск, известный с X века, проходил где-то по берегам Дона (Кузьмин, 1965, с. 61). Не исключено, что городище Семилуки способствовало безопасному продвижению сухопутных караванов. Об охране торгового транспорта свидетельствуют привозные вещи: фрагменты византийских браслетов, бронзовая кольцевидная фибула со вставками из стекла (рис. **23**, 13), фрагменты импортной поливной керамики и амфор. Упоминание о купцах, привычно направляющихся в эти обезлюдевшие после нашествия 1237-1241 гг. земли, содержатся в отчете об отдаленных странствиях Вильгельма де Рубрука (Виль-

гельм де Рубрук, 1911, с. 83, 87). Очевидно, в торговый оборот по традиционным маршрутам вовлекались и собственно местные изделия. Археологические материалы с поселений лесостепного Подонья свидетельствуют о том, что торгово-экономический потенциал рассматриваемой территории был достаточным для совершения торговых операций как с половцами, так и с проезжающими купцами.

По юго-восточным окраинным землям Руси проходили маршруты оживленной торговли, контроль над которыми имел приоритетное значение для пограничных княжеств.

Важнейшим вопросом в рассмотрении русско-половецких отношений на пограничье является обозначение традиционных торговых маршрутов через степь. Заинтересованность самих кочевников в непрерывном функционировании наиболее важных каналов международной торговли не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что половцы пользовались услугами проезжавших купцов и имели постоянную прибыль с транзитной торговли (Егоров, 1994, с..198). В летописи упоминаются три основные дороги. «Греческий путь» вел из Византии в устье Днепра и далее вверх по реке в пределы Древней Руси. «Солоный путь» был связан с доставкой соли из Крыма, а третий торговый путь – «Залозный», связанный с Донским регионом соединял русские княжества с приазовскими портами, Нижней Волгой, Закавказьем (Плетнева, 1985, с. 271).

При возникновении серьезной угрозы – изъятия основных торговых путей из под контроля русских князей, последние принимают самые решительные меры. В 1170 г. киевский князь Мстислав Изяславич мотивирует необходимость общего похода в половецкие земли следующим образом: «...а уже у нас и Греческий путь изотимають, и Соляный, и Залозный, а лепо ны было, братье, поискать отецъ своих и дедъ своих пути...» В результате похода объединенного войска «...взяша вежи их на Угле реце, а другые по Снопороду, а самих постигоша в Чернего леса, и ту притиснувше к лесу избиша е, а ины руками изоимаша; Бастии же и инии мнози гониша по нихъ и за Въсколъ бьюче и ; ...взяша полона множьство...» (ПСРЛ, т. II, стб. 538-540).

В связи с вопросами русско-половецких контактов в торговой сфере, весьма интересно рассмотреть соотношение географического расположения древнерусских городищ лесостепного Подонья и направления известных дорог, подробно описанных в Книге Большому Чертежу (рис. **1**). Городища по р. Северский Донец и правого притока р. Уды – Мохнач, Гайдары, Хорошево, Донец располагаются в тех местах, где Муравский шлях близко подходит к течению реки (КБЧ, 1950, с. 70-73; Марголин, 1948, карта). Городище Холки находится на правом берегу р. Оскол в том месте, где Изюмский шлях непосредственно сближается с течением реки (Марголин, 1948, карта). И, наконец, Кальмиусский шлях пересекает Доно-Воронежское междуречье в местах расположения городища Семилуки и Животинное (КБЧ, 1950, с. 82-83; Марголин, 1948, карта).

Б.А. Рыбаков высказал мнение о том, что Муравский шлях, проходящий по водоразделу Северского Донца и Ворсклы, существовал гораздо раньше того времени, когда он описан в Книге Большому Чертежу и, предположительно, являлся одним из торговых «большаков» Южной Руси (Рыбаков, 1993, с. 218). Об освоении Муравской дороги половцами в XII в. пишет А.К. Зайцев (Зайцев, 1996, с. 43). В настоящее время нет полных оснований для утверждения о функционировании указанных дорог в домоногольский период, вместе с тем невозможно игнорировать четкое месторасположение пограничных укрепленных поселений в соответствии с маршрутами шляхов, обозначенных на карте (рис. **1**). Вполне возможно, что эти пути, пересекающие территорию Подонья с юга на север, находились под контролем и надзором пограничных опорных пунктов в древнерусское время. Документы XVI - XVII вв. свидетельствуют о весьма интенсивном использовании этих сухопутных дорог. Несмотря на то, что функционирование их связано с татарскими набегами, сложение самих путей следует относить к более раннему времени, связанному с активными русско-половецкими отношениями в военно-политической и торговой сфере.

Следует отметить, что монголы, захватившие степи после половцев, кочевали обычно вдоль рек – в меридиональном направлении (Егоров, 1985, с. 38), в

соответствии с этим направлением и наезжали дороги. Несколько иное положение существовало в степях в половецкий период. Сезонные перекочевки велись внутри ордовой территории. Характерно, что только у донских половцев существовали меридиональные маршруты, способствовавшие формированию дорог по водоразделам рек (Плетнева, 1990, с. 117-118). Принимая во внимание то обстоятельство, что русско-половецкие взаимоотношения на юго-восточном пограничье складывались не всегда конфронтационно, возможно было совмещение торгового и военного назначения трех путей, известных позднее под названием Муравская, Изюмская и Кальмиусская дороги.

На основании данных письменных источников и археологического материала можно сделать следующие выводы:

1. русско-половецкие взаимоотношения в лесостепном Подонье складывались в определенной зависимости от внешнеполитических доктрин тех княжеств, к которым примыкали рассматриваемые участки пограничья. Особое влияние на данную территорию оказывала сепаратная политика чернигово-северских князей, неоднозначные отношения Рязани с половцами.
2. Процесс заселения юго-восточной окраины, устройства опорных пунктов на пограничье явился следствием русско-половецких взаимоотношений, связанных с особой оборонительной концепцией «на поле».
3. На основании археологического материала можно утверждать, что соседство с половцами оставило определенный след в материальной культуре древнерусского населения Подонья. В коллекциях памятников прослежены отдельные кочевнические элементы, что можно объяснить торговыми контактами и незначительной инфильтрацией степного населения.
4. Рассматриваемая территория имела стратегическое значение для внешней торговли Руси и была обеспечена соответствующими путями.
5. Ремесленное производство и промыслы изученные на ряде памятников, были рассчитаны также на обслуживание половецкого рынка.

6. Тесные связи древнерусского населения с половецким во многом определили в исходу XII в. усиление Донского объединения половцев с одной стороны, заселение восточных районов Черниговского княжества и юга Рязанской земли – с другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема русско-половецкого пограничья в домонгольский период разработана на материалах достаточно крупного и имеющего специфику региона, позволяющего выявить существенные особенности и общие закономерности исторического процесса в период феодальной раздробленности. Археологическое изучение территории лесостепного Подонья в течение последних десятилетий позволило ввести в научный оборот обширный материал, содействующий как решению многих частных вопросов истории юго-восточной окраины, так и в целом истории древнерусских земель. Комплексный подход, предполагающий обращение к значительному кругу источников, включающих письменные свидетельства, археологические материалы, данные вспомогательных исторических дисциплин, позволил отразить в исследовании многие аспекты проблемы юго-восточного Порубежья.

Лесостепное Подонье вследствие географического расположения на самой окраине древнерусских земель становится накануне монголо-татарского нашествия пограничным регионом, разделяющим земли юго-восточной Руси от кочевнического мира донских степей и имеет ряд особенностей в социально-экономическом и этнополитическом развитии. Историческое своеобразие юго-восточного Порубежья диктовалось комплексом факторов, важнейшие из которых определялись характером и задачами русско-половецких взаимоотношений, а также стремлением древнерусского населения к освоению окраинных земель. Будучи сравнительно удаленным от центров Древней Руси, этот регион слабо зависел от княжеской власти, в то же время сложный процесс взаимоотношений на пограничье был тесно связан с направлениями социально-политического развития окраинных княжеств – Чернигово-Северского и Рязанского.

Юго-восточная граница древнерусских землеь, соответствующая данному региону, определена на основании археологических исследований укрепленных поселений. Один из участков порубежья очерчен по памятникам бассейна Се-

верского Донца, наиболее изученными из которых являются городище Донецкое, Хорошево, Крапивное, Холки. Затем контур юго-восточной границы Руси обозначен по линии, связывающей Семилукское городище на р. Дон и Животинное на р. Воронеж.

Особое место в характеристике пограничного района занимает изучение городища Холки. На основании новых археологических материалов получены свидетельства самобытности внутренней жизни древнерусского населения на самой окраине русских земель. Новые данные способствуют прежде всего уточнению датировки древнерусского поселка. Изученный материал, включая керамику, полностью укладывается в рамки сер. XII – начала XIII веков. Поселок существовал непродолжительное время и был покинут населением в связи с известными событиями первой трети XIII века. Об этом свидетельствуют и относительно бедный по насыщенности культурный слой, и характер материалов памятника.

Основные компоненты сельскохозяйственной деятельности населения городища Холки составляют рыболовство, охота, бортничество. Характерной чертой поселения является отсутствие каких-либо выразительных признаков земледельческой деятельности. В результате исследования получены свидетельства развития деревообрабатывающего ремесла, производства посуды, ткачества, обработки кости. Отдельную ремесленную отрасль, связанную очевидно с женским населением поселка, составляло меднолитейное производство.

Нетрадиционен характер и объем внешних торговых связей пограничного поселения. Учитывая, что торговля не составляла основу существования для жителей городища, на основании археологических материалов прослеживаются связи с одной стороны – с высокоразвитыми городскими центрами Руси, с другой – с половецкими вежами.

Принимая во внимание ряд этноопределяющих факторов – традиции в домостроительстве, погребальном обряде, керамическом производстве, правомерно делать вывод о неоднородном этническом составе населения. При наличии в основном древнерусского населения, нельзя отрицать и присутствие здесь

потомков алано-болгар, что очевидно, является следствием сложных межэтнических отношений в данном регионе в предшествующий период (Винников, 1995, с. 128 - 149).

О военном, оборонительном характере городища, связанным с расположением его на самом пограничье, свидетельствуют характер укреплений, найденные предметы вооружения, отмеченная «компактность» в планировке. Вместе с тем трудно связывать данный памятник со сторожевой крепостью по примеру крепостей, входивших в состав оборонительных линий южных рубежей Древней Руси. Учитывая наличие в материальной культуре городища черт, не свойственных военным поселениям (элементы торговли, ремесленная деятельность) и, сопоставляя неординарность поселения с ситуацией, сложившейся в данном районе лесостепного Подонья в домонгольский период, можно отметить, что функции городища Холки были явно неоднозначны. С одной стороны оно служило опорой во время походов русских князей к половецким вежам и обеспечивало распространение княжеской власти на окраинные земли, с другой – способствовало развитию особых взаимоотношений на русско-половецком пограничье.

В связи с вышеизложенным, наиболее приемлемое обозначение для памятников такого типа – опорный пункт или опорный центр, если речь идет об археологических комплексах. Учитывая многообразие существовавших в домонгольской Руси населенных пунктов, отличавшихся друг от друга по социально-экономическому содержанию и политической роли, следует подчеркнуть, что опорные пункты юго-восточной окраины занимают среди них особое место, и, возможно это обстоятельство будет учтено при разработке типологии поселений Древней Руси.

Находящиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что все укрепленные поселения лесостепного Подонья основаны в результате углубления процессов феодальной раздробленности на Руси во второй половине XII – начале XIII вв. и подчеркивают своеобразие исторических судеб окраинного древнерусского населения. Статус городищ в структуре русских земель опреде-

ляется прежде всего их пограничным положением. Среди важнейших характеристик укрепленных поселений можно выделить следующие:

1. Данные городища использовались как опора княжеской власти для распространения своего влияния и, соответственно, расширения государственной территории.

2. Пограничные поселения следует рассматривать как цепочку опорных пунктов первой линии обороны, в задачу которой не входило ведение самостоятельных военных действий. Обязанности населения ограничивались, видимо, оказанием помощи русским дружинам на пути их продвижения в степь и наблюдением. Не исключено, что некоторые из сторожевых пунктов, имеющих достаточно мощные оборонительные сооружения, использовались в опасных ситуациях для укрытия населения окрестностей.

3. Экономическая функция заключалась в обеспечении ремесленной продукцией близлежащей округи, причем не только русской, но и половецкой, а также в производстве изделий для внутреннего потребления. В хозяйственном отношении роль городищ была весьма специфичной. Крайне слабо прослеживаются занятия земледелием. Значительное место в трудовой производственной деятельности населения занимали рыболовство, охота, бортничество.

4. Порубежные населенные пункты можно рассматривать как места совершения торговых операций, в том числе и с половцами.

5. Непрочность позиций Руси в рассматриваемом регионе диктовала иные формы существования поселений, значение которых не исчерпывалось военным характером. В целом, они представляли собой опору власти в административном, хозяйственном и военном деле.

Значительную информацию о характере колонизационного процесса и ситуации на русско-половецком пограничье содержат археологические материалы, связанные с изучением неукрепленных поселений, располагавшихся в так называемой «контактной зоне». В суммарной характеристике памятников этого типа можно выделить следующие черты:

1. Все они относятся к селищам приречного типа, занимающим возвышен-

ные места вблизи небольших рек Среднего и Верхнего Дона.

2. Незначительное количество жилых построек, следовательно – исключительно малое число жителей и небольшие размеры поселений (0,5 – 0,7 га).

3. Известные на неукрепленных поселениях постройки как углубленного, так и наземного типа имели очаги в качестве отопительных сооружений.

4. Хозяйственная деятельность населения была связана с внутренним обеспечением продуктами питания и ограничивалась теми видами занятий, которые не предполагают практически полной занятости населения в весенне-летний период и зависимости жизнедеятельности от земледельческого цикла. Среди хозяйственных занятий преобладающее значение имели рыболовство, охота, возможно, скотоводство.

5. Ремесленная деятельность населения представлена исключительно обработкой дерева.

6. Основной инвентарь, встреченный на этих памятниках, безусловно древнерусский не только в хронологическом плане, но и в этническом. Но особенности отопительных сооружений почти во всех изученных жилищах дают возможность предположить наличие на этих поселениях неславянских традиций в домостроительстве.

Селища контактной зоны синхронны укрепленным поселениям, определявшим границы Древней Руси на юго-востоке. В то же время сельские поселения в степной глубинке находились в не связи с укрепленными поселениями, а также друг с другом. По всей видимости, небольшие открытые поселения оставлены населением, получившим в летописях название «бродники». Применительно к территории лесостепного Подонья, это собирательное название, включающее в себя три этнических компонента – русский, половецкий и аланоболгарский. В рассматриваемом регионе бродники жили в небольших поселках отдельными немногочисленными группами, рассеянными по степи, практически оторванные от древнерусской территории и потерявшие с ней прочную связь.

Значительным образом дополняет характеристику русско-половецкого По-

граничья в лесостепном Подонье локализация пограничного участка Половецкой земли в районе течения р. Северский Донец. На основе детального картографирования половецких памятников выявлено, что граница половецких кочевий проходила в среднем течении р. Северский Донец, направляясь в северо-восточном направлении по руслам рек Ср. Балаклейка, Великий Бурлук. Далее пограничная линия поворачивает на север и, отрезая истоки р. Хотомля и р. Волчья, доходит до среднего течения р. Оскол. Направляясь к р. Дон граница кочевий прослеживается южнее Тихой Сосны. На левобережье Среднего Дона половцы освоили степное пространство между реками Битюг и Савала, также степные участки Прихоперья.

Наряду с социально-исторической интерпретацией, картографирование древнерусских и кочевнических памятников в лесостепном Подонье позволяет обозначить ряд выводов, связанных с процессом исторического развития периферийных земель и особенностями пограничной зоны на юго-востоке Древней Руси накануне монголо-татарского нашествия.

Во-первых, пограничная линия в рассматриваемом регионе определена в соответствии с локализацией известных городищ, сравнительная характеристика и географическое расположение которых, позволяет говорить о некоторых территориальных различиях в характере освоения земель, связанных видимо с разными направлениями миграционного процесса. Государственная колонизация окраинной территории опиралась в первую очередь на укрепленные поселения, которые следует рассматривать как опорные центры процесса освоения, некоторые из них находились на пути превращения в город.

Во-вторых, историко-географические факторы способствовали превращению территории, расположенной между устойчивыми районами половецких кочевий и цепью пограничных городищ, в контактную зону, что и определило характер жизни и разноэтничный состав населения известных здесь небольших селищ, связанных с летописными бродниками.

В-третьих, непосредственная близость древнерусских укрепленных поселений к кочевому миру половецкой степи явилась одним из определяющих

факторов исторического развития порубежных земель. Локальное своеобразие различных групп половецкого населения бассейна Среднего Дона, а также значительная удаленность пограничных городищ от центров княжеств, к которым они принадлежали, обусловили существование разных вариантов русско-половецких взаимоотношений.

Историческое своеобразие юго-восточного Порубежья в домонгольский период в значительной степени обозначили разнообразные двусторонние связи половцев и древнерусского населения. Постоянное соприкосновение двух народов, совершенно различных по своему этническому происхождению, хозяйственному и культурному развитию происходило в разнообразных формах. Наиболее ярко русско-половецкие взаимоотношения проявились в военно-политических, торгово-меновых и культурных контактах. В соответствии с тесными связями рассматриваемых пограничных территорий с Черниговско-Северским и Рязанским княжествами, взаимоотношения на пограничье следует рассматривать с учетом внешнеполитических доктрин, присущих пограничным княжествам.

Несмотря на существование особой степной политики черниговских князей в отношении половцев, основные направления которой неоднократно отмечали исследователи (Ляскоронский, 1913; Якубовский, 1950; Толочко, 1987; Рыбаков, 1993 и др.), не следует идеализировать русско-половецкие взаимоотношения, и также нельзя сказать, что границы были открыты и у северских князей не существовало своей оборонительной концепции по охране юго-восточного лесостепного пограничья. Здесь, в окраинных районах осуществлялись определенные меры по созданию обороны, но они имели другие, по сравнению с южной Русью формы и являлись продолжением степной политики Ольговичей. Проявления особой концепции охраны подтверждаются археологическим изучением укрепленных поселений на пограничье в Подонье. Удержание данной территории, ее колонизация возможны были с помощью опорных центров на пограничной территории, оборонительные задачи которых ограничивались наблюдением, оказанием помощи во время русских рейдов вглубь

степи и укрытием населения в опасные периоды. Распространению княжеской власти и удержанию в сфере влияния этих окраинных земель способствовали компромиссные отношения с кочевниками. О связях русских поселенцев с половцами свидетельствуют отдельные элементы в археологических материалах памятников бассейна Среднего Дона.

Сложившаяся в домонгольский период в лесостепном Подонье система русско-половецких отношений в военно-политической сфере была далеко не однозначной. Наряду с прямыми военными столкновениями с половцами, князья пограничных княжеств активно привлекали кочевников для решения своих внутренних вопросов и вступали с ними в союзнические отношения. Необходимо также отметить весьма тесные торговые и культурные связи пограничного населения с половцами. Археологические материалы с поселений лесостепного Подонья свидетельствуют о том, что торгово-экономический потенциал рассматриваемой территории был достаточным для совершения торговых операций как с половцами, так и с проезжающими купцами. По окраинным землям проходили маршруты оживленной торговли, упоминаемые на страницах летописей. Не исключено также, что пути, известные из источников конца XVI – начала XVII вв., пересекающие территорию Подонья с юга на север, находились под контролем и надзором пограничных опорных пунктов в домонгольский период.

Таким образом, ситуация на русско-половецком пограничье в Донском регионе складывалась к исходу XII в. не столь драматически. Тесные русско-половецкие связи во многом способствовали углублению процессов феодальной раздробленности на Руси и обособлению пограничных княжеств, а также активному заселению территории лесостепного Подонья древнерусским населением, которое было прервано нашествием 1237 – 1241 гг.

Как следует из вышеизложенного, освоение юго-восточного Порубежья не было единовременным процессом и происходило с нескольких направлений. С учетом некоторого элемента стихийности, определившего неравномерность заселения, необходимо подчеркнуть, что это была государственная колонизация

окраинной территории, опиравшаяся прежде всего на укрепленные поселения, составляющие пограничную линию в данном регионе.

Практика освоения территорий и закрепления на них власти с помощью опорных пунктов известна в древнерусских землях со времен русско-печенежской войны. Так, главной причиной устройства укрепленных поселений на рубеже X - XI вв. по рекам Сейм, Псел, Ворскла, Верхняя и Средняя Сула было стремление включить земли северян в состав государственной территории. Процессы освоения обозначенных территорий в отличие от южнорусского пограничного района во главе с Переяславлем «были весьма далеки от нужд обороны от кочевников» (Моргунов, 1999, с. 77). Особенно большое развитие такой метод получил в период сложения централизованного государства вокруг Москвы. В наиболее важных стратегически районах устраивали крепости, городки, острожки, опираясь на которые государевы должностные лица приводили окрестное население «к целованию за великого князя». Степная колонизация опиралась на новые крепости, которые вместе с валами, засеками, «сторожами» и «станицами» составляли укрепленную пограничную черту (Загоровский, 1969, с. 21 – 64; Платонов, 1995, с. 55; Кизилов, 1984, с. 150).

Необходимо отметить, что общая картина исторического развития окраинных земель домонгольского времени указывает на движение в том же направлении, которое проявилось во многих аспектах устройства сторожевой и станичной службы «на поле» в конце XVI в.

Заканчивая рассмотрение вопросов, связанных с русско-половецким пограничьем в Лесостепном Подонье в XII – начале XIII вв., следует отметить, что в дальнейших исследованиях важно осуществить глубокий анализ процесса освоения региона в рамках всего периода феодальной раздробленности (середина XII – конец XV вв.), особое внимание уделяя изменяющемуся статусу пограничных земель. Дальнейшая исследовательская работа и осмысление проблем юго-востока Руси неразрывно связаны с продолжением археологических изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Винников А.З. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1985 году // Архив музея археологии ВГУ, 1986.

Винников А.З. Отчет об исследовании городища Холки на р. Оскол в 1987 году (Чернянский район, Белгородская область) // Архив музея археологии ВГУ, 1989.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Отчет об исследовании городища Холки на р. Оскол в 1998 году (Чернянский район, Белгородская область) // Архив Старооскольского краеведческого музея, 1999.

Кудрявцева Е.Ю. Отчет о разведках по р. Воронеж в Липецком районе в 1988 г. // Архив музея археологии ВГУ, 1989.

Левенок В.П. Отчет об археологических работах Верхнедонского отряда в 1959 // Архив ИА АН СССР, № 1898.

Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхнедонского отряда в 1966 г. // Архив ИА АН СССР, № 3418.

Пряхин А.Д. Отчет к открытому листу № 113 на право производства археологических разведок по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой областей за 1963 г. // Архив ИА АН СССР.

Литература

Артамонов М.И. Белая Вежа – русская колония в степях Подонья // КСИИМК. – 1951. – вып. 41. – с. 41 – 46.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1958. – № 62. – с. 7 – 84.

Артемьев А.Р. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. – 1982. – Вып. 171. – с. 87 – 92.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. – Варшава, 1885. – 368 с.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Ук-

раине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846.

Беляева С.А. Из истории охоты в Древней Руси // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Сб. научных трудов. – Воронеж, 1996. – с. 89 – 97.

Беляева С.А. О некоторых региональных особенностях формирования комплексного сельского хозяйства в лесостепной полосе Древней Руси // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Вып. 13. – Воронеж, 1999. – С. 121 – 129.

Беседин В.И., Беседина В.В. Семилукское городище на Дону // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. – Воронеж, 1983.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. – М., 1975. – 344 с.

Веневитинов М. Из воронежской старины. – М., 1887.

Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Иоанн де Плано Карпини. История Монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – Спб., 1911. – 224 с.

Винников А.З. Городище Холки – крепость на юго-востоке Древней Руси // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX - XIII вв». – Чернигов, 1990. – С. 24 – 27.

Винников А.З. Древнерусское поселение лесостепного Дона в VIII – нач. XIII вв.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. – М., 1991. – 36 с.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). – Воронеж, 1995. – 168 с.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусские поселения XI – начала XIII вв. в лесостепном Подонье (к вопросу о древнерусско-половецком пограничье) // Труды VI МКСА. Проблемы славянской археологии. – Т. 1. – М., 1997. – С. 287 – 295.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. – Вып. 12. – Во-

ронеж, 1998а. – С. 50 – 70.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусское Животинное городище // Вопросы истории славян. – Вып. 12. – Воронеж, 1998б. – С. 71 – 82.

Голубева Л.А. Женщины – литейщицы: (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. – 1984. – № 4. – С. 75 – 89.

Голубева Л.А. Девочки – литейщицы // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 31 – 34.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX - XIII вв. – Киев, 1884. – 254 с.

Гоняный М.И. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII - XIV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси. Материалы научной конференции. – Воронеж, 1993. – С. 74 – 76.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники XII - XIV вв. в бассейне Верхнего Дона // Липецк: Начало истории. – Липецк, 1996. – С. 60 – 70.

Городцов В.А. Определение юго-восточных границ домоногольской Руси начала XIII в. // Труды XIII АС. – М., 1908.

Городцов В.А. Бытовая Археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. – М., 1910. – 474 с.

Греков Б.Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л., 1939. ч. 1.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и ее падение. – М., Л., 1950. – 438 с.

Грушевський М.С. Історія Украіни – Руси. – Т. II. – Львов, 1905.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1966. – 637 с.

Данилевич В.Е. Донецкое городище и город Донец // Археологическая летопись южной России. – Киев, 1904. – № 4 – 5. – С. 3 – 15.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. – М., 1995. – 448 с.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. – Киев, 1986. – 140 с.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. – Київ, 1966. – 232 с.

Довженок В.И. Древнерусские городища на Среднем Днепре // СА. – 1967. № 4. – С. 260 – 273.

Довженок В.И. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 37 – 46.

Дьяченко А.Г. Новые исследования Донецкого городища // АО 1978 года. – М., – 1979.

Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1983. – 23 с.

Дьяченко А.Г. Гончарное ремесло древнерусского города Донца // Археологические памятники Юго-восточной Европы (железный век и эпоха средневековья). – Курск, 1985. – С. 100 – 119.

Дьяченко А.Г., Лапчинская Л.В., Щапова Ю.Л. О химическом составе и происхождении стеклянных браслетов Донецкого городища // На юго-востоке Древней Руси. Сб. научных трудов. – Воронеж, 1996. – С. 63 – 72.

Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы конф. «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». – Белгород, 1998. – С. 19 – 22.

Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X - XIII веках // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 184 – 202.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. – 1948. – № 8.

Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. – Новгород, 1972.

Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – 304 с.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X - XIII вв. – М., 1975а. – С. 57 – 117.

Зайцев А.К. Домагощ и границы «Вятичей» XII в. // Историческая геогра-

фия России XII – начало XX в. – М., 1975б. – С. 21 – 30.

Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283 – 1284 гг. // Липецк: начало истории. Сб. статей. – Липецк, 1996. С – 40 – 51.

Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. – М., 1874. – 106 с.

Златкин И.Я. Тойнби об историческом промысле и современном положении кочевых народов // ВИ. – 1971. – № 2. – С. 88 – 102.

«И были полки Ольговы…». Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. – М., 1994. – 504 с.

Иловайский Д.И. История рязанского княжества. – М., 1858. – 329 с.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. – М., 1884. – 596 с.

Иоанн де Плано Карпини. История Монголов // Иоанн де Плано Карпини. История Монголов; Вельгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. – 224 с.

Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. – М., 1982.

Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Кн.1, Т. 1, 2. – М., 1993. – 366 с.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. – М., 1967. – 264 с.

Каменецкая Е.В. Керамика Смоленска XII - XIII вв. // Проблемы истории СССР. – М., 1976. – Вып. 5. – С. 48 – 62, рис. 1.

Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980. – С. 412 – 623.

Кизилов Ю.А. Советская историография феодальной раздробленности и форм государственного строя средневековой Руси // История СССР. – 1979. – № 2. – С. 87 – 104.

Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII - XV вв. – М., 1984. – 160 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. – М., Л., 1966. – Вып. Е I – 36. – Т. 2. – 146 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. // САИ. – Л., 1973. – Вып. Е I. – 36. – 112 с.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М. 1985. – С. 298 – 363.

Клейн Л.С. Археологические источники. – Л., 1978. – 120 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI - XVII веков. – М., 1980. – 312 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. – М., 1987.

Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. – М.; Л., 1950. – 230 с.

Князький И.О. Половцы в Нижнем Подунавье // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 121 – 129.

Кобылин А.Н. Несколько сведений о каменных бабах // Труды КГУАК. – Курск, 1915. – С. 27 – 36.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция и технология) // МИА. – 1959. – № 65. – С. 7 – 120.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982.

Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 243 – 297.

Комнина Анна. Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. – СПб., 1996. – 703 с.

Котляр Н.Ф. Хто такі бродники // Український їсторичний журнал. – 1969. – № 5. – С. 23-28.

Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. – Киев, 1986. – 156 с.

Кудряшов К.В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. – М., 1948. – 159 с.

Куза А.В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 39 – 50.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989. – 166 с.

Куза А.В. Древнерусские городища X - XIII вв. // Свод археологических памятников. – М., 1996. – 256 с.

Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Сб. науч. трудов. – Воронеж, 1996. – С. 3 – 28.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. – М., 1965. – 286 с.

Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. – 1973. – № 2. – С. 32 – 53.

Кумеков Б.Е. Государство киманов IX - XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – 156 с.

Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества. – М., 1975. – С. 118 – 143.

Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII - XIV вв. // Древности Московского Кремля. – М., 1971. – С. 214 –225.

Левко О.Н. Профилировка и орнаментика керамики XII - XIV вв. в Северо-Восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 78 – 93.

Летопись по Ипатскому списку. – СПб., 1871. – 652 с.

Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1872. – 575 с.

Либеров П.Д., Плетнева С.А. Рец. на кн. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца // СА. – 1964. – № 3. – С. 340 – 344.

Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // ВИ. – 1972. – № 7. – С. 36 – 52.

Лихачев Д.С. По поводу статьи В.А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников // Исторический архив. – 1956. – № 3. – С. 188 – 195.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – М., 1909.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами // МИА. – № 104. – М. – Л., 1961. – 215 с.

Ляскоронский В.Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. – Киев, 1903. – 169 с.

Ляскоронский В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. – СПб., 1907. – 122 с.

Ляскоронский В.г. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. – Казань, 1913. – 16 с.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XIV в.). – Л., 1940. – 320 с.

Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я. Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960 – 1969 гг.) // История СССР. – 1970. – № 6. – С. 116 – 128.

Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). – Л., 1983. – 88 с.

Малевская М.В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII - XIII вв. // КСИА. – 1969. – Вып. 120. – С. 8 – 20.

Мальм В.А. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X - XIII вв. – М., 1956.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. – М., 1974. – С. 193 – 209.

Матвеева В.И. Работы Верхнедонской экспедиции // АО 1971 года. – М., 1972. – С. 107 – 108.

Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. XX. – С. 3 – 28.

Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. – 1959а. – № 2. – С. 119 – 134.

Медведев А.Ф. Оружие Великого Новгорода // МИА. – 1959б. – № 65. – С. 121 – 191.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII - XIV вв. // САИ. – 1966. – Е 1 – 36. – 109 с.

Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894.

Монгайт А.Л. Старая Рязань. // МИА. – 1955. – № 49. – 228 с.

Моргунов Ю.Ю. Два городища XI - XIII вв. на р. Ромен в Посулье // КСИА. – 1982. – № 171. – С. 65 – 71.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. – 1988. – № 2. – С. 194 – 206.

Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. – 1999. – № 3. – С. 69 – 78.

Москаленко А.Н., Винников А.З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (материалы к археологической карте) // Из истории воронежского края. – Труды ВГУ. – Т. 64. – Воронеж, 1966.

Моця А.П. Археологический комплекс Журавное – опорный центр Руси на границе со степью. // Археология и история юго-востока Древней Руси. Материалы научной конференции. – Воронеж, 1993. – С. 77 – 80.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. – Киев, 1997. – 192 с.

Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII - XIII веках. – М., 1998. – 219 с.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951. – 262 с.

Никольская Т.Н. К исторической географии земли вятичей // СА. – 1972. – № 4. – С. 158 – 170.

Никольская Т.Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и

средней Оки в IX – XIII вв. – М., 1981. – 296 с.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII - XIII вв. – М., 1987. – 183 с.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. – 1967. – № 3. – С. 81 – 108.

Овсянников О.В., Пескова А.А. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. – 1982. – № 171. – С. 93 – 99.

Павлов-Сильванский Н.М. Феодализм в России. – М., 1988. – 696.

Пассек В.В. Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России. – М., 1840. – Кн. 2.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – 472 с.

Петрашенко В.А. Керамика IX - XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. – М., 1992. – С. 7 – 20.

Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // ЗРАО. – СПб., 1851.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. – 1958. – № 62. – С. 151 – 226.

Плетнева С.А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. – 1960. – Вып. 79.

Плетнева С.А. О построении кочевнического лагеря – вежи // СА. – 1965. – № 3. – С. 133 – 140.

Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домоногольское время // КСИА. – 1964. – № 99. – С. 24 – 35.

Плетнева С.А. Медноволосая девушка: (Опыт ист. анализа сказки) // Культура Древней Руси. – М., 1966. – С. 195 – 200.

Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // САИ. – 1973. – Вып. Е 1 – 19. – 96 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – 1974. – Вып. Е 4 – 2. – 200 С.

Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X - XIII вв. – М., 1975. – С. 260 – 300.

Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. – 1981. – № 6.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 132 с.

Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. – М., 1985. – С. 249 – 281.

Плетнева С.А. Заметки археолога о маршруте князя Игоря // Наука и жизнь. – 1986. – № 9.

Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990. – 208 с.

Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. – М., 1962. – Т. II. – 938 с.

Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М., 1962. – Т. I. – 579 с.

Полное собрание русских летописей. Никоновская летопись. – М., 1965. – Т. IX. – 244 с.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа Восточно-европейской лесостепи. – Воронеж, 1987. С. 5 – 36.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Липецк, 1996. – С. 138 – 156.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище // АО 1984 года. – М., 1986.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Исследование многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточно-европейской лесостепи. – Воронеж, 1986.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Исследование Семилукского городища домонгольского времени на р. Дон // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. – Псков, 1987а.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Семилукское городище XII – XIII вв. на р. Дон //

Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции. – М., 1987б.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII - XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984 – 1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 93 – 106.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987 – 1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. – Сб. научных трудов. – Воронеж, 1996. – С. 29 – 62.

Разрядная Книга 1475 – 1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. – М., 1966.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – перв. пол. XIII в. – М., 1997 – 261 с.

Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X - XIII вв. // МИА. – 1956. – № 52. – 184 с.

Раппопорт П.А. Из истории Южной Руси XI - XII вв. // История СССР. – 1966. – № 5. – С. 113 – 117.

Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. // МИА. – 1967. – № 140. – 246 с.

Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. – 1970. – № 11. – С. 56 – 64.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. – 1975. – Вып. Е 1 – 32. – 179 с.

Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Сооружения // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 136 –218.

Розенфельдт Р.Л. О производстве и датировке овручских пряслиц. // СА. – 1964. – № 4. – С. 218 – 228.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948. – 792 с.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLIII. – С. 3 – 44.

Рыбаков Б.Н. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. – 1961. – № 5. – С. 153 – 160.

Рыбаков Б.А. «Застава богатырская» на Стугне // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 90 – 92.

Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. – 1971а. – № 1. – С. 91 – 109.

Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М., 1971б. – 293 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. – М., 1993. – 602 с.

Самоквасов Д.Я. Древние города России. – СПб., 1873.

Самоквасов Д.Я. Атлас гочевских древностей. – М., 1915. – 89.

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII - XV вв). // МИА. – 1960. – № 92.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. // МИА. – 1959. – № 65.

Седова М.В. Ярополч Залесский. – М., 1978. – 158 с.

Синюк А.Т. Стоянка бродника в устье реки Богучарки // Археология и история юго-востока Древней Руси (Материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 83 – 86.

Сказание о пленном половчине // Памятники старинной русской литературы. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи / Под ред. Н. Костомарова. – СПб., 1860. – Вып. 1. – 303 с.

Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой – Перетц. – М.; Л., 1950. – 207 с.

Сміленко А.Т. Словьяни та їх сусіди в степовому Подніпровьї. – Київ, 1975. – 209 с.

Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода // МИА. – 1956. – № 55.

Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978. – 279 с.

Советское источниковедение Киевской Руси. – Л., 1979.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3 - 4. – М., 1993. – 768 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – 304 с.

Сухобоков О.В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 66 – 81.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII - XIII ст. – Київ, 1992. – 216 с.

Сухобоков О.В. Некоторые аспекты истории населения левобережной Украины в конце I – начале II тыс. н. э. // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 10 – 16.

Татищев В.Н. История Российская. – Т. 1. – М.; Л., 1962. – 500 с.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI - XIII вв. – М., 1955. – 278 с.

Толочко П.П. Этническое и государственное развитие Руси в XII - XIII веках // ВИ. – 1974. – № 2. – С. 52 – 62.

Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X - XIII вв. – М., 1975. – С. 5 – 56.

Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987. – 247 с.

Толочко П.П. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX - XIII вв. // Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989. – с. 112 – 125.

Тонков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. – М., 1913.

Тропин Н.А. Елецкая земля в XII - XV веках // Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Воронеж, 1996. – 23 с.

Тропин Н.А. Елецкая земля в XII - XV вв. – Елец., 1999. – 148 с.

Труды XII Археологического съезда. – М., 1905 – Т. 3.

Узянов А.А., Кашкин А.В. Историческая динамика размещения населения на юго-восточной границе Черниговской земли (поселения IX - XIII в. долины

р. Рать). // Тез. ист.-арх. семинара «Чернигов и его округа в IX - XIII вв». – Чернигов, 1990. – С. 159 – 162.

Успенская В.В., Фехнер М.В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-восточной Руси X - XIII вв». Очерки по истории русской деревни X - XIII вв. // Труды ГИМ. – 1956. – Вып. 32. – С. 183 – 200.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М., 1966. – 275 с.

Федоровський О., Археологічні розкопки в околицях Харькова // Хрон. арх. мистецтва. – В. 1. – 1930. – С. 5 – 10.

Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. – 1975. – № 4. – С. 5 – 13.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. – М. – СПб., 1995. – 704 с.

Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси в XII – XIV вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Киев, 1987. – 24 с.

Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII - XIV вв. в Подонье // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 121 – 124.

Цыбин М.В. У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси: В.В. Пассек // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С. 98 – 104.

Цыбин М.В. В.А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // Исторические записки. – Вып. 4. – Воронеж, 1999а – С. 204 – 215.

Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Вып. 13. – Воронеж, 1999б – С. 130 – 139.

Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова И.А. Земледелие и промыслы. // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 219 – 242.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 1. – С. 199 – 209.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. – 1980. – № 2. – С. 192 – 202.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 82 – 92.

Шоков А.Ф. Половецкие памятники Подонья // Известия ВГПИ. – 1964. – Т. 45. – С. 131 – 140.

Шоков А.Ф. Каменное изваяние на кургане (К половецким памятникам Подонья) // Изв. ВГПИ. – 1967. – Т. 84. – С. 65 – 68.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962. – 402 с.

Шрамко Б.А., Цепкин Е.А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII - XIII вв. // СА. – 1963. – № 2. – С. 74 – 84.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. – Киев, 1977. – 214 с.

Шрамко Б.А. Хорошевское городище // Археология славянского юго-востока. Материалы к межвуз. науч. конф. – Воронеж, 1991. – С. 50 – 59.

Шриттер И. Известия византийских историков объясняющий Российскою историю древних времен и переселения народов. – СПб.; 1775.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М., 1972. – 215 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. – Л., 1979. – 164 с.

Якубовский А.Ю. Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь) в XI - XIII вв. до прихода монголов // Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и ее падение. – М.; Л., 1950.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия Наук СССР

АО – Археологические открытия

АС – Археологический съезд

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВИ – Вопросы истории

ГИМ – Государственный исторический музей

ЗРАО – Записки Русского археологического общества

ИА – Институт археологии

КБЧ – Книга Большому Чертежу

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ТМКСА – Труды Международного конгресса славянской археологии

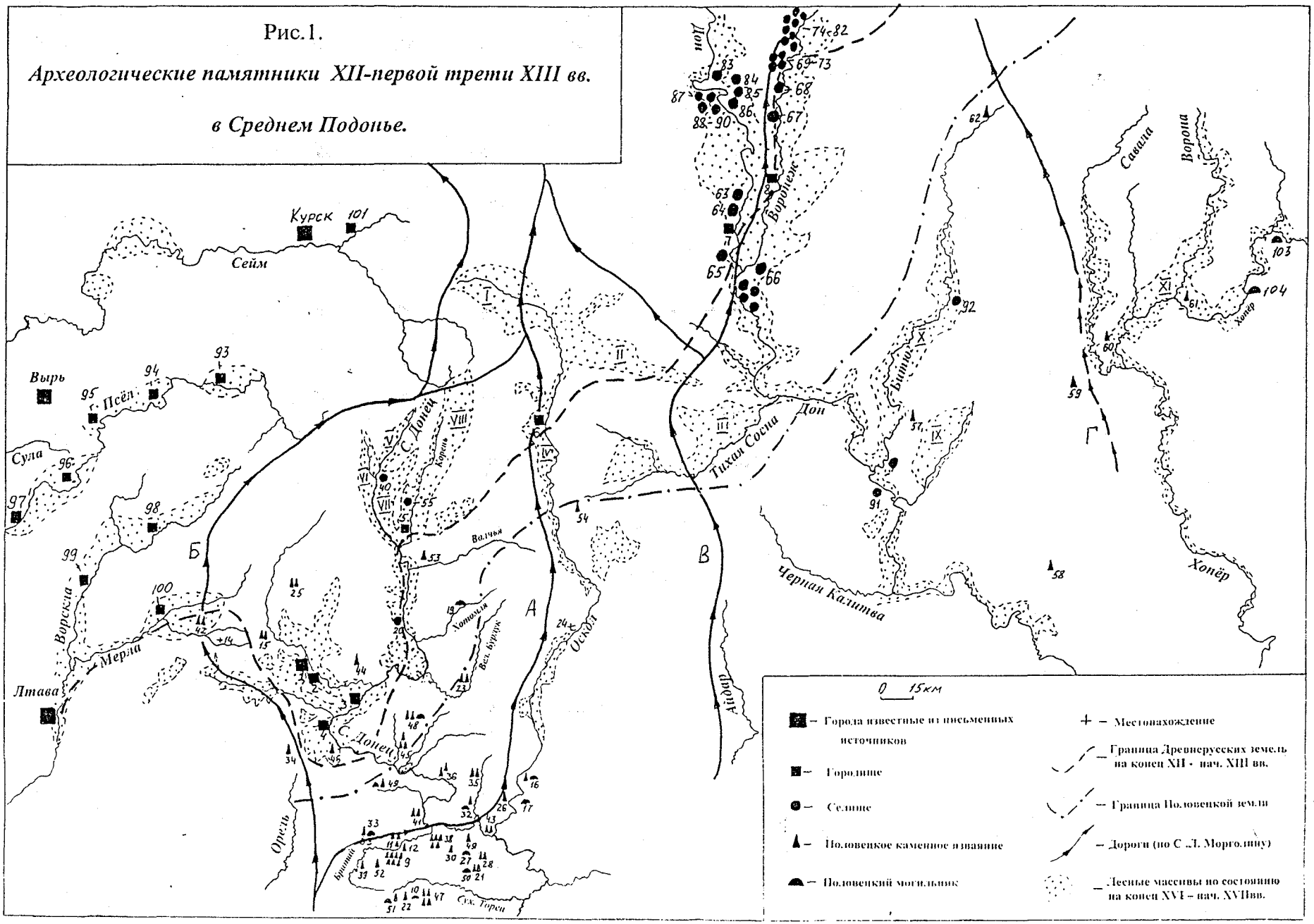
ТКГУАК – Труды Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис.1.

Археологические памятники XII-первой трети XIII вв.

в Среднем Подонье.



Приложение к рис. 1

Лесные массивы: I – Пузацкий лес; II – Погорелый лес; III – Куколав лес; IV – Жестовы горы; V – Болховые бояраки; VI – Долгий лес; VII – Разумный лес; VIII – Юшковы бояраки; IX – Шипова дубрава; X – Хреновской лес; XI – Теллермановский лес.

Дороги: А – Изюмская; Б – Муравская; В – Кальмиусская; Г – Ногайская.

Памятники: 1 – Донецкое городище; 2 – Хорошево; 3 – Мохнач; 4 – Гайдары; 5 – Крапивное; 6 – Холки; 7 – Семилуки; 8 – Животинное; 9 – Мечебилово; 10 – Николаевка; 11 – Семеновка; 12 – Секретаровка; 13 – Верхняя Самара; 14 – Павлово; 15 – Ярошевка; 16 – Боровая; 17 – Пески; 18 – Малая Волчья; 19 – Ганнополье; 20 – Старый Салтов; 21 – Курулька; 22 – Ковалевка; 23 – Сергеевка; 24 – Тополи; 25 – Карасевка; 26 – Комаровка, 27 – Бражковка; 28 – Долгенькое; 29 – Изюм; 30 – Дмитриевка; 31 – Малая Камышеваха; 32 – Глинское; 33 – Миролюбовка; 34 – Охочее; 35 – Кунье; 36 – Савинец; 37 – Новоселовка; 38 – Великая Камышеваха; 39 – Александровка; 40 – Анпилово; 41 – Протопоповка; 42 – Миролюбовка; 43 – Букин; 44 – Рогань; 45 – Пришиб; 46 – Гомольша; 47 – Богодарово; 48 – Петровское; 49 – Асеевка; 50 – Григорьевка; 51 – Ивановка; 52 – Княгин Лиман; 53 – Плетеневка; 54 – Покровка; 55 – Никольское; 56 – Шишино; 57 – Нижний Кисляй; 58 – Старая Криуша; 59 – Бурляевка; 60 – Новохоперский р-н; 61 – Борисоглебск; 62 – Политово (ныне близ с. Новопокровка); 63 – Терновое; 64 – Губарево; 65 – Орлов лог; 66 – Шилово; 67 – Курино; 68 – Вербилово; 69 – 73 – Крутогорье; 74 – 82 – Романово; 83 – Ниж. Казачье; 84 – в устье р. Репца; 85 – Данышино; 86 – Введенка; 87 – Замятино; 88 – 90 – Ксизово; 91 – Верхний Карабут; 92 – Дрониха, с. Старая Тишанка; 93 – Гочево; 94 – Горналь; 95 – Сумы; 96 – Шпилевка; 97 – Броварское гнездо (с. Каменное); 98 – Ницахи; 99 – Журавное; 100 – Могилки (Мерчанское гнездо); 101 – Бесединский комплекс; 102 – Титовский комплекс; 103 – Лесное; 104 – Третьяки.

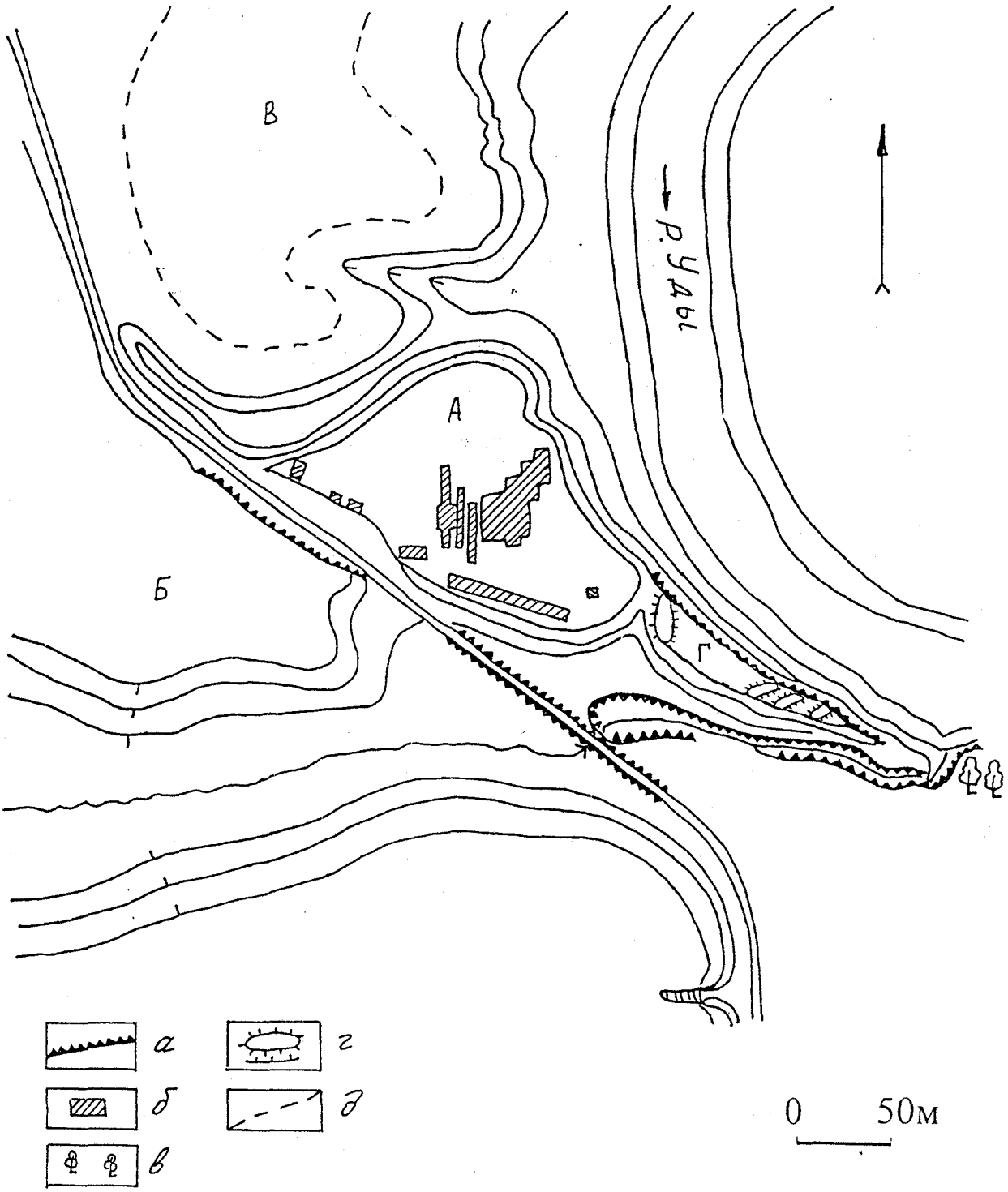


Рис. 2. Донецкое городище. План (по Б. А. Шрамко): А, Б, В - посад, Г - детинец; условные обозначения: а - обнажение, б - контуры раскопов, в - деревья, г- вал и ров, д - граница посада В.

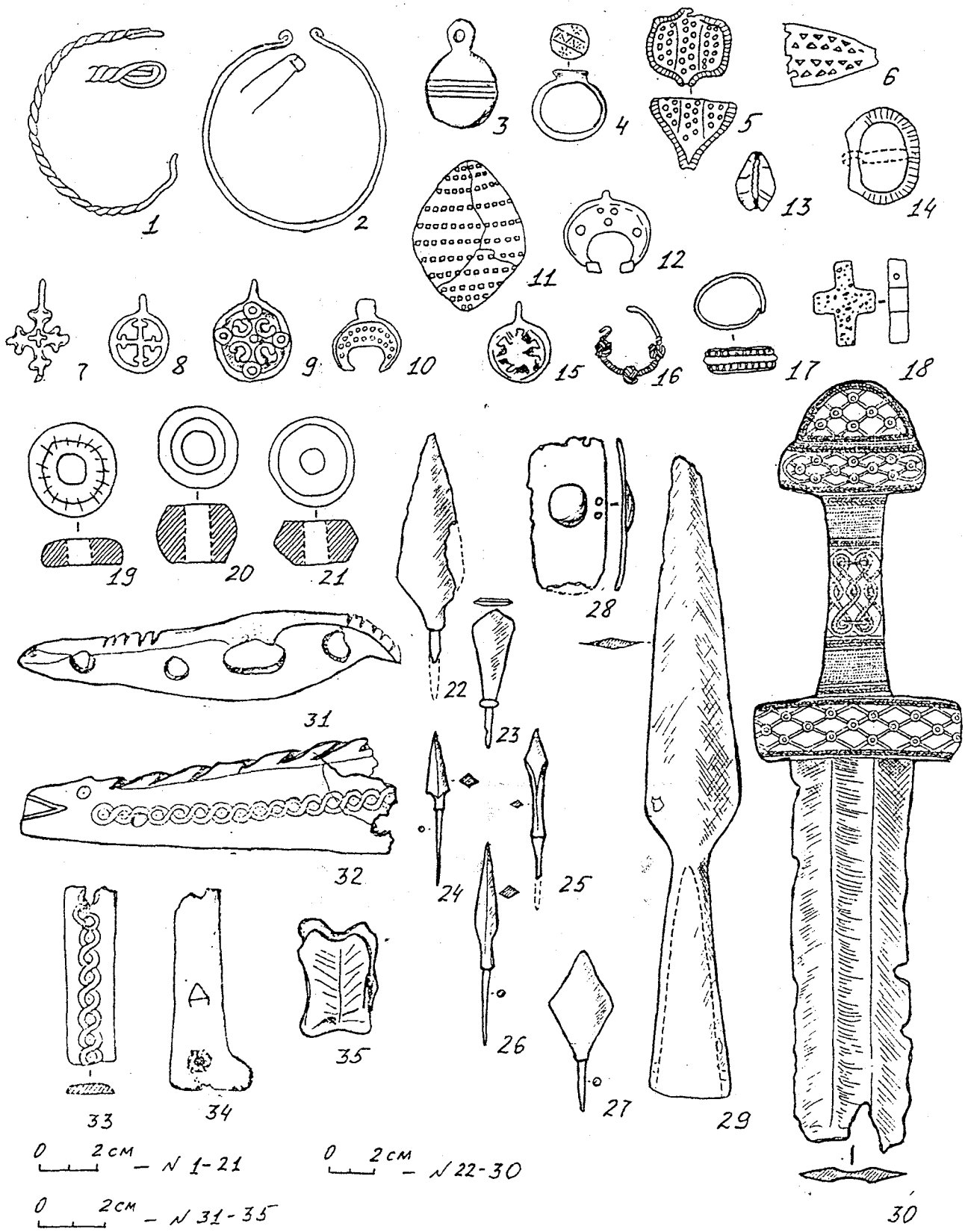


Рис. 3. Донецкое городище. Материалы из культурного слоя.

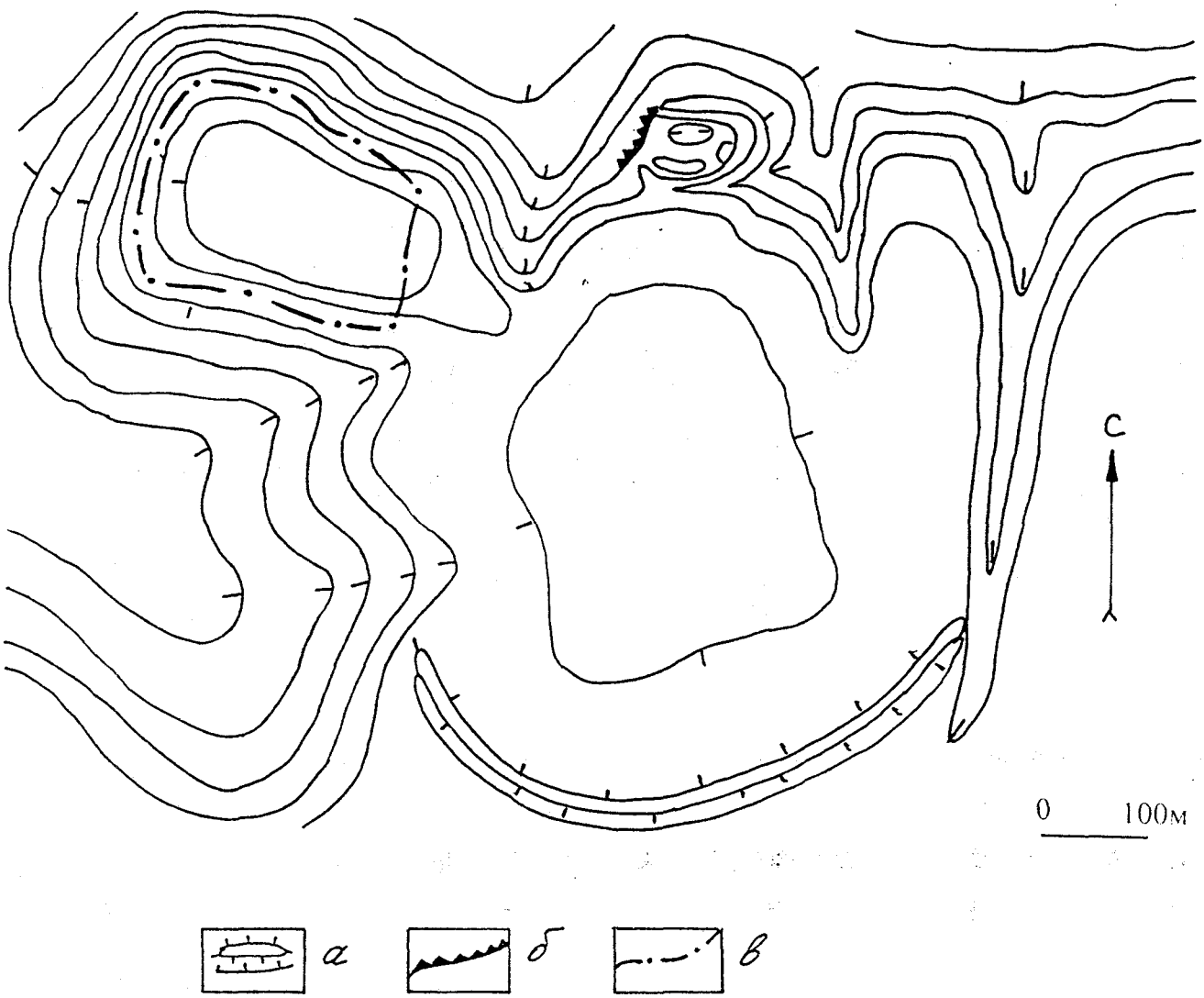


Рис. 4. Городище Хорошево. План (по Б. А. Шрамко): а - вал и ров, б - обнажение, в - граница распространения материалов древнерусского времени.

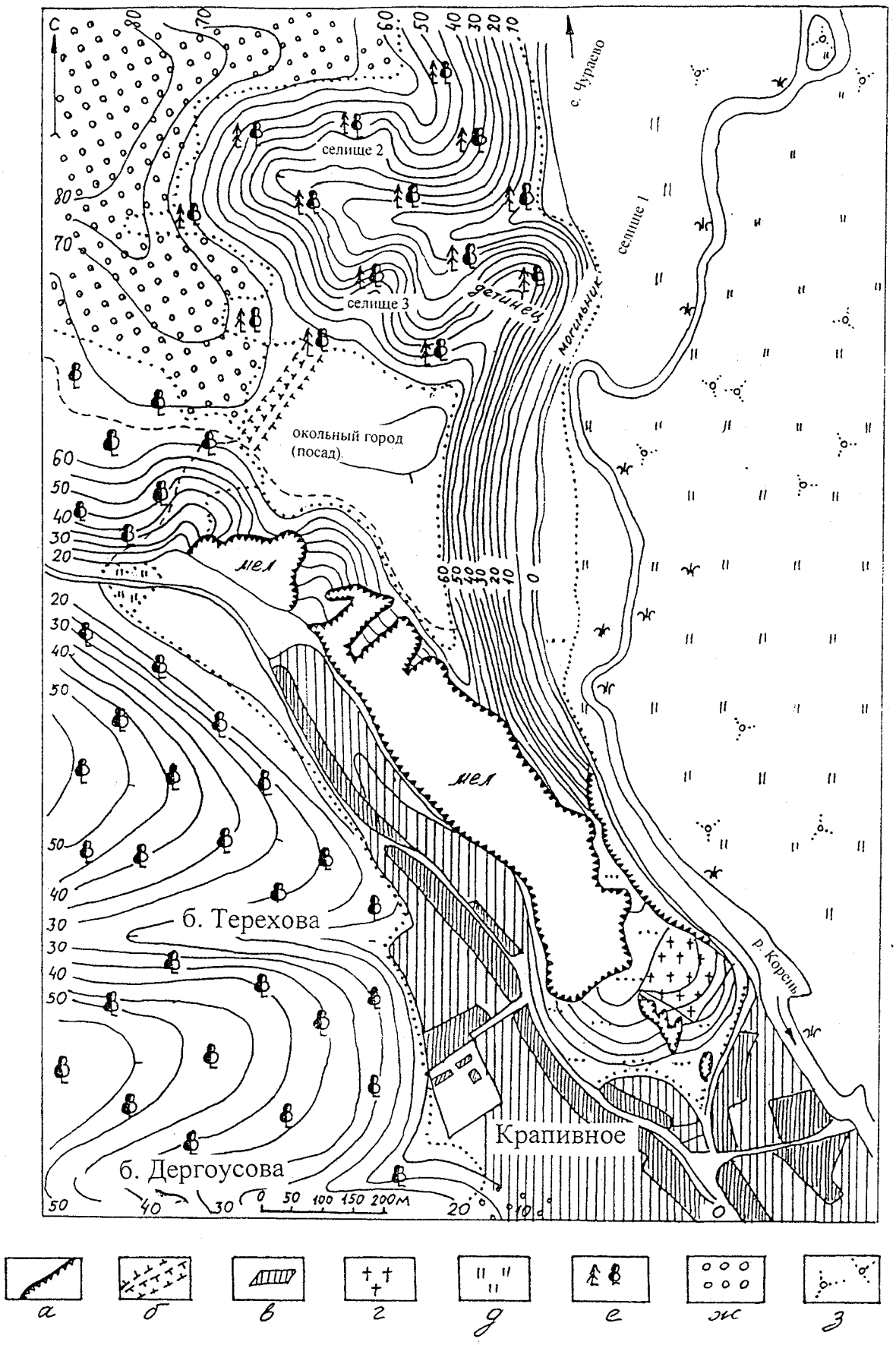


Рис. 5. Городище Крапивное. План (А.Г. Дьяченко): а – обнажение, б – вал и ров, в – граница застройки, г – кладбище, д – луг, е – смешанный лес, ж – фруктовый сад, з – кустарник.

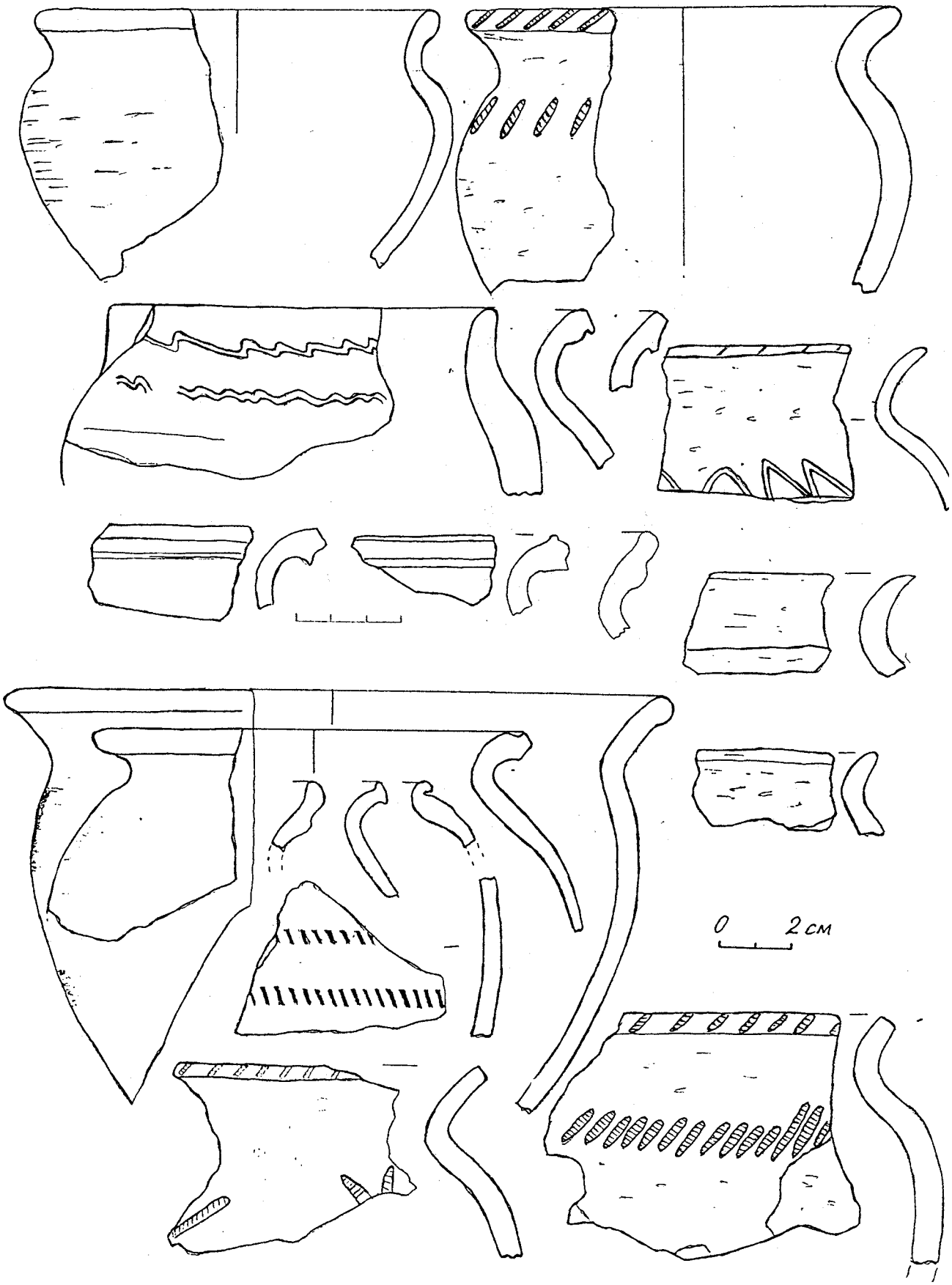


Рис. 6. Городище Крапивное. Керамика из культурного слоя.

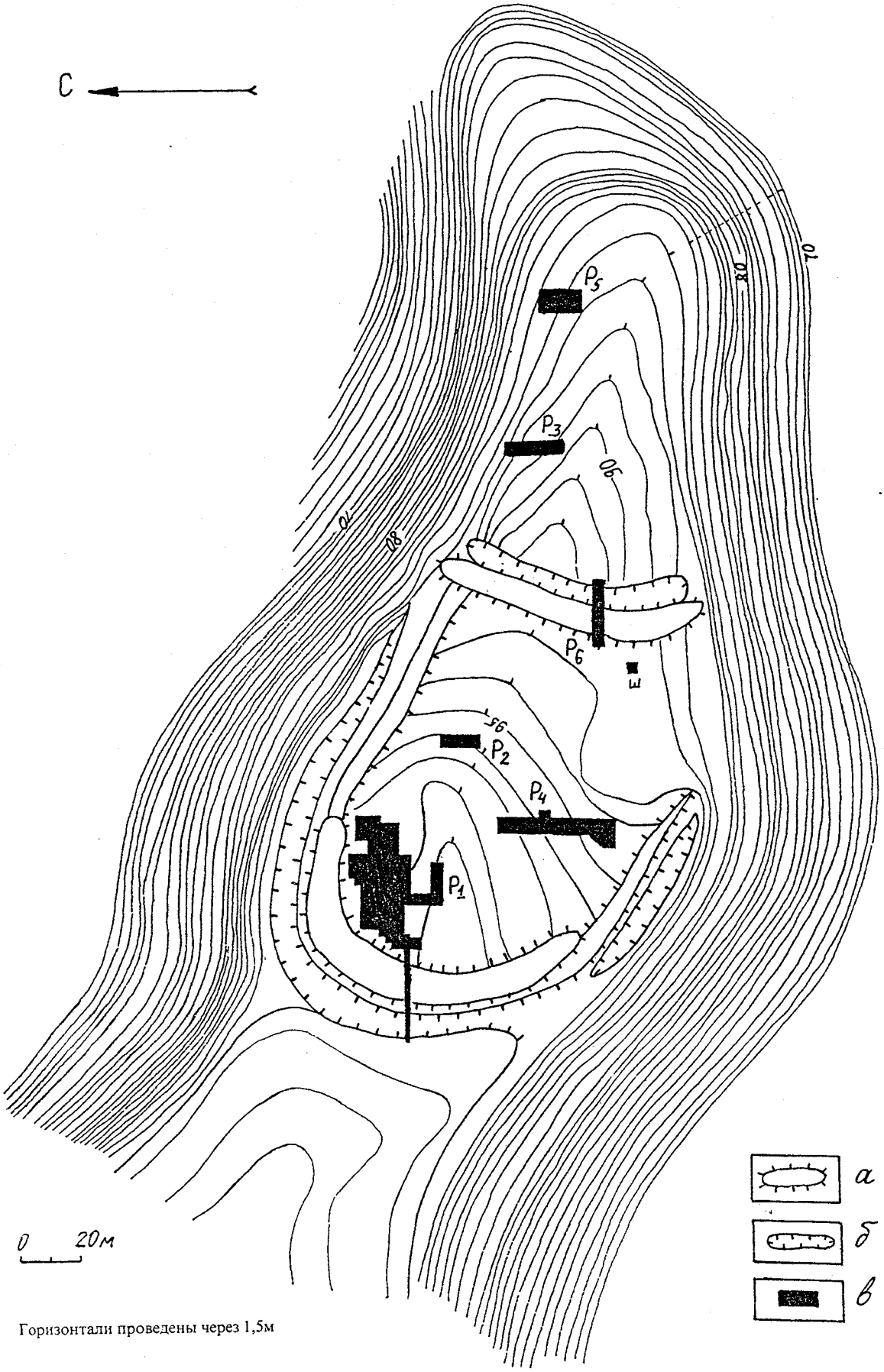


Рис. 7. Городище Холки. План: а- вал ; б - ров; в – контуры раскопов.

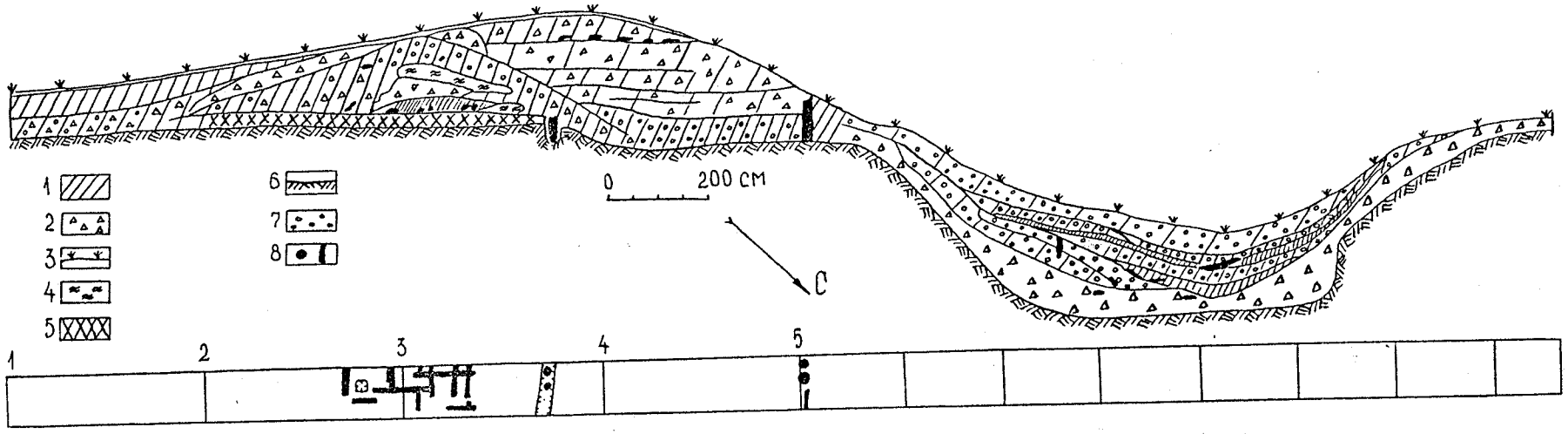


Рис. 8. Городище Холки. Разрез внешней линии укреплений: 1 - гумус, 2 - меловой щебень, 3 - дерн, 4 - глина, 5 - древняя погребенная почва, 6 - материк, 7 - меловая крошка, 8 - обугленное дерево.

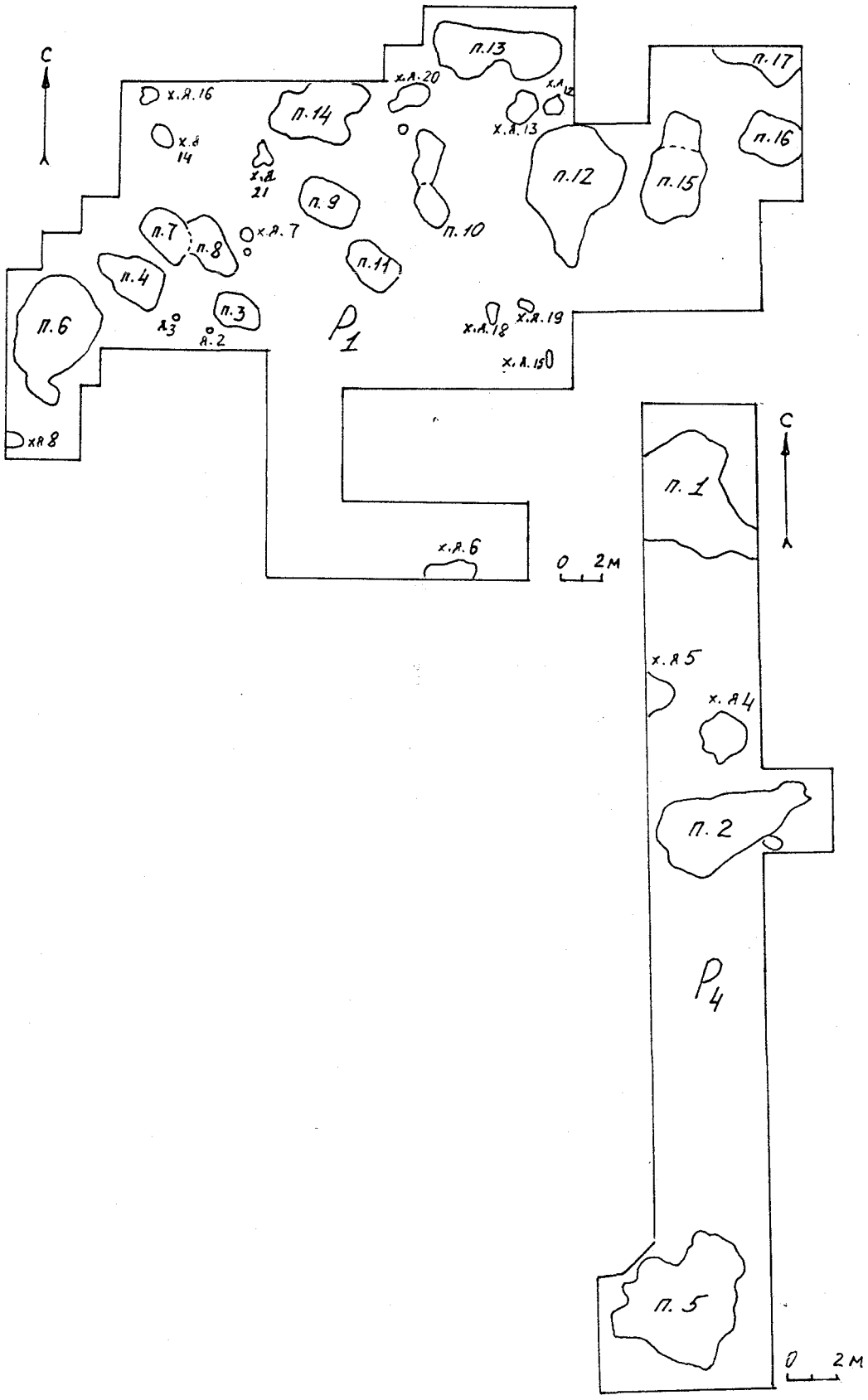


Рис. 9. Городище Холки. Планы раскопов 1, 4.

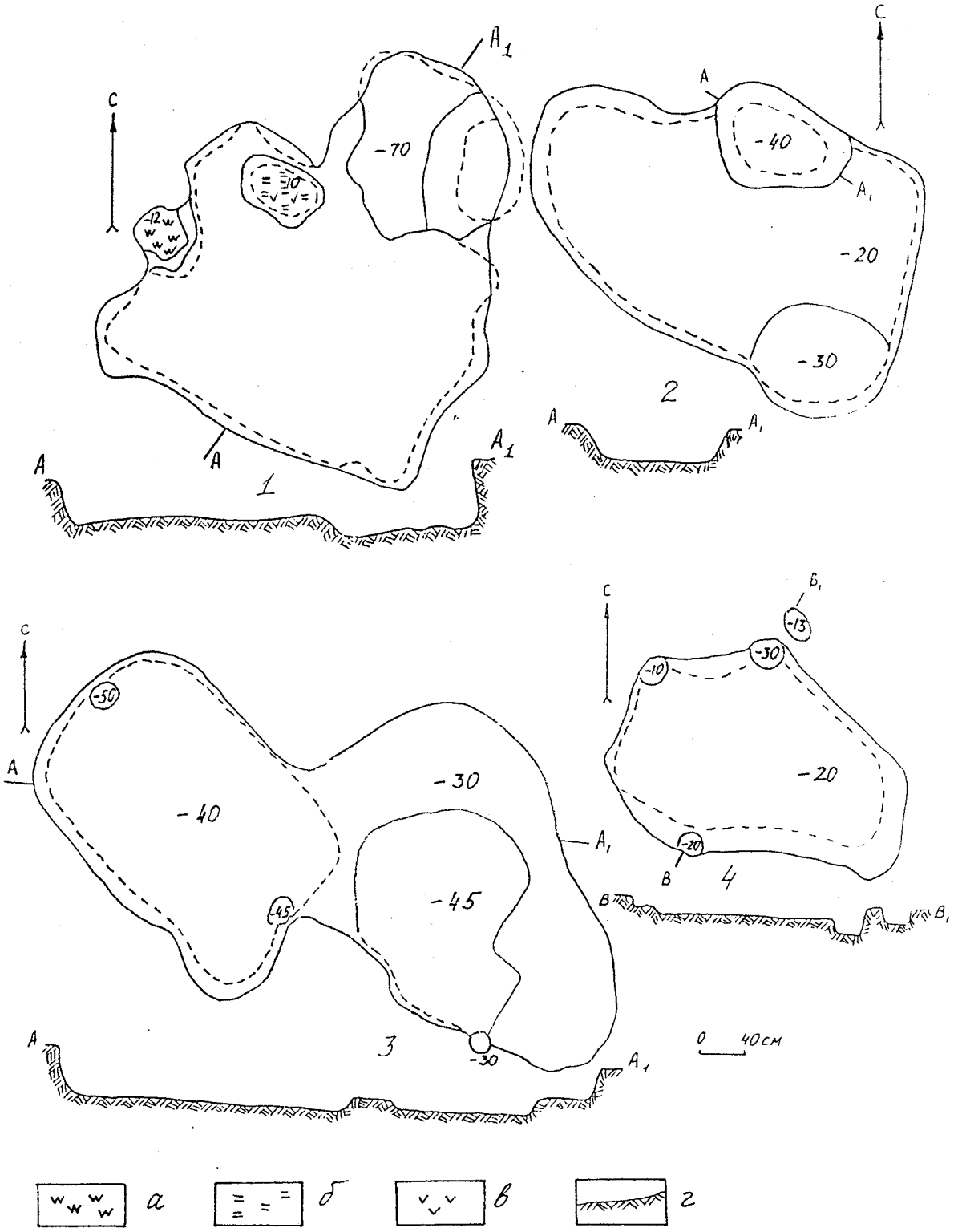


Рис. 10. Городище Холки. План и разрезы построек 1 (1); 3 (4); 4 (2); 7,8 (3): а - очаг, б - обожженная глина, в - угли, г - материк.

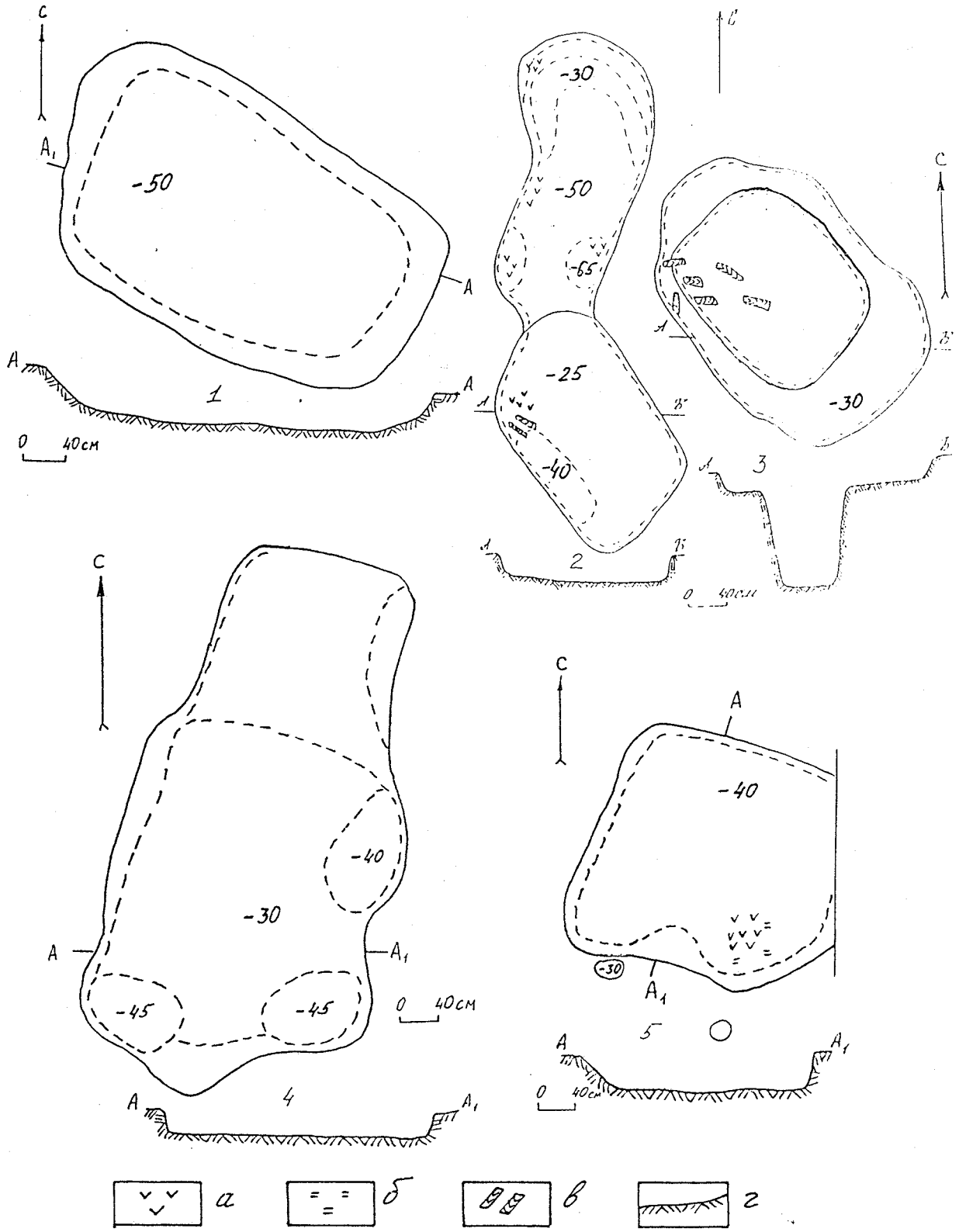


Рис. 11. Городище Холки. План и разрезы построек 9 (1); 10 (2); 11 (3); 15 (4); 16 (5): а - угли, б - обожженная глина, в - обгоревшее дерево, г - материк.

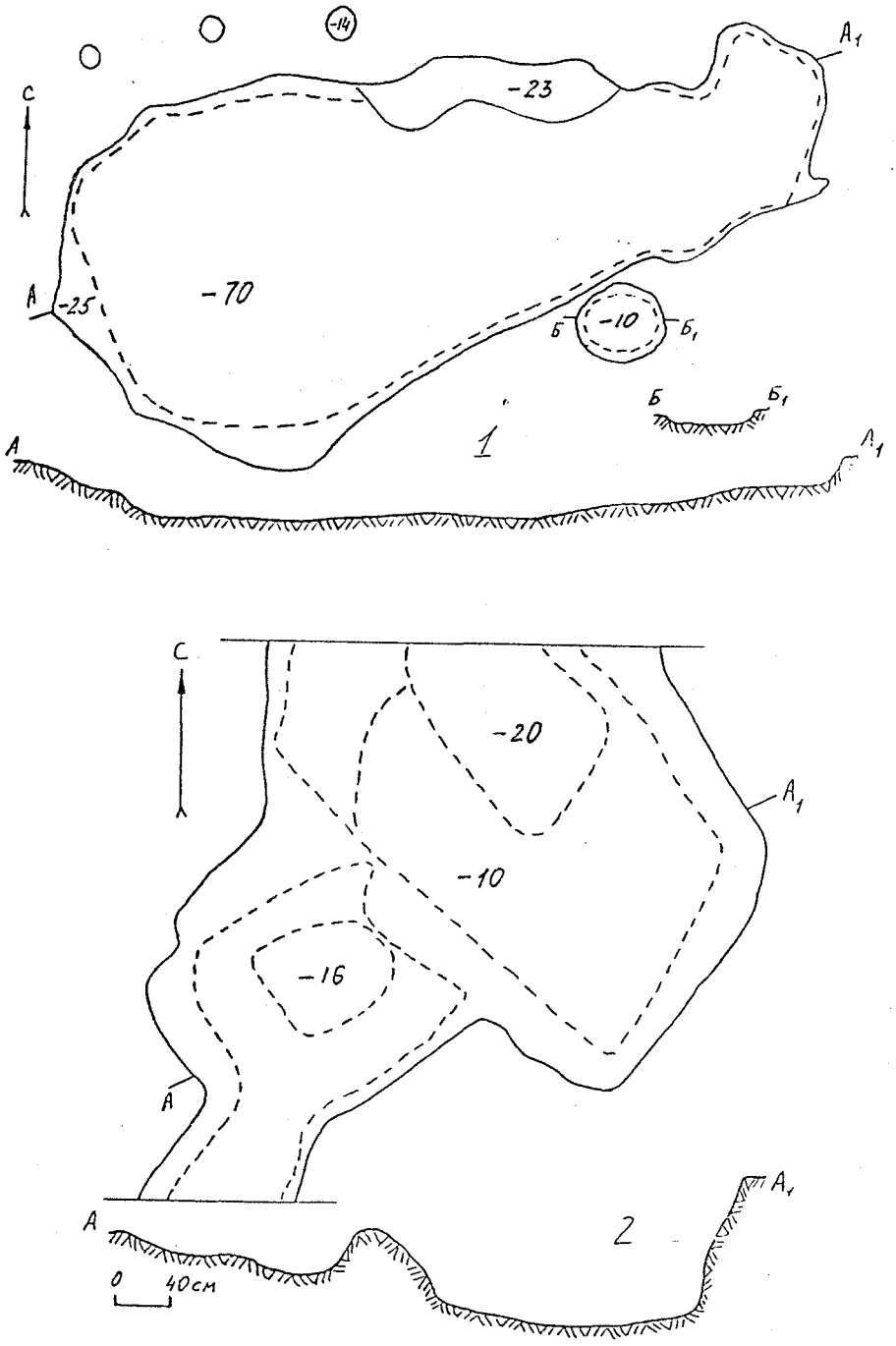


Рис. 12. Городище Холки. Планы и разрезы построек 2(1); 5(2).

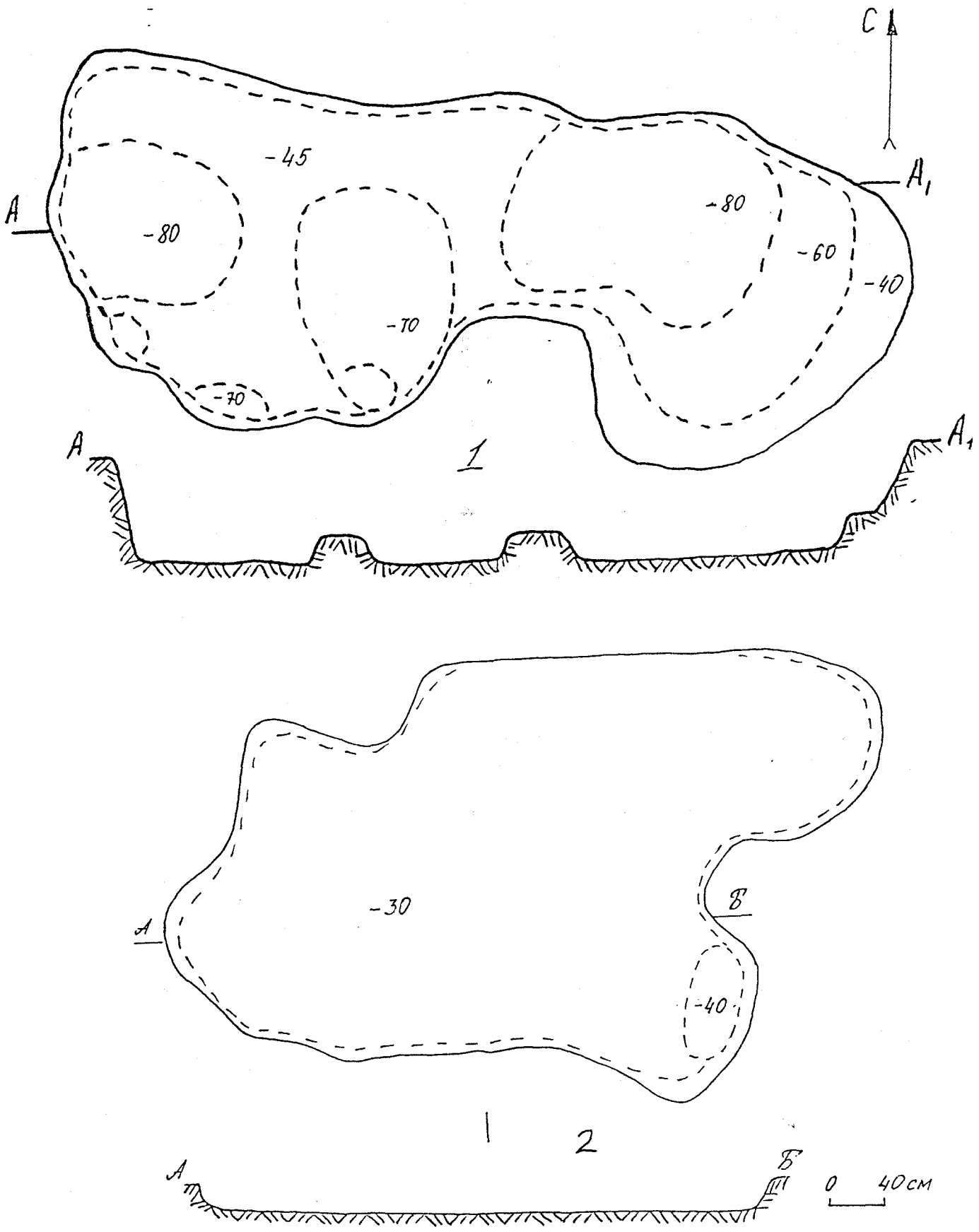


Рис. 13. Городище Холки. Планы и разрезы построек 13(1); 14(2).

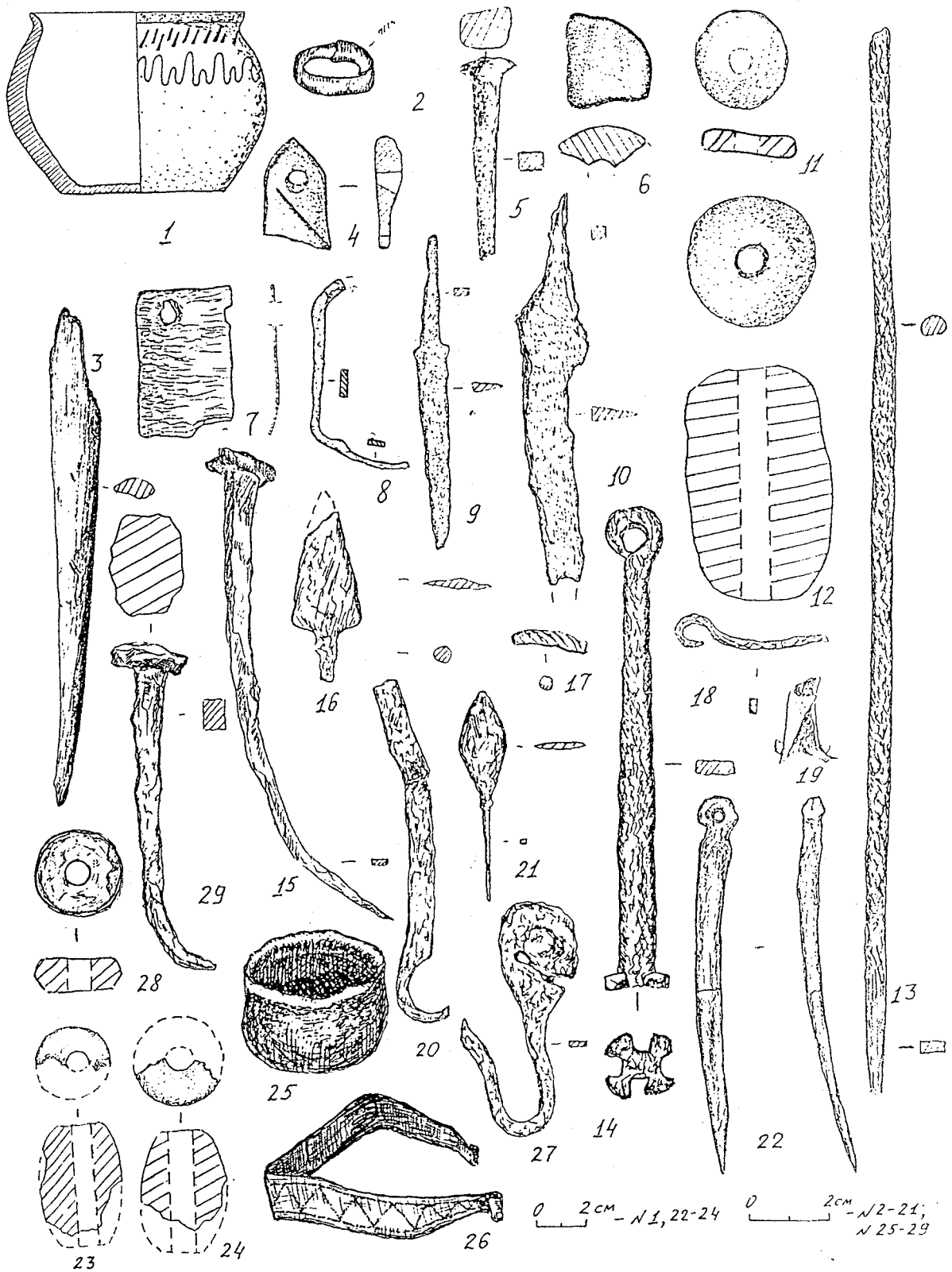


Рис. 14. Городище Холки. Находки из построек.

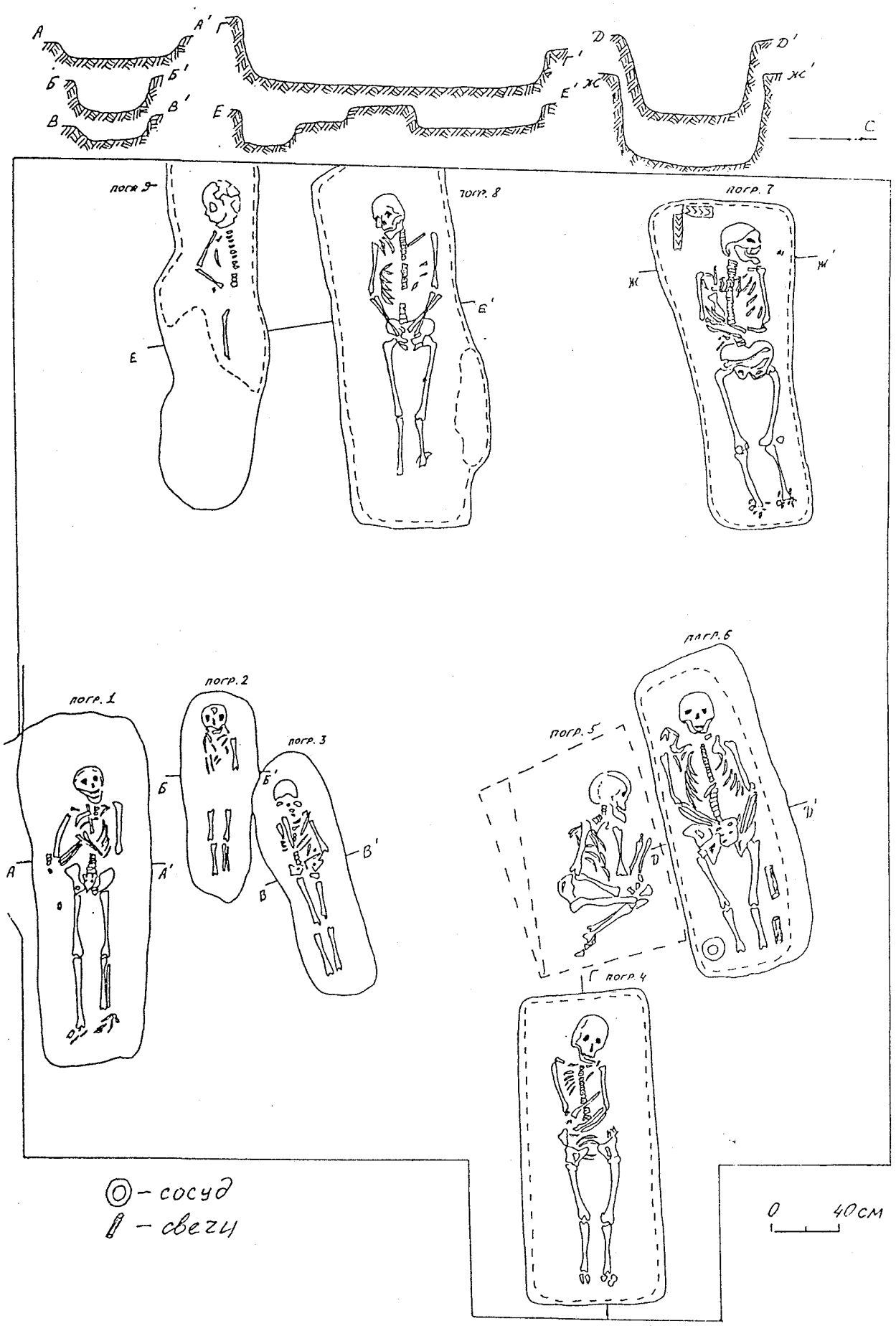


Рис. 15. Городище Холки. Древнерусские погребения.

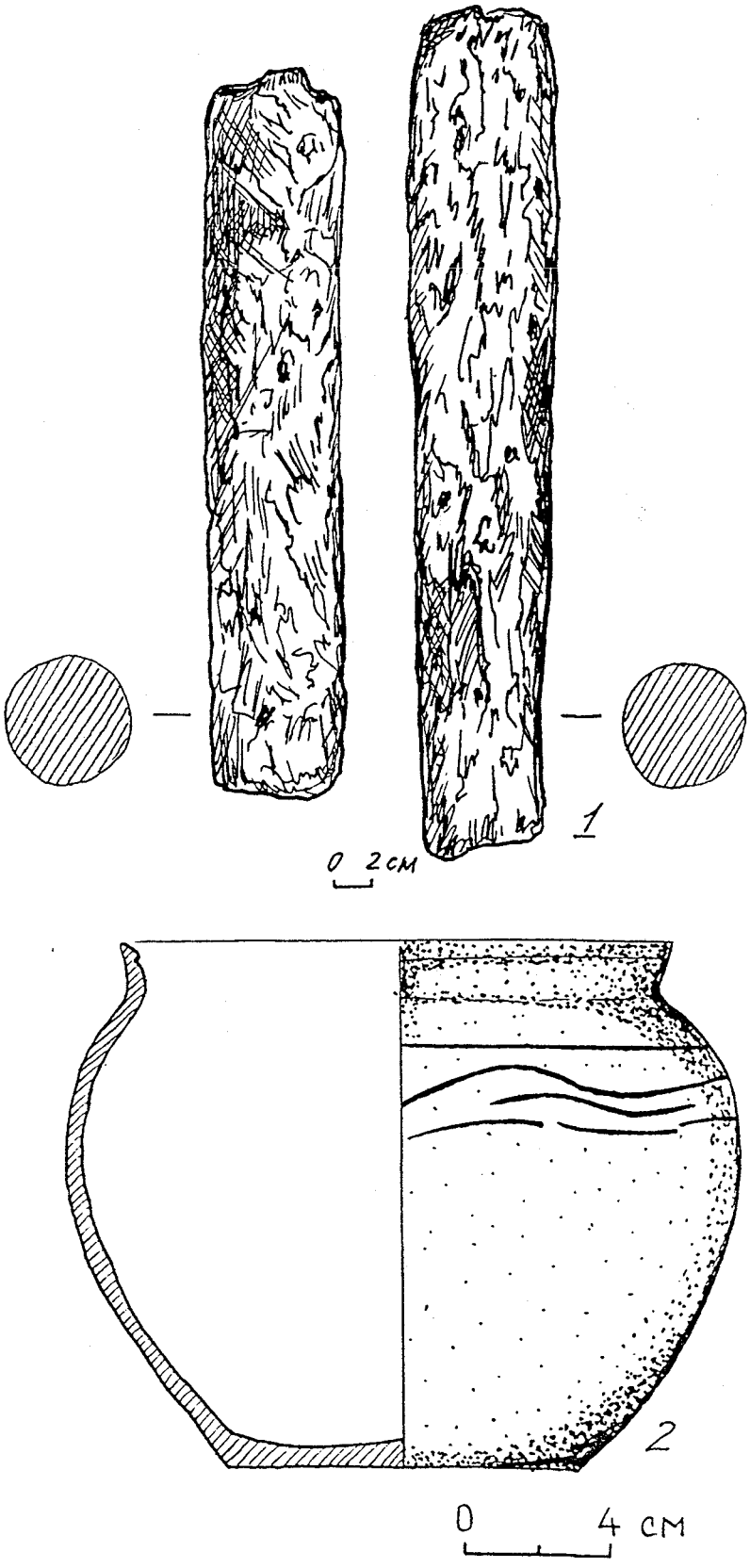


Рис. 16. Городище Холки. Материалы из погребения 6.

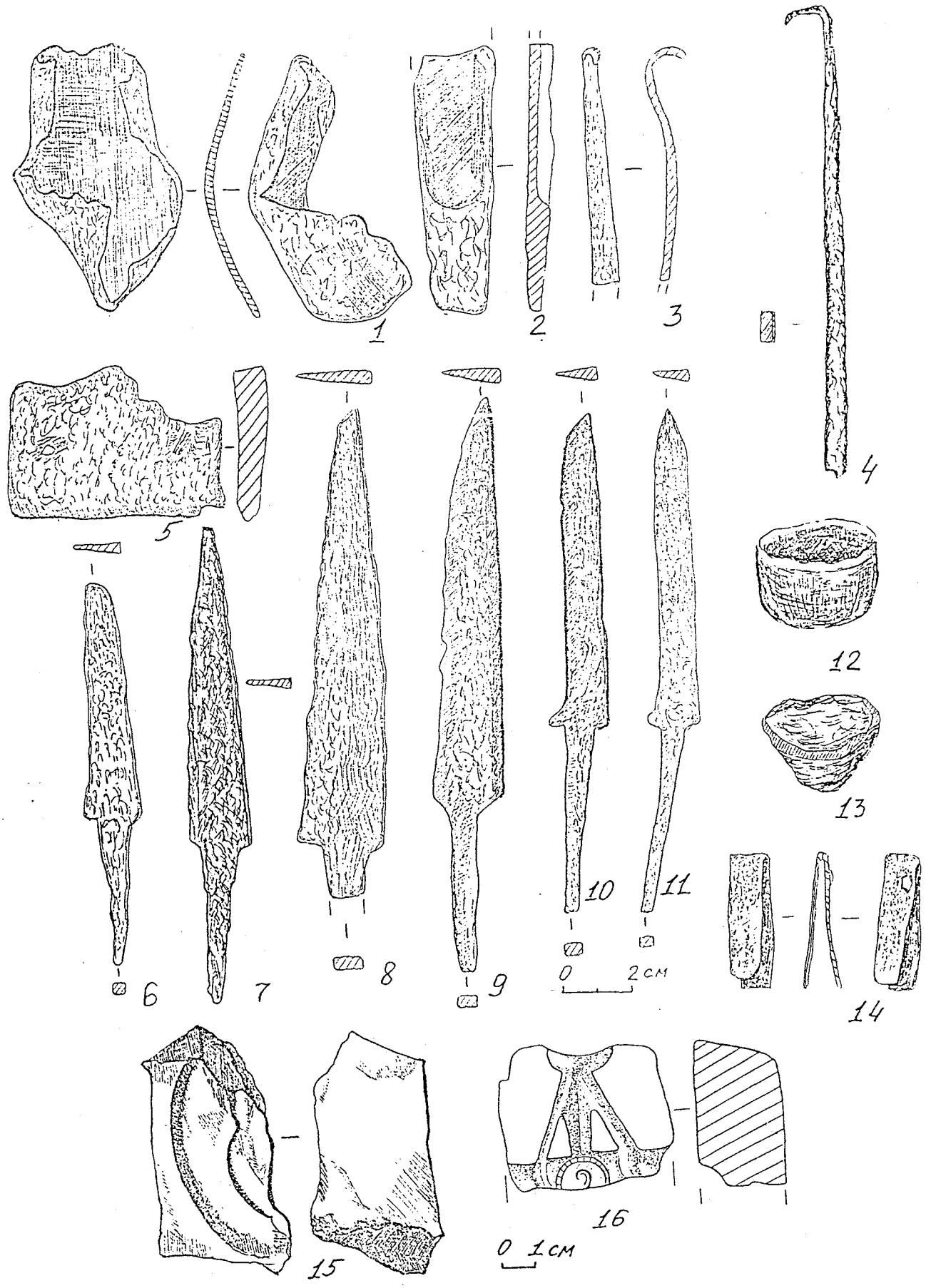


Рис. 17. Городище Холки. Материалы из культурного слоя.

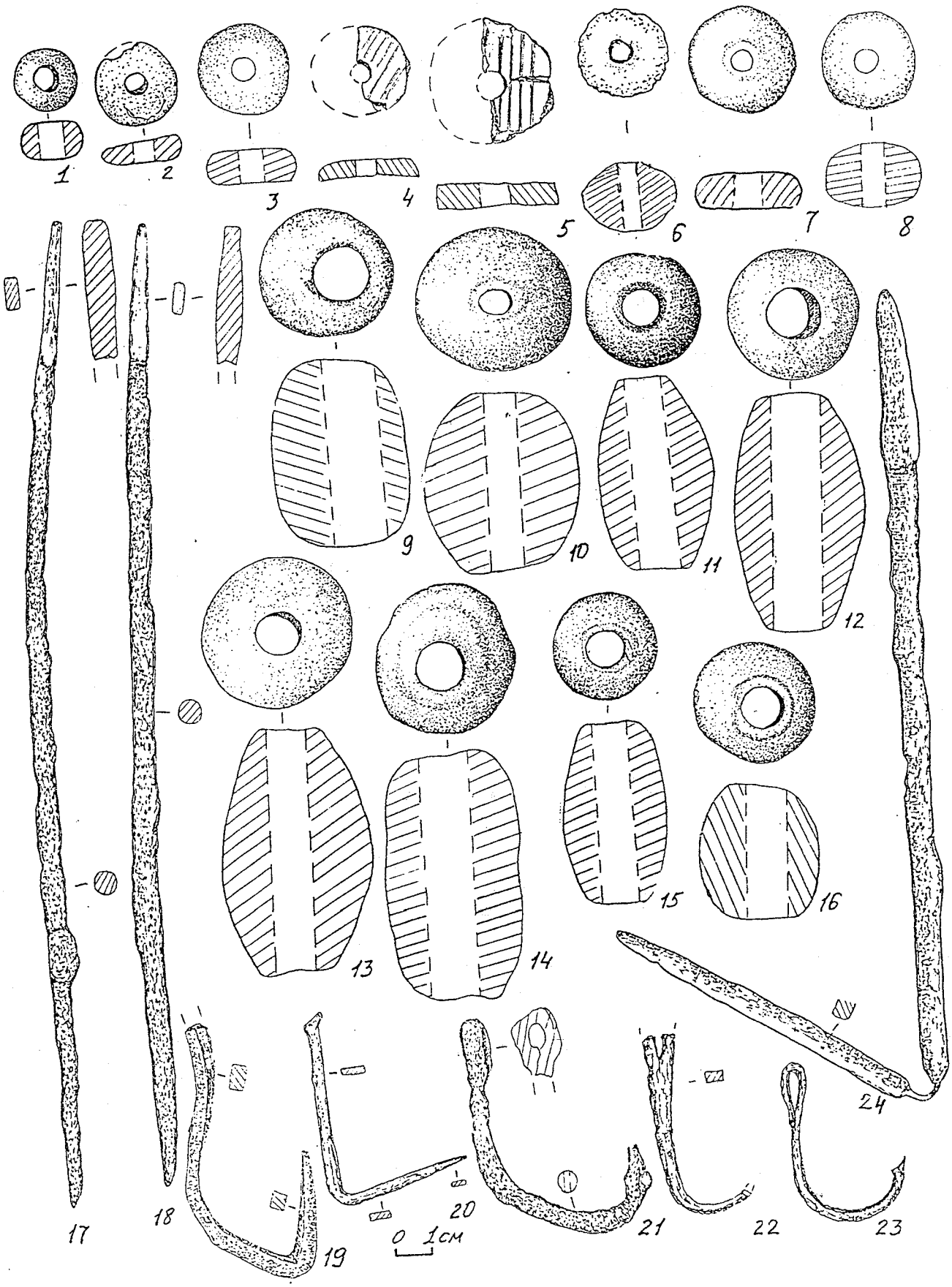


Рис. 18. Городище Холки. Материалы из культурного слоя.

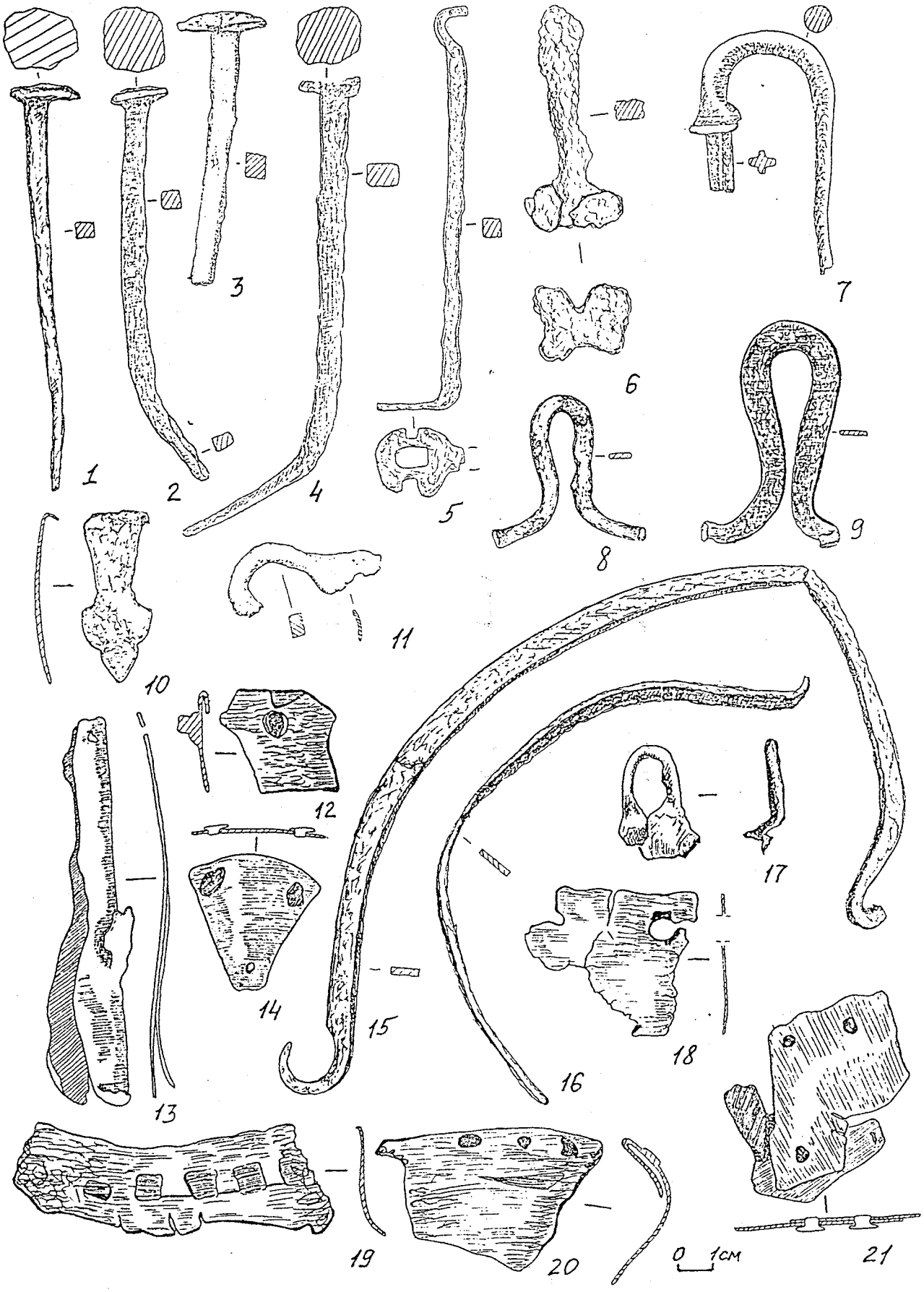


Рис. 19. Городище Холки. Предметы быта из культурного слоя.

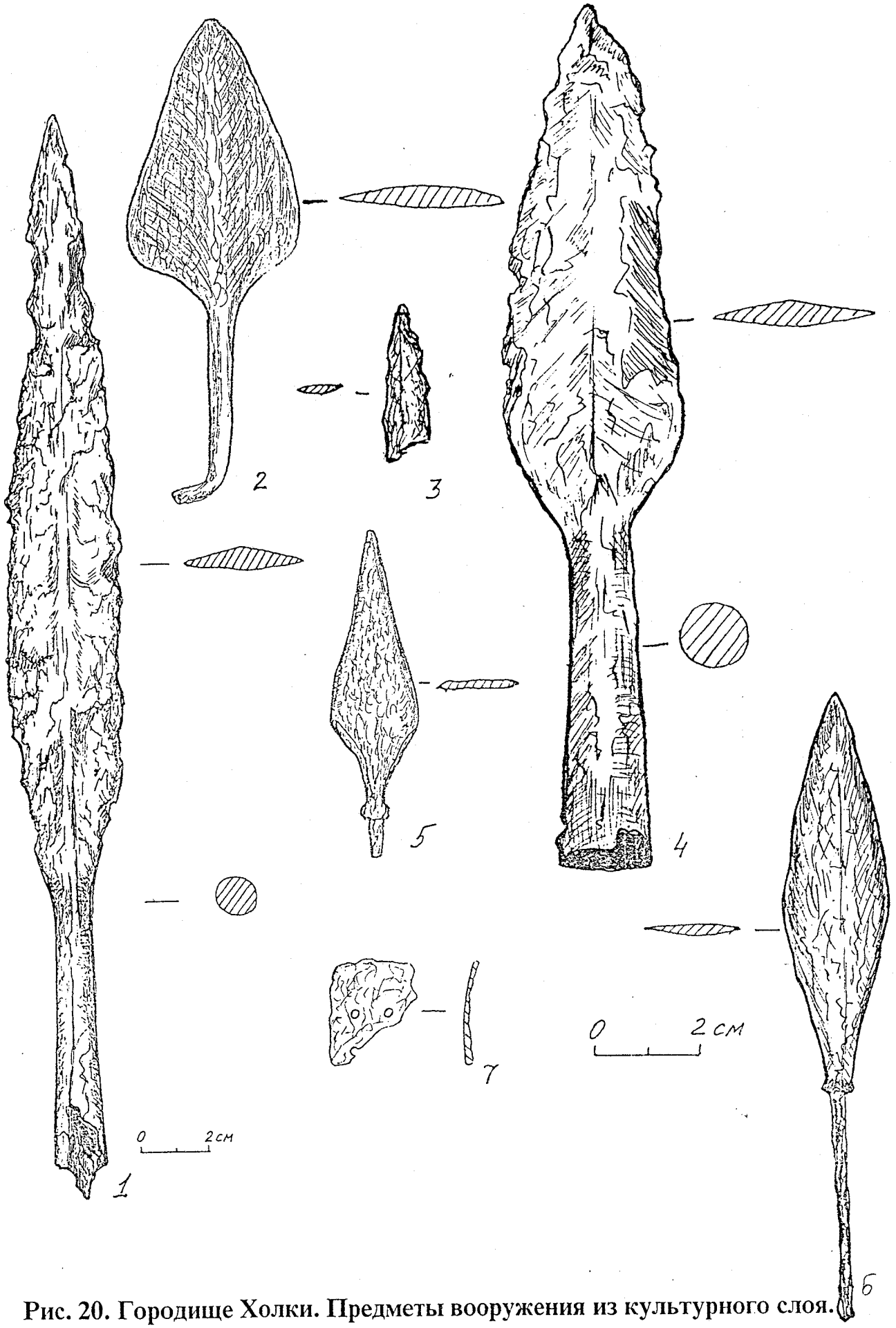


Рис. 20. Городище Холки. Предметы вооружения из культурного слоя.

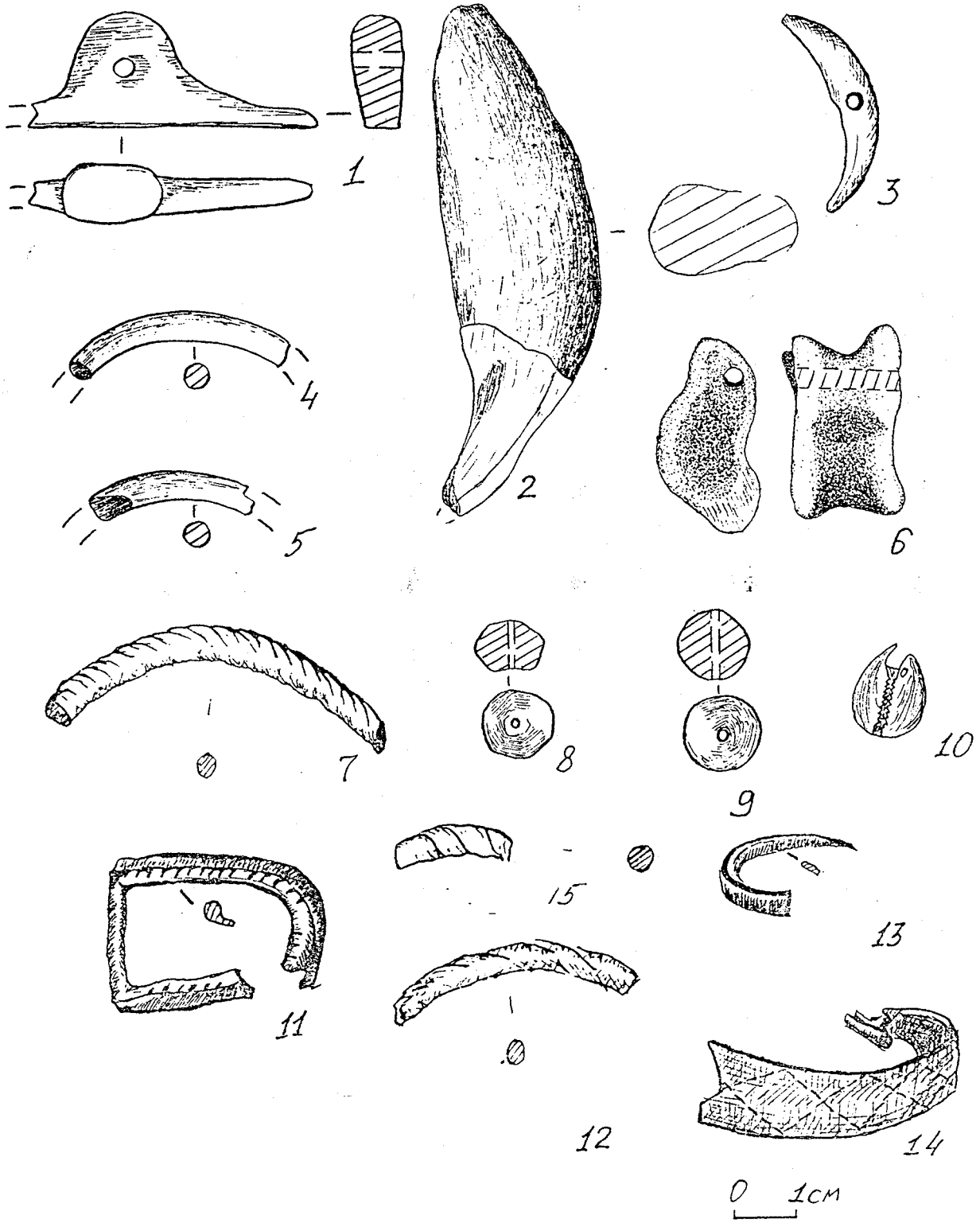


Рис. 21. Городище Холки. Амулеты и украшения из культурного слоя.

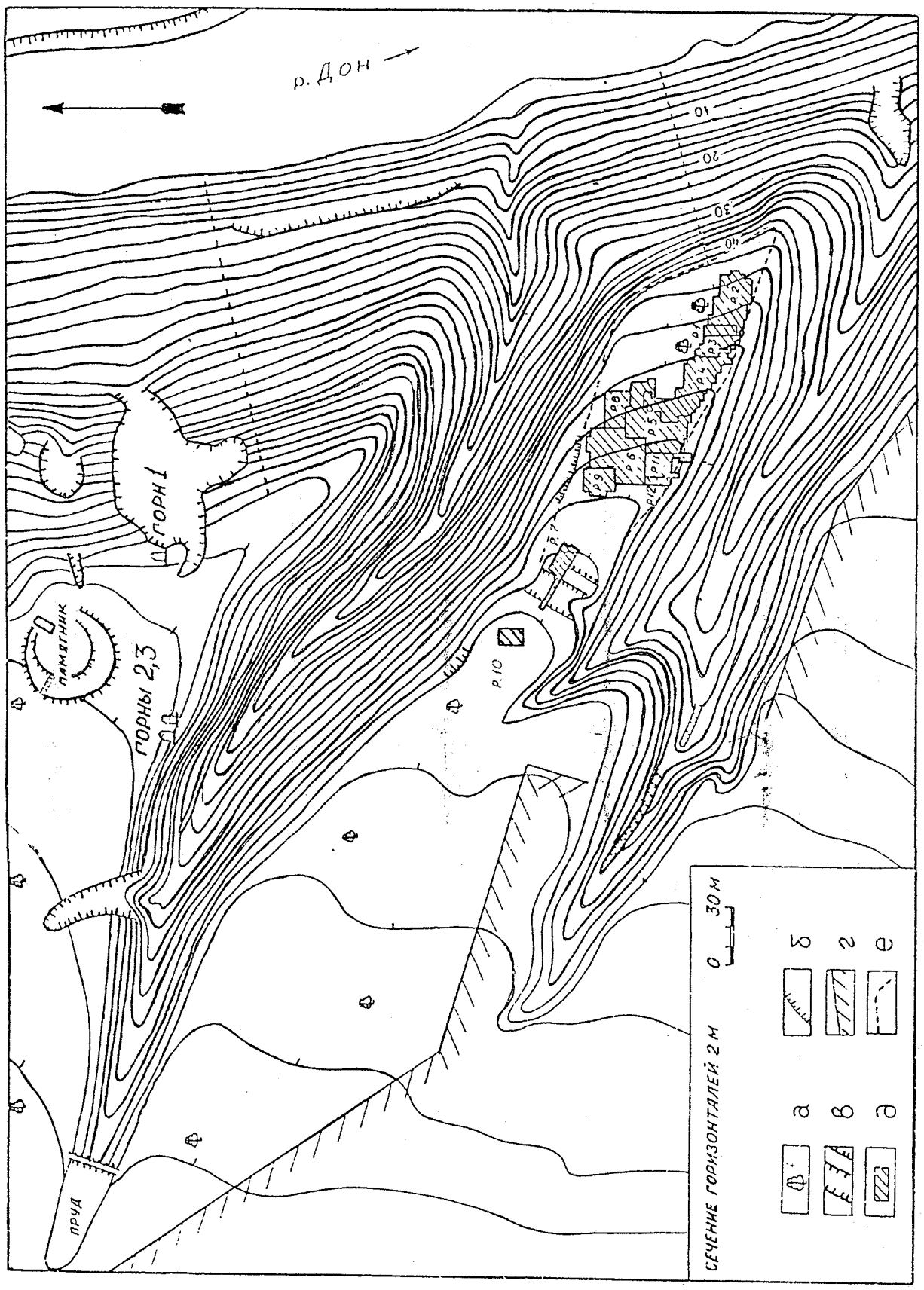


Рис. 22. Городище Семилуки. План (по М. В. Цыбину): а - парковые деревья, б - обнажение, в - ров и вал, г - граница городской застройки, д - раскопы, е - граница площадки городища.

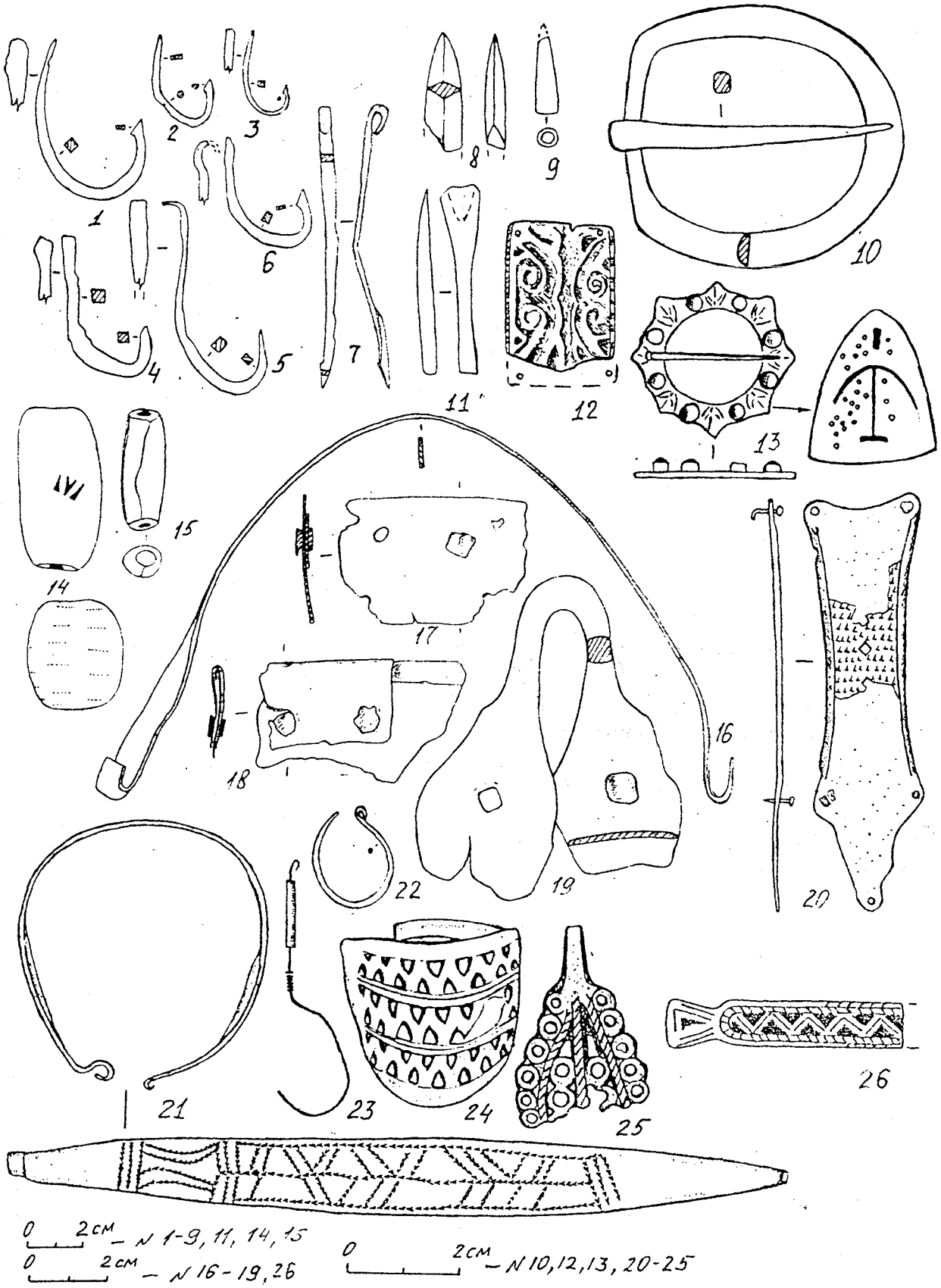


Рис. 23. Городище Семилуки. Материалы из культурного слоя.

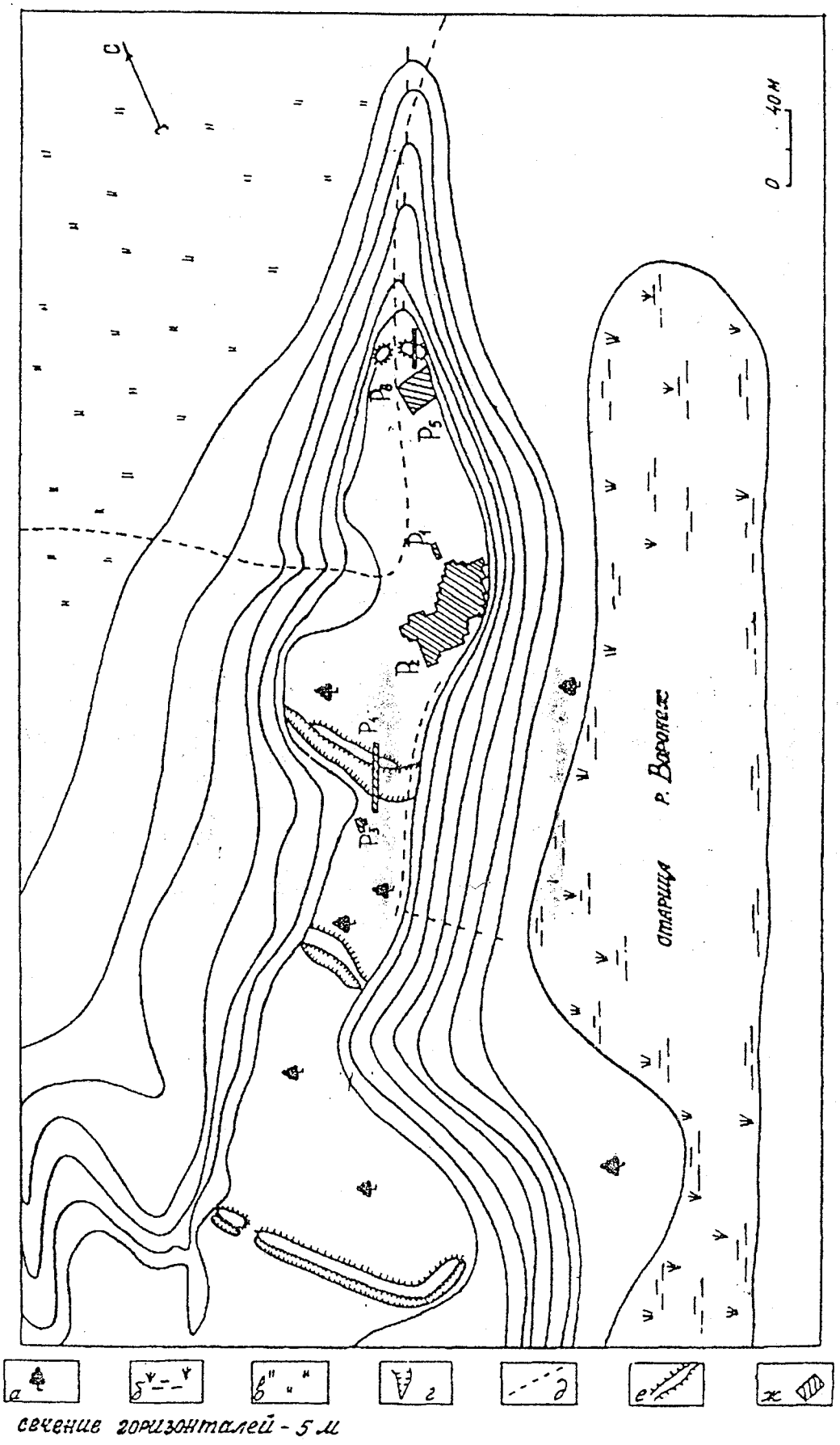


Рис. 24. Городище Животинное. План: а - деревья, б - заболоченная местность, в - луг, г - ров, д - тропинка, е - вал, ж - раскоп.

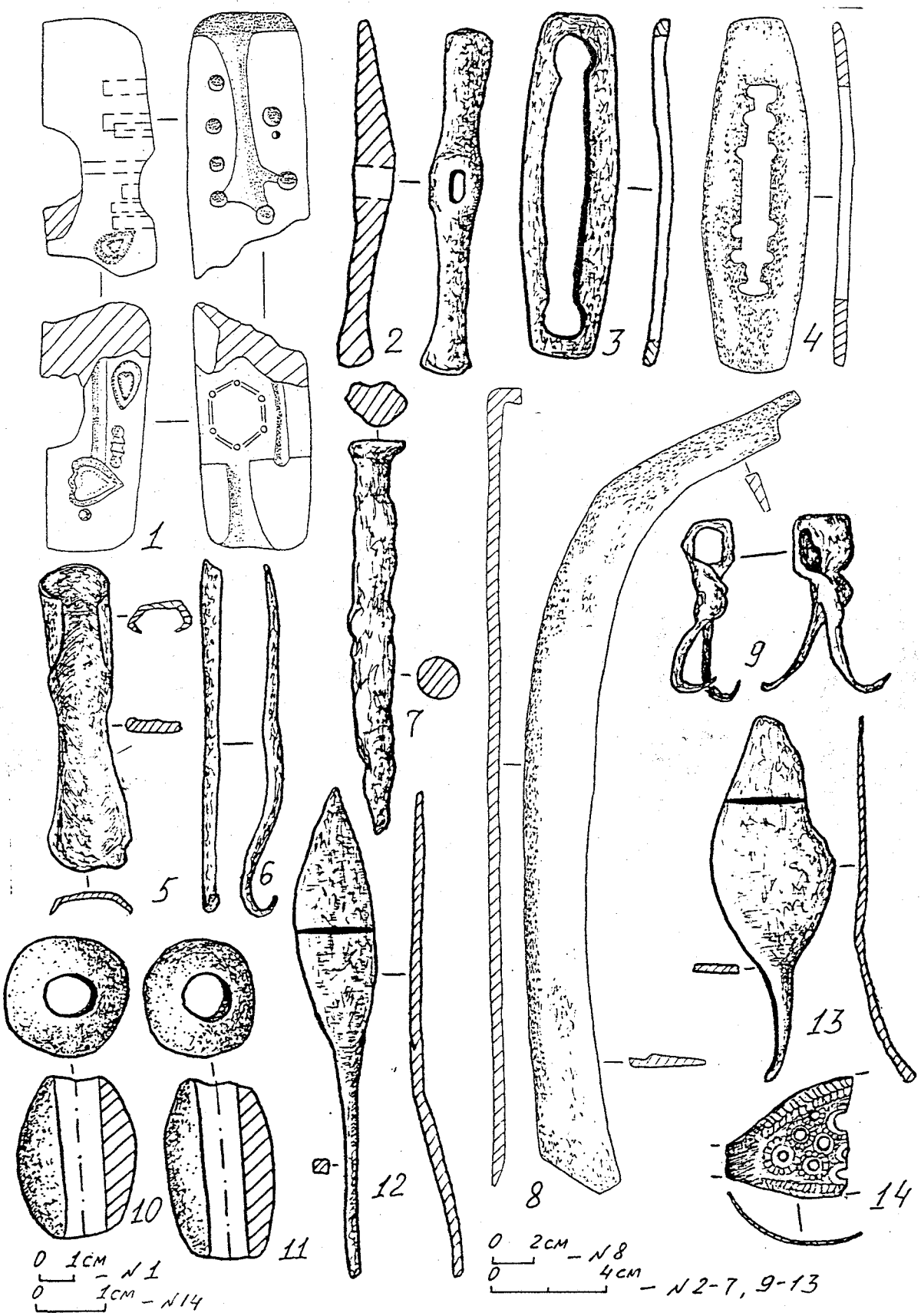


Рис. 25. Городище Животинное. Материалы из культурного слоя.

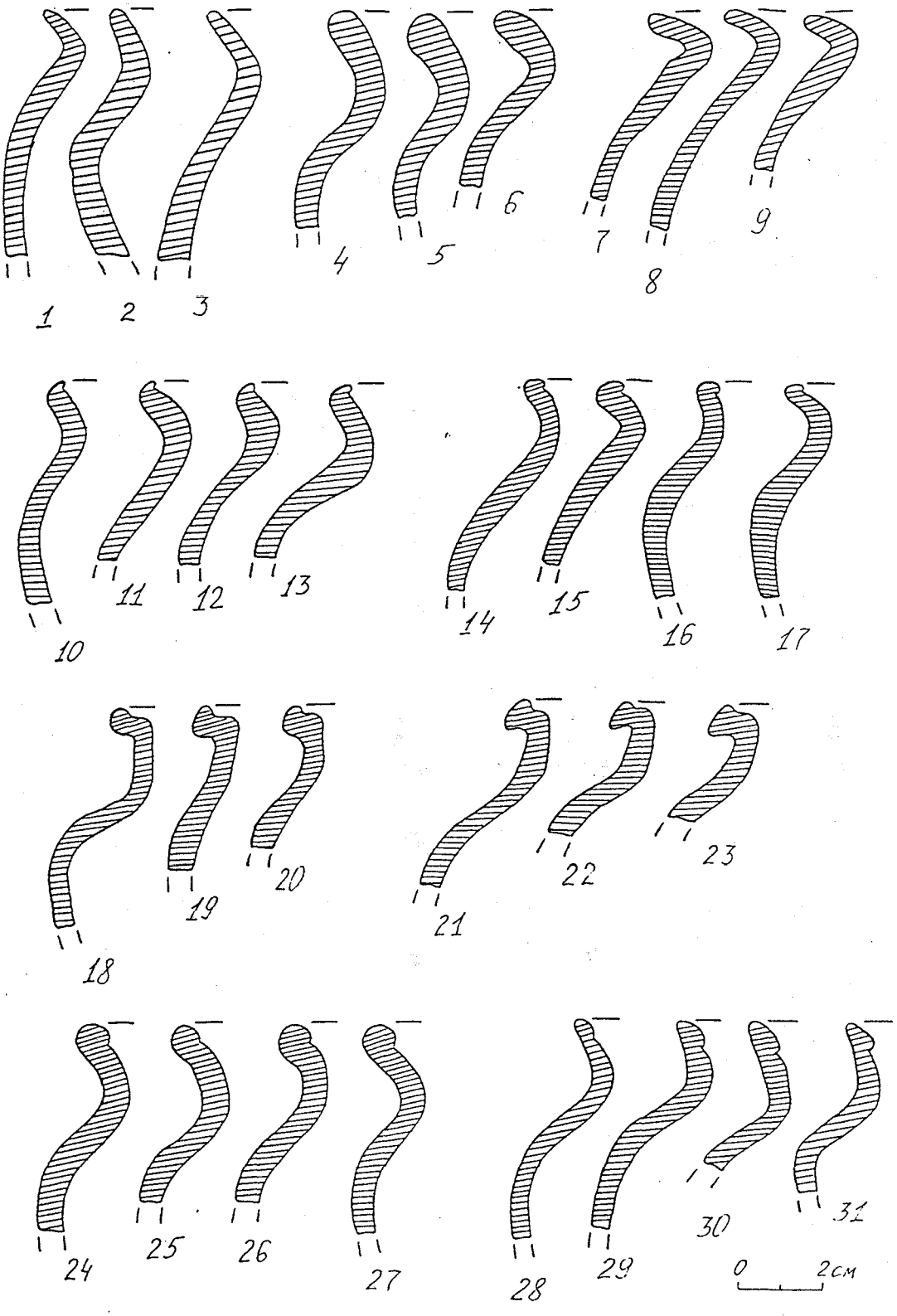


Рис. 26. Основные типы древнерусской керамики городищ Лесостепного Подонья.

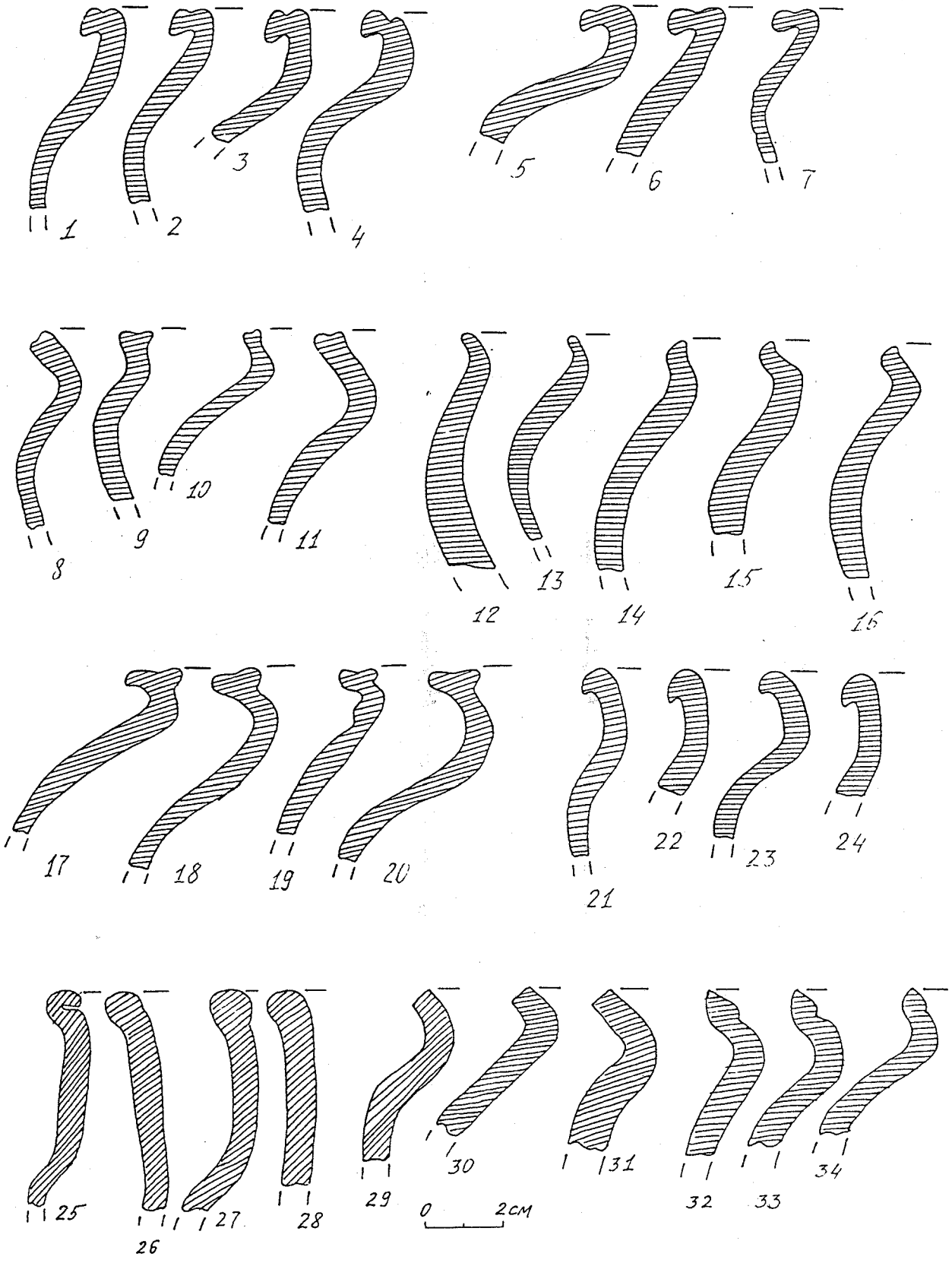


Рис. 27. Основные типы древнерусской керамики городищ Лесостепного Подонья (продолжение рис. 26).

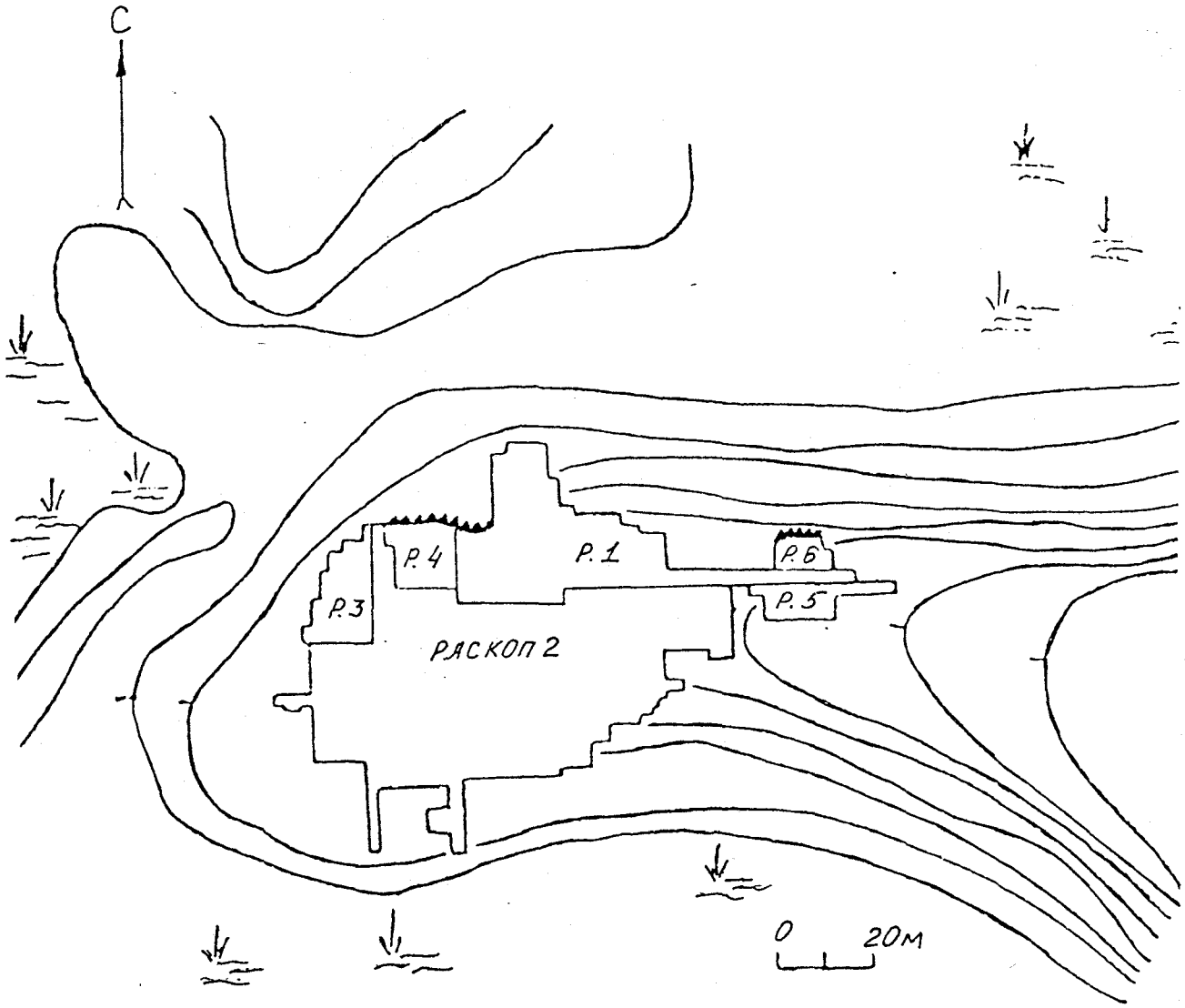


Рис. 28. Шиловское поселение. План

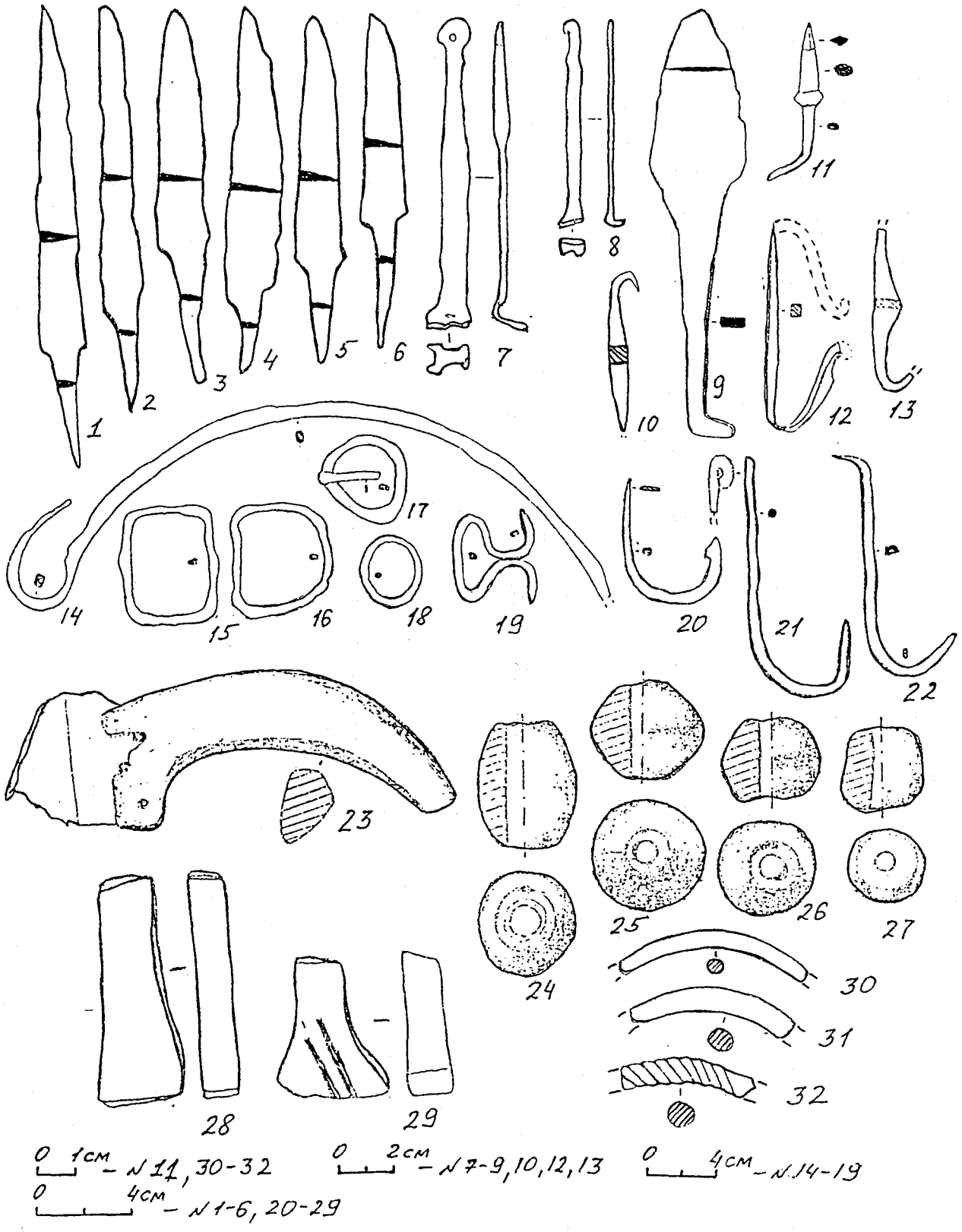


Рис. 29. Шиловское поселение. Материалы из культурного слоя.

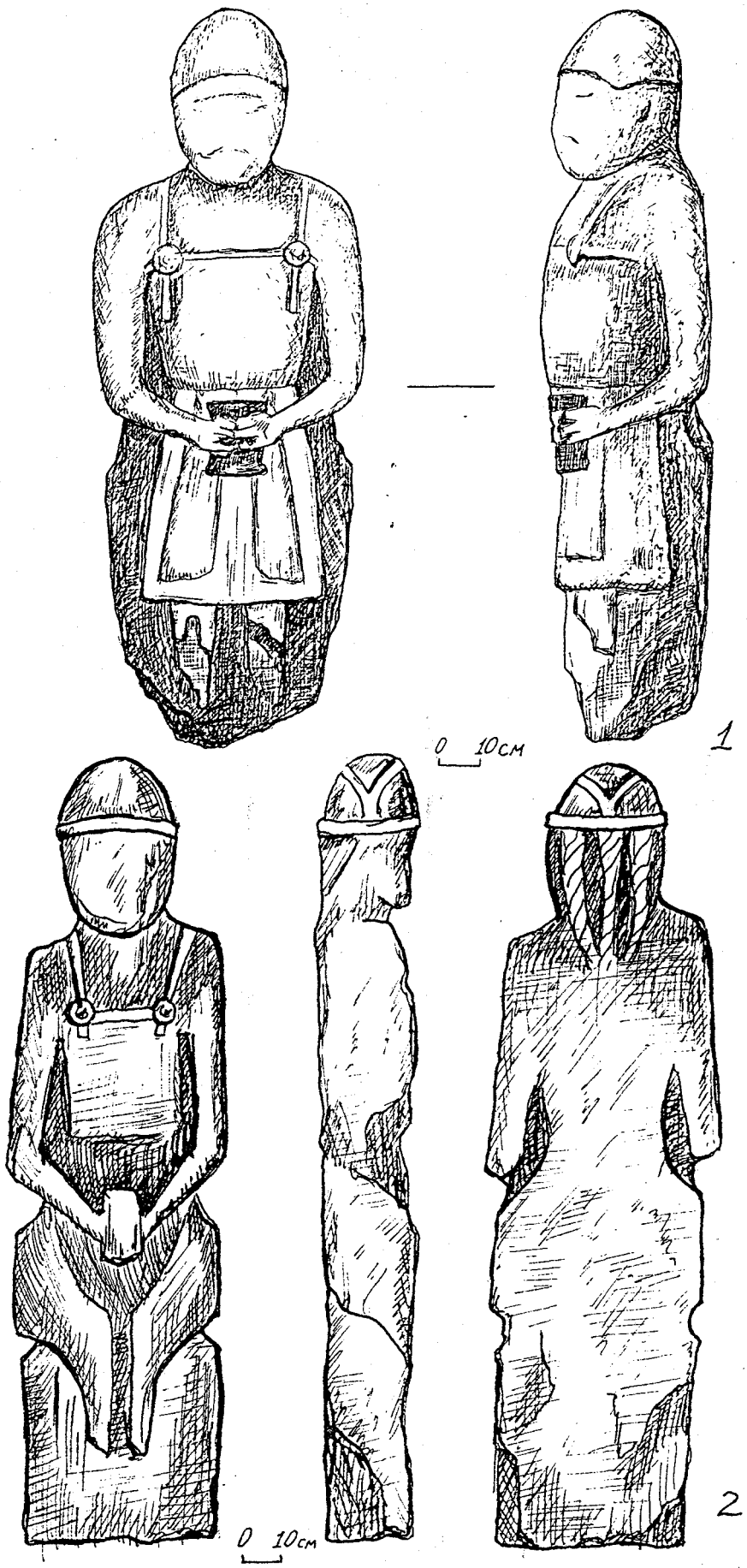


Рис. 30. Половецкие каменные изваяния: 1 - с. Покровка (Волоконовский район, Белгородская область); 2 - с. Плетеневка (Волчанский район, Харьковская область).